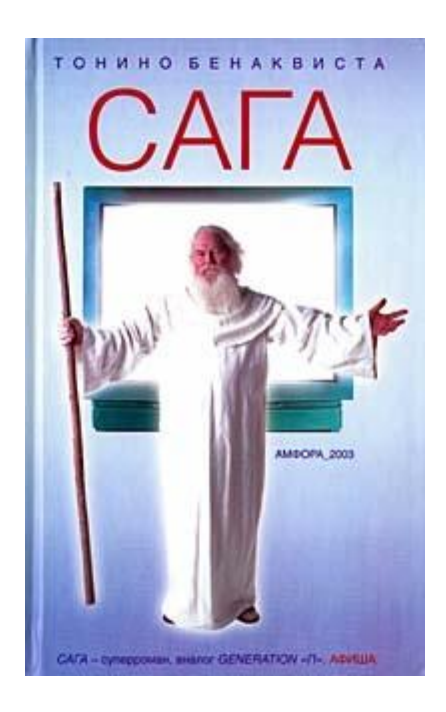
Бенаквиста Тонино

Сага

В книге есть заимствования у Грушо, Бергмана, Шаффера, Превера и некоторых других.

Но прежде всего я обязан воздать должное Цезарю, моему отцу.

Моя благодарность Даниелю, Жану-Филиппу, Франсису и Фредерику.

Он писал свои драмы по мере того, как их транслировали. Я убедился, что написание каждой главы занимало у него почти вдвое больше времени, чем исполнение, то есть один час.

– Только что гинеколог принимал роды тройни у своей племянницы, но один из этих лягушат застрял. Не можете ли вы подождать пока минут пять? Я сделаю девушке кесарево сечение, а затем мы выпьем с вами отвара йербалуисы с мятой.

Марио Варгас Льоса «Тетушка Хулия и писака»

Тонино Бенаквиста

Тонино Бенаквиста родился в 1961 г. в семье итальянских иммигрантов. Изучал кинематографическое искусство, работал проводником поезда, декоратором, продавцом пиццы. Автор романов «Недоразумение в спальном вагоне» (в русском переводе «Охота на зайца»), «Машина для раздавливания маленьких девочек», «Укусы зари». За романы «Три красных квадрата на черном фоне» и «Комедия неудачников» получил несколько литературных премий, в том числе «Гран-при» в области полицейского романа и «Приз-мистерия критиков». В 1998 г. признан читателями журнала «Elle» лучшим автором года за роман «Сага».

КОМАНДА

Литература – это роскошь.

Вымысел – это необходимость.

Г.К.Честертон

1. Луи

Она лежала на паркетном полу с окровавленным лбом и левой рукой, скрытой складками шторы.

– Ваши ноги в кадре, – сказал тип из отдела идентификации. Старший инспектор отступил на шаг, чтобы не мешать фотографу сделать несколько общих снимков тела.

– Когда это случилось?

– Здесь можно приготовить кофе?

– Сосед услышал шум около семи часов утра.

– Можно убрать тело?

– Наверное, она зашла сюда случайно. Убийца оказался застигнутым врасплох.

Младший из двух инспекторов оторвался от записной книжки, бросил взгляд на коллегу и поспешно, чтобы его не опередили, высказал гипотезу:

– Похоже на работу взломщика, из тех, что работают только в августе и быстро приходят в панику при малейшей опасности.

– Скорее всего, у него были ключи от квартиры. Некоторое время он рылся в комнате, перевернул все вверх дном, и шум разбудил жертву. Женщина встала и вышла из спальни, чтобы посмотреть, что происходит в гостиной.

Необычная суета вокруг тела Лизы достигла разгара. Со всех сторон раздавались обрывки фраз, на которые редко кто реагировал.

– Он запаниковал, схватил пепельницу с каминной полки и два раза ударил жертву по голове.

– Видимо, здорово перепугался – удар очень сильный.

– Выяснили, что украли?

Молодой инспектор показал деревянную шкатулку, инкрустированную перламутром.

– Здесь явно лежали драгоценности. Похоже, больше ничего не взяли.

– Что известно о ее семье?

– Детей у нее не было, она жила с мужем. Сейчас он в Барселоне, должен вернуться вечером.

– Можно убрать тело?

– Отпечатков мы не обнаружили.

– У консьержки и горничной были запасные ключи.

– Вызовите их ко мне. И соседа тоже.

Санитары с носилками скрылись в коридоре. Как всегда, едва вынесли тело, комната сразу почти опустела. Старший инспектор застегнул на молнию свою куртку, его коллега в последний раз посмотрел в окно.

В комнате воцарилась тишина.

Было около одиннадцати, и полицейские обменялись несколькими общими фразами по поводу завтрака и этого странного августа, больше похожего на октябрь. Им нужно было уладить дела в комиссариате, и Дидье, самый молодой из всех, предложил поехать по улице Прованс, чтобы избежать пробок на Больших Бульварах.

– Никто бы не захотел погибнуть так, как вы описали…

Полицейские, стоявшие в коридоре, одновременно обернулись. В гостиной, на стуле, втиснутом между забитым до предела книжным шкафом и дверью в соседний кабинет, сидел Луи. Ему удалось, словно хамелеону, слиться с окружающей обстановкой; странная неподвижность и костюм такого же цвета, что и старинная мебель, сделали его совершенно незаметным. Он явно не считал нужным подняться и сохранял полнейшую невозмутимость, как умел делать это в самых сложных ситуациях.

Дидье почувствовал, что совершил оплошность, не заметив постороннего в комнате.

– Вы здесь давно?

– С полчаса. Просто решил зайти, и меня никто не заметил. Я редко привлекаю внимание.

– И что вам здесь понадобилось?

– Я почти родственник. Еще два года назад я был женат на этой женщине. Но она развелась со мной и вышла замуж за известного актера. К сожалению, я не настолько богат, чтобы жить с ней в такой квартире.

– Как вас зовут?

– Луи Станик.

Старший инспектор, не сводя глаз с Луи и не скрывая раздражения, снял куртку.

– Значит вы «просто» решили зайти?

– У меня была деловая встреча в двух шагах отсюда. Я знал, что ее муж в отъезде, так как прочел в газете, что он снимается в Испании. Вот и решил, что если зайду «просто так», то, может быть, она меня впустит.

Старший инспектор подумал, что его раздражает больше всего: то ли невероятно естественное поведение Станика, то ли его способность обходить острые углы в этой необычной ситуации.

– У вас есть ключи от квартиры?

– Нет. Но у меня есть алиби на это утро.

– У нас здесь не американский телефильм.

Луи недавно исполнилось пятьдесят. Прямые усики и густые брови придавали его лицу серьезность, с которой не вязалось лукавство во взгляде светлых глаз. Он встал, распрямив свое высокое нескладное тело, и хрустнул пальцами. В бархатном голосе, идущем словно из глубины горла, прозвучали нотки печали.

– В американском телефильме я бы уже давно проливал слезы. Но я предпочитаю заняться этим позже.

– Да, похоже на правду, – сказал Дидье. – Вы явно переживаете случившееся как-то уж слишком… слишком спокойно…

Старший инспектор взглядом дал понять юному коллеге, что тот мог бы и воздержаться от подобного замечания. Похоже, и сам Дидье удивился тому, что сказал.

– Вы ошибаетесь, мне совсем не легко видеть распахнутой дверь в ее квартиру и каких-то типов, шныряющих вокруг ее тела. Но больше всего меня огорчает ваша версия случившегося.

Полицейский набрал полную грудь воздуха, чтобы не вспылить. В общении с Луи нужно было держать ухо востро.

– И чем вас не устраивает наша версия?

– Она правдоподобна, но маловероятна. Возможна, но абсолютно нереальна. Нет, никто бы не захотел погибнуть так, как вы описали.

– Если у вас есть какие-то сведения, сообщите их.

– Кому хочется умереть от удара пепельницей, нанесенного каким-то воришкой, удирающим затем с драгоценностями?

– В нашей профессии сталкиваешься и с более нелепыми смертями.

– Но не в моей. Вы действительно верите, что ее убили из-за драгоценностей в шкатулке?

– Это нам должен подтвердить ее муж. Или горничная.

Луи чуть было не возразил, что ни горничная, ни, тем более, муж ничего не расскажут им про Лизу.

– Лиза ненавидела драгоценности, что меня очень устраивало, так как за десять лет совместной жизни я не смог подарить ей ни одного украшения. Кстати, она умудрилась потерять обручальное кольцо во время нашего свадебного путешествия.

– …?

– А если в этой шкатулке находилось что-то другое? То, чем она очень дорожила? То, за чем специально пришел убийца?

– Пока он для нас всего лишь обычный взломщик, которому не хватило хладнокровия.

– Думаю, можно придумать что-нибудь и получше.

Слова Луи прозвучали без капли иронии. Напротив, чувствовалось, что он пытается быть логичным и помочь следствию.

– Вы прожили с ней десять лет. Мы вас слушаем.

Солнечный луч заскользил по спинке кресла. Луи устроился в нем и прищурил глаза от яркого света.

– Лиза спала очень чутко. Грабитель никогда бы не смог перевернуть вверх дном всю квартиру, не разбудив ее. Она видела, как он орудует. Ключей при нем не нашли, значит, это она впустила его.

– Продолжайте.

– Этот тип рассуждал так же, как я. Он пришел на рассвете, зная, что ее муж в Испании. А в семь утра в квартиру впускают только близких.

– Или любовника.

– Почему бы и нет? Это в ее стиле – завести любовника. Ведь в течение двух последних лет нашего брака у нее была связь с актером, за которого она потом вышла замуж.

– И что же этот любовник хотел найти в шкатулке?

– Пока мы можем рассмотреть один или два возможных варианта. Пожалуй, есть и третий, но он слишком сложен и, следовательно, не заслуживает внимания. Представим, что любовник решает сообщить ей, что хочет с ней порвать. Но Лиза об этом не подозревает; наоборот, она собирается воспользоваться неожиданной возможностью провести с ним ночь, не боясь внезапного появления мужа. Однако любовник не желает преподносить ей такой подарок в ознаменование разрыва. Поэтому он появляется как можно позднее, ранним утром, чтобы поставить ее перед свершившимся фактом. И даже подготавливает примерно такую фразу: «Мне так хотелось, чтобы ты меня полюбила, по ты всегда видела во мне лишь любовника». Однако проблема в том, что он не может считать себя совершенно свободным, пока не вернет свои письма.

– Какие письма?

– Безумно романтические письма, которые он написал ей за время их романа. Лиза обожала любовные послания, ей нужны были такие доказательства, чтобы чувствовать себя любимой. Она ценила их несравненно выше, чем драгоценности! Я знаю, о чем говорю – ведь я добился ее только благодаря своим письмам. В то время они у меня прекрасно получались.

– У вас есть хоть малейшее представление о том, кто бы мог быть ее любовником?

– Никакого. Но это явно женатый человек. Совершенно необходимое условие. Она никогда бы не заинтересовалась юным воздыхателем, который третировал бы ее просьбами, чтобы она развелась. Ее возбуждала двойственность ситуации, двойной адюльтер. Когда она познакомилась с артистом, тот тоже был женат. И потом, Лиза не бросилась бы на шею первому встречному, ей нужен был человек, с которым было бы престижно появляться в обществе, который был бы широко известен, то есть, занимал бы видное положение в шоу-бизнесе, понимаете, что я имею в виду?

– Более-менее.

Луи любил изображать ситуацию так, словно самое странное было вполне естественным. И делал это весьма убедительно.

– Следовательно, любовник должен был любой ценой уничтожить письма, иначе Лиза непременно воспользовалась бы ими. Вытряхивая содержимое ящиков серванта, он наконец натыкается на перламутровую шкатулку. Чувствуя себя в безопасности, но не в силах противиться нахлынувшей ностальгии, он говорит ей приблизительно следующее: «Теперь остается самое трудное, Лиза, забыть все, забыть, что ты существовала, пусть о тебе останется лишь смутное воспоминание, а потом я забуду и это воспоминание». Рассвирепевшая Лиза угрожает обо всем рассказать его жене. Он паникует, она отвешивает ему пощечину, он хватает пепельницу и…

Молчание.

Инспектор пристально взглянул на шкатулку, потом попросил Дидье сходить на кухню и принести остатки остывшего кофе.

– Такая версия событий вам подошла бы больше, да, месье Станик?

В этом инспектор ни капли не сомневался. Это убийство явно носило необычный характер, а он всегда предпочитал убийства из ревности у богачей, чем потасовки двух сопляков.

– Не знаю, – ответил Луи. – Вообще-то мне бы очень хотелось, чтобы тайна ее смерти раскрыла наконец секрет ее рождения.

– Что вы имеете в виду?

Дидье принес чашку кофе. Луи достал пачку сигарет, и инспектор стрельнул у него одну. Закуривая, он бегло обменялся с Дидье взглядами.

– Значит, вы не знаете, что Лиза – подкидыш?

Дидье, хотя его никто об этом не просил, достал блокнот и зачитал вслух информацию, полученную из Центрального банка данных.

– Все верно. Лиза Колетт была найдена в 1957 году у дверей госпиталя в Кане, ей было два года.

– До шестнадцати лет она находилась на попечении департаментской комиссии по санитарии и общественной деятельности, – добавил Луи. – В то время ходили слухи, что у нее есть брат, но его никто никогда не видел.

– Похоже, вы информированы лучше, чем кто-либо.

– И тем не менее Лиза редко бывала откровенной. Впрочем, ее любовь к секретам еще сильнее сводила меня с ума…

Старший инспектор, все более явно выражая свое нетерпение, попросил продолжать.

– Допустим, что брат решил связаться с Лизой.

– Из-за денег?

– Тогда бы он объявился намного раньше.

– Проснулись родственные чувства?

– Через сорок-то лет?

– Тогда что же?

– Есть только одна причина: ему нужна была операция по пересадке костного мозга.

– Простите, что?

– Попробуйте найти другой мотив, и вы поймете, что это единственно возможный. И только сестра могла ему помочь.

– ...?

– Однако такая сложная операция не может пройти незамеченной, а Лиза не хочет, чтобы с появлением этого человека кто-то начал рыться в ее прошлом. Она категорически отказывается помочь. Но брат настаивает – речь идет о его жизни. Утром он приходит к Лизе и умоляет ее, это его последний шанс. Однако она снова отказывается спасти его. Он знает, что приговорен и должен умереть, но эта девка его не переживет!

Подобно пьяному, пытающемуся любой ценой выглядеть трезвым, инспектор счел делом чести скрыть свое удивление искренностью Луи. Дидье застыл, опустив руки и ожидая реакции начальника.

– Она приговорила к смерти своего брата?

– Это был единственный способ, чтобы больше с ним не встречаться.

– Вы изобразили нам настоящее чудовище.

– Только чудовище способно пробудить истинную страсть.

Инспектор уже начал сожалеть, что это не рутинное расследование. Особенно после того, как Луи сообщил:

– Подумав как следует, я решил предложить вам кое-что иное.

Инспектор, словно уже ожидавший подобного поворота, возвел глаза к небу и сжал кулаки. Луи сохранял полную невозмутимость. И искренность.

– Валяйте! И покончим с этим!

– Инспектор, кто, по-вашему, может уничтожить чудовище? – ...?

– Только другое чудовище.

Дидье подавил вздох, сделав вид, будто хотел откашляться.

– Вы помните о деле Андре Карлье?

Никто из инспекторов не прореагировал.

– Это военный преступник, которого преследовала полиция всех стран мира. Он исчез в районе Кана в 1957 году. Больше никто его не видел.

– Никогда не слышал о нем.

– Однажды, просматривая бумаги Лизы, я случайно наткнулся на старую вырезку из газеты, в которой шла речь о том деле. Очевидно, это не было случайным совпадением. Лиза – дочь Андре Карлье.

Инспектор даже не успел удивиться.

– Она полагала, что он далеко, может быть, даже мертв, но призрак в конце концов возвратился. Зачем? Чтобы в последний раз перед смертью повидать свое милое дитя? Чтобы шантажировать ее? Или, наоборот, отдать ей награбленные во время войны сокровища? Кто знает? Утром она впускает в дом этого человека, которого никогда не видела и который давным-давно ее бросил. Во время встречи, о которой мы тоже никогда ничего не узнаем, Лиза погибает от ударов, которые он наносит ей по голове.

– Почему вы считаете, что мы никогда ничего не узнаем?

– А вы представьте себе личность Карлье. Он так и не искупил вину за свое прошлое. Теперь он стар, затравлен, и лишь надежда увидеть дочь до последнего времени придавала ему силы. Вы думаете, что он сможет пережить страшную сцену, разыгравшуюся утром?

Вполне возможно, что в ближайшие дни тело этого негодяя ваш патруль обнаружит на одном из берегов Сены.

Инспектор с отсутствующим видом скрестил руки на груди и о чем-то задумался. Дидье раскрыл блокнот и нацарапал в нем несколько слов.

Впервые за все время глаза Луи затуманились при виде обрисованного мелом контура тела Лизы. Возможно, именно в этот момент он осознал, что больше никогда ее не увидит.

– Месье Станик, я должен составить отчет. Ваш рассказ будет зафиксирован в протоколе.

– Стоит ли, инспектор? Забудьте все, что я вам сообщил.

– … Забыть?

Луи закрыл глаза, чтобы скрыть выступившие слезы, как это часто бывает в торжественные моменты.

– Вы были правы, инспектор. Лизу наверняка убил грабитель.

– …?

– Но люди моей профессии не могут представить себе, чтобы жизнь заканчивалась так глупо. Особенно жизнь тех, кого вы любили. Так и хочется придумать для них смерть, связанную со страстями.

Луи медленно направился в комнату Лизы. Ошеломленные полицейские двинулись следом.

– И… и что у вас за профессия?

После некоторого молчания Луи опустился на колени перед кроватью.

– Я – сценарист.

Его рука скользнула по смятым простыням, и он уткнулся лицом в подушку.

2. Матильда

Любовь.

Любовь никогда не приносила денег Матильде. Ну, может, совсем немного. Она двадцать лет служила любви, преподносила ее в лучшем виде, как настоящая мастерица показывала ее лучшие стороны. Любовь – это была ее работа, она овладела всеми ее хитростями и уловками. Иногда даже придумывала новые. Прежде, чем сдаться, любовь навязывала ей свои капризы, свои условия. И так день за днем, с утра до вечера. Но к чему считать часы, когда речь идет о любви? Разве любовь когда-нибудь спит? Разве у любви бывает отдых? Любовь постоянно требовала от нее все новых фантазий, однако ничем не помогала. Матильда искусно черпала вдохновение из сокровищницы своей тайной нежности. За двадцать лет, прошедших в погоне за любовью, она усвоила, что самопожертвование – неиссякающий жизненный источник.

Так или иначе, но ни на что другое Матильда не была способна. Виктор повторял ей это каждый день.

– Твой талант – божий дар. Ты только и умеешь, что делать это, но, черт возьми, как здорово ты это делаешь!

В конце концов, она сама поверила в тот образ великой жрицы любви, который так нравился Виктору. «Колдунья, повелительница сердец и страстей, хранительница неугасимого любовного огня», – он никогда не боялся преувеличений, когда требовалось подбодрить ее во время работы. Она свято верила во все, что слышала из уст Виктора, начиная с первого дня их знакомства.

Ни на миг у нее не возникло желания избежать ловушки, таившейся в его взгляде, когда она, сидя за краешком стола в бистро на площади Вогезов, увидела его. В ту же секунду

Матильда бросила писать свой дневник. С обаянием проповедника, отрекшегося от веры, Виктор увлек в свои сети ее наивную душу. В тот же день он стал и ее любовником. Ей тогда не было и восемнадцати. Он ни за что не провел бы с ней в постели больше одного вечера, если бы она очень быстро не проявила поразительные способности ко всем тонкостям любви.

Десять лет безоблачного счастья. Она – за своей работой, он – за своей конторкой. Прямо как в песенке из «Трехгрошо-вой оперы». Он всегда умел дать ей совет и обеспечить уют, в котором она нуждалась для спокойной работы. Время от времени Виктор выводил Матильду в свет, чтобы немного развлечь и чтобы румянец оживил ее бледные щеки. Ему было достаточно проявлять к ней хоть каплю внимания, чтобы ловко избегать фразы «Я люблю тебя», которую она так мечтала услышать.

Потом все стало таким рутинным, таким печально предсказуемым. Раз в три недели Виктор появлялся в ее квартирке на улице Месье-ле-Прэнс, чтобы забрать плоды ее трудов. За пять минут он овладевал Матильдой на краю постели, и она никогда не требовала от него большего. В ней было достаточно любви еще на десять лет. И еще десять лет она любила его, несмотря на его брак с первой встречной женщиной и на рождение двух детей. «Любовь не имеет отношения к семье», – часто повторял Виктор. В конце концов, Матильда в это поверила. В тридцать лет она превратилась в старую любовницу, которой можно ничего не обещать.

Матильда с еще большим ожесточением ушла в работу. Чтобы забыть Виктора или, наоборот, вызывать его восхищение, она и сама толком не знала. Он становился все требовательнее и часто настаивал на том, чтобы она вносила побольше пикантностей в свои сочинения.

– Пикантности… Что ты имеешь в виду?

– Фантазии, жаркие сцены, черт побери! Заставь в конце концов говорить свою плоть!

В свои сорок лет Матильда соглашалась на все. Она пожертвовала своей юностью, своей мечтой родить детей. И все во имя чего? Во имя любви?

– Мне очень жаль, милочка, но я не смог продать даже тысячи экземпляров «Забытой любовницы».

– Но, Виктор… Я сделала все, что ты требовал. Добавила главы, где действие происходит в «Эрос-центре»…

– Я знаю, что ты старалась, но задница больше не привлекает читателя.

– Это из-за моего псевдонима. Кого привлечет последний роман Клариссы Гранвиль? Следующий роман я подпишу иначе. Например, Пэтти Пендельтон. Она уже давно ничего не публиковала.

Пэтти Пендельтон. «Очертя голову», «Замок без любви», «Та, которая ждет». Тридцать пять тысяч экземпляров каждой книги. Пэтти Пендельтон и неожиданные повороты сюжета, ее безумная романтичность, коттедж в Сассексе…

– Все это было уже пятнадцать лет назад, Матильда. Сегодня ты этим не возместишь даже стоимости бумаги.

– А Сара Худ? Ведь фаны ждут продолжения приключений Джейнис!

«Джейнис и Дама червей», «Джейнис идет на войну», «У Джейнис есть сестра», «Наследие Джейнис» и так далее.

– И что ты родишь на этот раз? «Джейнис в Интернете»? «Джейнис теряет вставную челюсть»? Читателям наплевать на эту дуру.

– Я могу возобновить серию «Экстаз». «Запретные мечты», «Экзотическая дрожь», «Дикая девушка Андреа», «Оазис наслаждений» и так далее.

Сидевший за письменным столом Виктор зашелся от смеха и схватил с закрывавшей всю стену полки первую попавшуюся книгу.

– Ты хочешь писать о сексе? Тебе прочитать любой отрывок из «Скандалистки»? «Эдвина почувствовала, что ее воля ослабевает под настойчивой рукой Дэвида. Она поняла, что рано или поздно отдастся ему, и этот час наконец наступил. Она опустилась на колени перед своим возлюбленным и коснулась губами его древка». Его древка! Нужно быть по меньшей мере шестидесятилетним, чтобы понять, о чем идет речь, черт возьми! Всем плевать на твой устаревший изысканный язык. Хуже всего то, что ты в этом даже не виновата. Как ты можешь надеяться, что читатель поверит твоим идиотским «Экстазам», если сама знакома только с двумя позами, да и то вторая предназначается исключительно для праздничных вечеров…

– Мне неприятно говорить это, Матильда, но тебе придется забрать свою последнюю рукопись.

– Что ты сказал?

– Я не стану ее издавать.

– …?

– Если мне не удастся увеличить торговый оборот, придется продать часть нашей конторы. А я слишком долго сражался за нее, чтобы делиться с незнакомыми людьми.

Бледная как смерть, задыхающаяся, Матильда склонилась над столом, пытаясь дотянуться до руки Виктора.

– Издательство «Феникс» – ведь это мы вдвоем… Вот уже двадцать лет… Мы вместе создали это издательство… Конечно, делами управляешь ты, но ведь это я написала первые книги и отдала их тебе без контракта, без задатка… Да у меня и сегодня нет контракта! Мы всегда работали, доверяя друг другу… Всегда были одной командой, разве не так?

Матильда с надеждой ловила улыбку на лице Виктора. Но он старательно отводил взгляд. Возможно, чувствовал неловкость. Или испытывал к ней отвращение.

– Забери свою рукопись. Завтра получишь все, что я тебе должен за «Забытую любовницу».

Она поднесла ледяную руку ко лбу. Господи, да ведь это жест Джейнис, полный изящества и патетики!

– Я должен дать шанс и другим авторам, как когда-то дал его тебе. У молодых более современный стиль, он лучше отвечает запросам публики. Ты слишком много работала последние годы, моя милочка. Возьми отпуск. Попытайся заняться чем-то другим.

Матильда ухватилась за спинку кресла, чтобы не потерять равновесия. Еще никогда она не была так похожа на своих героинь – прекрасных и беззащитных.

– Я больше ничего не умею…

– Тебе будет сложно пристраивать свои рукописи, Матильда. Я не знаю ни одного издателя, который бы согласился их взять.

Лучше бы он ударил ее, разбил в кровь лицо…

– Как же я буду жить?

– Поработай на женские журналы, попиши юморески для телевидения – для этого не надо быть семи пядей во лбу. Или выйди замуж. В твоем возрасте это еще возможно. Почему все находят любовь, кроме тебя?

3. Жером

Убийца склоняется над облаченным в оранжевые одежды бонзой, преклонившим колени перед гигантской статуей Будды. Звучит апокалиптическая музыка. Стены храма содрогаются от взрыва, земля проваливается у них под ногами.

– Слушай, парень, как быстро можно научиться левитации?

Столб голубоватого дыма вихрем кружит вокруг статуи Будды, который медленно открывает глаза. Перед зрителями возникает лицо Джин-зо.

Борец со смертью не верит своим глазам. Он хватает бонзу и бросается прочь, пока последняя стена не рухнула им на головы. Они выбегают из храма и оказываются в центре Лос-Анджелеса.

Превратившись в человека, Джин-зо врывается внутрь небоскреба. Сумасшедшая гонка по лестницам, схватки врукопашную. Крепко держа Джин-зо, Борец бросается в пустоту… и хватается за подъемный кран. Рабочие приводят в действие подрывное устройство, и небоскреб взлетает в воздух. Джин-зо исчезает под грудой дымящихся развалин. Борец, словно кот, подтягивается и смотрит с высоты подъемного крана, как на Лос-Анджелес опускается ночь.

Заключительные аккорды.

Титры.

Возбужденные подростки бросились из зала наружу. Остальная часть публики дождалась в полумраке окончания титров и неторопливо устремилась к автоматически открывающимся дверям. Когда вспыхнул свет, в зале не осталось никого, кроме Жерома, затерявшегося среди пустых кресел. Белый, как полотно, он встал и огляделся в поисках укромного уголка. Его тошнило. Заметив, что он шатается, билетерша проводила его до туалета и вытянула несколько бумажных салфеток из полотен-цедержателя на стене.

– Это фильм так на вас подействовал?

– Похоже, он идет у вас с потрясающим успехом?

– Еще бы… Сталлоне и Шварценеггер в одном фильме! В полдень зал был набит до отказа, на следующий сеанс многим не хватило билетов. На этой неделе мы больше не принимаем заказов по телефону.

Жером сунул голову под кран с холодной водой, словно желая протрезветь. Однако последний раз он притрагивался к спиртному более трех недель назад. Он извлек из одного кармана старенького плаща номер «Ле фильм франсэ». Из другого торчала синяя закругленная деревянная пластина. Билетерша ни за что на свете не догадалась бы, что это бумеранг.

– Я прочел в газете, что в США этот фильм собрал больше зрителей, чем «Бэтмен». Знаете, сколько это принесло сценаристу? Четыре миллиона долларов.

– Да уж, повезло ему, – пожала плечами билетерша. Жером едва удержался, чтобы не отвесить ей оплеуху. В этот момент он был способен ударить кого угодно, даже ни в чем не виновную женщину.

В карманах у Жерома не было ни гроша, и он отчаянно ломал голову над тем, как накормить вечером Тристана и как выкручиваться в последующие дни. Он потратил тридцать девять франков на «Ле фильм франсэ», сорок франков на «Борца со смертью» в кинотеатре на Больших Бульварах. Жером уже сожалел, что не придумал для себя какой-нибудь предлог, чтобы не идти в кино, однако желание посмотреть фильм оказалось настолько велико, что он бросился к билетной кассе. Желание посмотреть. Желание посмотреть его.

Ожидая, когда стемнеет, он решил укрыться в Булонском лесу, как это часто делал в последние месяцы своих скитаний. Не дойдя сотни метров до озера, он остановился посреди ровной пустой площадки и вынул из кармана плаща бумеранг. Легкий ветерок дул в нужном направлении.

Брось, старина, забудь про это дерьмо, ты еще не все потерял, у тебя есть Тристан и твой бумеранг. Да и что такое, в конце концов, эти четыре миллиона долларов?

С первого же броска бумеранг описал настолько правильную кривую, что Жерому пришлось сместиться всего на пять метров в сторону, чтобы поймать его.

Начни сначала, не думай об этой сволочи, а то ты совсем изведешься и у тебя не хватит злости плюнуть этим вечером ему в рожу. Давай, брось еще раз!

Бумеранг да еще плащ были последними реликвиями его прежней жизни, о которой, как он надеялся, ему никогда не придется пожалеть. Он сам вырезал бумеранг в виде большого вопросительного знака, а Тристан покрасил его в цвета американского флага. Получилось настоящее чудо, способное продержаться в воздухе не менее полминуты. Как раз столько, чтобы представить, будто бумеранг никогда не вернется в свою колыбель.

Еще! Бросай, пока не заболит рука. Безнаказанности не существует! Рано или поздно каждому мерзавцу приходится расплачиваться.

В тот момент, когда он готовился к очередному броску, у него возникло странное ощущение в животе.

Безнаказанности не существует…

Казалось, его желудок разъедает кислота.

Безнаказанности не существует…

Словно какая-то головешка сжигает ему все внутренности.

Безнаказанности не существует…

Жжение было настолько сильным, что Жером пожалел, что больше не может вызвать у себя рвоту. Он создал Мстителя именно потому, что его всегда приводила в ужас мысль о безнаказанности. Каждый человек рано или поздно платит за содеянное. Это Высший закон.

Но страшное сомнение продолжало жечь ему внутренности:

А если безнаказанность все же существует?

Он присел под навесом автобусной остановки на Елисейских полях. На длинной террасе на противоположной стороне авеню виднелись темные силуэты мужчин и женщин, чокающихся бокалами с шампанским. Сидевшая рядом с ним женщина упорно не отрывала взгляда от своих рваных теннисных туфель и совершенно вытертых джинсов. Жером снова глянул на фигуры в смокингах, блестящие, словно светлячки.

Наконец огни наверху погасли. Жером пересек улицу и остановился у здания, где загружались грузовички, доставлявшие заказы на дом. Затем прислонился к белому каменному входу в метро «Георг V» и подобрал валявшееся в водостоке приглашение.

Киностудия БЛЮ-СТАР ПИКЧЕРЗ

Приглашает Вас на презентацию фильма

«Борец со смертью»

Режиссер Норман Ван Вюйс

В главных ролях:

Сильвестр Сталлоне

и Арнольд Шварценеггер

Кучка гостей вышла на улицу. Во главе шествовал Ивон Совегрэн, основательно подвыпивший, с накинутым на плечи смокингом. Кто-то предложил продолжить празднование в другом месте, и довольный Совегрэн плюхнулся на заднее сиденье «мерседеса», куда уже набилось несколько гуляк.

Внезапно кто-то громко окликнул его со стороны входа в метро. Совегрэн с первого взгляда узнал Жерома. Придя в себя от неожиданности, он успокоил окружающих взмахом руки.

– Подождите, я на минутку.

Он выбрался из машины и быстрыми шагами направился к Жерому, на ходу вытаскивая из кармана бумажник.

– Возьмите это и убирайтесь. Я ненавижу нелепые ситуации.

Ошеломленный Жером увидел в своей руке бумажку в 500 франков.

– Месье «Мститель» принес вам четыре миллиона долларов! Я прочитал об этом в «Ле фильм франсэ». Там подробно рассказывалось, как один француз написал сценарий, который сразу купил Голливуд! И сценарист – вы!

– Так вы потеряете и все остальное.

– Два года! Два года назад я послал вам сценарий, и вы заставили меня дорабатывать его, пока не получился именно тот вариант, по которому сняли фильм, что я видел утром! Вы только изменили название!

– В нашей профессии каждый рано или поздно может оказаться в подобной ситуации. Считайте, что вы получили урок. Согласен, горький урок. Но в нашей работе наивность граничит с глупостью, а за глупость всегда надо расплачиваться. Что за дурость – отправить сценарий, даже не зарегистрировав его в Обществе авторов… Это первое, что я сделал, получив от вас рукопись.

Рука Жерома скользнула в карман плаща и судорожно сжала бумеранг.

Он прикрыл на секунду глаза, и представил, как лопастью разбивает в кровь лицо Совегрэна. Картинка была очень четкой, в цветном изображении и широкоэкранном формате: изувеченные черты лица, струя крови, льющаяся из рассеченной брови, лопнувшая губа. Если бы он так поступил, то, может, избавился бы от боли, но одна вещь остановила его. Мысль о Тристане.

– Я думал, что на такое никто не способен.

– Добро пожаловать в клуб дураков.

Совегрэн уже собирался вернуться к своим приятелям, когда Жером схватил его за руку.

– У меня брат, он очень болен, мне негде жить…

– Сам министр культуры поздравил меня, поскольку я доказал американцам, что мы можем писать не хуже них. Он даже предложил мне подготовить доклад о кризисе сценарного искусства во Франции. И не пытайтесь мне угрожать.

Жером хотел снова схватить его за рукав, но Совегрэн отвесил ему пощечину.

– Американцы уже поговаривают о «Борце со смертью-2». Мне будет чертовски недоставать вас, Жером.

4. Я

Кто из нас четверых чувствует себя наиболее скованно? Конечно, я, учитывая бессонную ночь, проведенную в ожидании этой встречи. Но и остальные, похоже, не в своей тарелке. Сидя на двух противоположных диванчиках, мы злобно уставились друг на друга, не пытаясь даже познакомиться.

Матильда Пеллерен, кажется, задается вопросом: какого черта она здесь делает? Раза два она резко поднималась, будто собираясь уйти, но потом снова садилась, явно не понимая, что ее удерживает. Видимо, ее смущает чисто физический аспект: трое мужчин в жалком помещении. Чужие взгляды с трех сторон. Изучающие взгляды.

Зато мне хорошо известно, почему Жером Дюрьец сидит как прикованный: ему нужны бабки. Есть люди, способные с высокомерной пренебрежительностью относиться к своей бедности, но Дюрьец не из их числа и выдает себя с головой при малейшем жесте. Когда мы обменивались рукопожатиями, он попытался спрятать потрепанные обшлага своей рубашки; остановившись перед кофейным автоматом, сделал вид, что ищет в карманах мелочь, а когда я угостил его кофе, он смаковал его так, словно не пил целую вечность. Мне даже захотелось одолжить ему немного денег, чтобы он стал чувствовать себя увереннее, поскольку его манера их постоянно считать быстро стала действовать мне на нервы. Один Бог знает, где его откопали. Больше всего меня интригует Луи Станик. Он единственный, кто попытался ободрить нас небольшой речью, какую обычно произносит декан факультета в первый день занятий. Наверное, это привилегия старшего по возрасту. Ему, похоже, уже исполнилось пятьдесят; он высокого роста, держится подчеркнуто прямо, а усы и роговые очки придают ему облик Граучо Маркса[1]. Он – единственный из троих, о ком я нашел сведения в профессиональных ежегодниках. Пять строчек посвящены ему в «Лярус дю синема», где говорится, что в семидесятых годах Станик долгое время работал в Италии, однако названия его фильмов мне ничего не напомнили. Вернувшись во Францию, он написал сценарий полнометражного фильма, который так и не вышел на экраны. Потом с ним не происходило ничего необычного, и в конце концов Станик оказался здесь, в этой странной комнате. В общем, его послужной список настолько мал, что вполне мог бы уместиться на четвертушке листа. И хотя в моем послужном списке нет пока ни единой строчки, я даю себе клятву, что не закончу свою карьеру так, как Станик.

Никто не пытается нарушить тишину. Я встаю, подхожу к окну. Мы находимся в небольшом четырехэтажном здании на авеню де Турвиль в VII округе. Комната, в которой мы собрались, совершенно пустая, если не считать двух диванчиков и кофейного автомата. Похоже, что ее прежние хозяева тайком съехали отсюда, прихватив все, имевшее хоть малейшую ценность. Перегородка с большим окном позволяет видеть все, что происходит в коридоре. Сейчас там происходит нечто странное. То ли из-за усталости, то ли из-за волнения или стресса, но мне мерещится, что по коридору вереницей проплывают скальпы блондинок. Иногда удается различить лоб, глаза или шапочку, но все очень неотчетливо.

Тишину разрывает телефонный звонок, и напряжение сразу падает. Станик снимает трубку и через пару секунд кладет на рычаг – секретарша директора студии сообщила ему, что встреча откладывается на два часа.

– Мы и так проторчали здесь битый час, – ворчит Дюрьец.

Станик пожимает плечами, демонстрируя свою беспомощность. Для него терпеливое ожидание давно превратилось в постоянную работу.

– Вам не кажется, что им просто наплевать на нас? – спрашивает Матильда Пеллерен.

Так и хочется ответить ей, что мне всего двадцать пять и впереди у меня вся жизнь, чтобы дождаться такой встречи. Матильда встает и выходит, удостоив нас гневным взглядом в стиле героинь XIX века.

– Жаль. От нее так приятно пахло… – комментирует Станик. Жером Дюрьец в одиночестве остается на диванчике.

– Наверное, я могу малость всхрапнуть? У меня сейчас жуткая бессонница…

– В нашей профессии это едва ли не преимущество, – замечает Станик. – Устраивайтесь, я разбужу вас через полтора часа.

Не проходит и двух минут, как Дюрьец засыпает сном праведника. На него даже приятно смотреть.

– Так спят только маленькие дети.

– Дети и китайцы, – уточняю я. – В Пекине можно увидеть, как люди спят в любых условиях: опустив голову на руль велосипеда, в переполненном ресторане, в автобусе между двумя остановками.

– Вы часто бывали там?

– Ни разу. Но мне рассказывали.

С того места, где я сейчас нахожусь, мне наконец удается понять, что происходит в коридоре – стеклянная дверь позволяет видеть человека в полный рост. Правда, иногда реальность оказывается еще более непонятной.

– Скажите, месье Станик… что это за столпотворение лилипутов в коридоре?

– А, это «Прима», агентство по найму актеров, у них контора в конце коридора. Я заходил туда недавно, так как был тоже заинтригован. Они набирают актеров для американского фильма, который частично будет сниматься и в Париже. Им нужно две сотни взрослых лилипутов, преимущественно блондинов, знающих два языка.

– И о чем будет этот фильм?

– Они не сказали. Пока он называется «Вертеп». Там должна быть сцена с лилипутами и гигантскими женщинами с очень пышными формами…

– В стиле барокко…

– Скорее, символизма, американцы никогда не боялись сгущать краски, это одна из их сильных сторон.

Мы замолчали.

Если придется еще два часа ждать директора студии, то лучше о чем-то поговорить.

– Вам не кажется, что эта встреча – ловушка для дураков?

– Позвольте мне угадать, Марко. Вы никогда не работали ни на телевидение, ни на кого-то другого и не понимаете, почему именно вас пригласили для участия в работе над каким-то таинственным сериалом, который собираются показывать осенью.

– Да нет, я уже работал на этот канал. Я писал диалоги на французском для японского мультика «Властелины Галактики». А еще предложил несколько либретто для «Двух полицейских в аду». Но они не прошли.

Луи спросил, заплатили ли мне. Да, заплатили, жалкие крохи за мультфильм и ничего за все остальное.

– Вот поэтому вас и позвали. Они знают, что вы согласитесь на что угодно за мизерную плату.

Конечно, он прав. И я согласен, что меня еще раз облапошили. Но это неважно. Так как я, Марко, хочу стать сценаристом, это моя единственная цель в жизни и это написано на моей физиономии. Я продам душу тому, кто приоткроет передо мной двери. Я готов глотать оскорбления, писать невесть что, получать гонорар кирпичами или вообще не получать его. Мне плевать. Когда-нибудь это они будут есть из моих рук, просто пока еще они этого не знают.

– А вы? Почему вы здесь, Луи?

Я чувствую, что он колеблется, не зная, то ли отмахнуться от меня, то ли пойти на откровенность.

– Потому что я из тех, кого называют подававшим надежды. Для меня добиваться этой работы то же самое, что просить милостыню. Мое время давно прошло, и сегодня я согласен на что угодно, не испытывая никакой горечи. Я похож на старую рабочую лошадь, которую держат лишь потому, что она хорошо знает дорогу и не отличается большим аппетитом. Так или иначе, но я умею только это.

– Что именно?

– Сочинять километры страниц всевозможных перипетий.

Безмятежно спящий Дюрьец переворачивается на другой бок.

По коридору проплывает очередная волна лилипутов-блондинов. Все серьезны, словно священники, и готовы продемонстрировать свои таланты. Станик бросает два франка в кофейный автомат и протягивает мне стаканчик. По его мнению, помещение принадлежит телеканалу, который делит здание с «Примой» и монтажной лабораторией на последнем этаже. Я рассказываю, как мне вчера позвонил продюсер и поинтересовался, свободен ли я в ближайшее время. Я не очень понял, зачем понадобился так срочно.

– Послушайте, Марко, давайте не будем отрицать очевидное. Если какой-то телеканал собирает в одной комнате молодого бойкого сценариста, готового работать бесплатно, писательницу розовых романов, усталого бомжа и пожилого типа, вроде меня, подававшего когда-то надежды, то здесь явно пахнет дерьмом.

Обычно я не испытываю симпатии к циникам. Особенно, если они выбирают мишенью такого наивного типа, как я. Но в его манере говорить открытым текстом есть что-то привлекательное. Как будто он уже старается придать динамизм работе и исключить из наших будущих отношений малейший налет неискренности. А также похоронить проявление эго. Однако наивная личность внутри меня желает слушать свой собственный голос. И я, претендуя на откровенность, осмеливаюсь сказать, что не могу относиться к этой работе легкомысленно. Уважать то, что ты делаешь, значит уважать тех, кто это смотрит, а также уважать самого себя. И меня не интересует моральный облик тех, кто дает на это деньги.

Затем рассказал ему, что родился перед телевизором. И я не придумываю, когда говорю, что первая картинка, всплывающая у меня в памяти, это не материнская грудь, а блестящий, неудержимо манящий квадратный предмет. Телевизор был моей нянькой, моим развлечением по вечерам, он открывал для меня мир, картины которого бесконечной чередой проходили перед моими удивленно вытаращенными глазенками. Телевизор был для меня приятелем, с которым ты никогда не ссоришься и у которого всегда полно отличных идей. Телевизор знакомил меня с героями, которыми я восторгался. Влюблялся впервые в жизни, но также и ненавидел. Я относился к тем детям, которые неожиданно становятся взрослыми, когда приходит время сменить канал. Я рассказал Луи, как смотрел через приоткрытую дверь запрещенные фильмы; он, в свою очередь, вспомнил о том, как проводил бессонные ночи, спрятавшись под одеялом с фонариком и книгой. В конце концов я сказал ему, что если мне дан шанс проникнуть в этот мир, то я сделаю все возможное, чтобы не предать малыша, остававшегося один на один с голубым экраном.

Луи Станик растерянно посмотрел на меня. Но всем словам предпочел улыбку. И я подумал, что за ней скрывается ностальгия по утраченному с возрастом энтузиазму.

Пора было будить Жерома Дюрьеца. Я предложил ему стаканчик кофе в обмен на рассказ о его сне.

– …Я оказался в горах. Внезапно появился говорящий огненный шар. Потом я спустился вниз, где меня поджидала банда каких-то типов. Я страшно взбесился и принялся швырять в них камнями с выгравированными на них приказами. Довольно любопытная ситуация. И было еще много другого, чего я уже не помню.

Не слишком довольная собой и слегка сконфуженная, вернулась Матильда Пеллерен. Мы встретили ее, не проявив удивления и не задав ни единого вопроса о тех тайных мотивах, которые заставили ее, как и нас, согласиться на эту работу.

И это было правильно. Ален Сегюре, директор студии, тоже не горел желанием их узнать.

Немногословный, вечно спешащий Сегюре не собирался разводить дипломатию и пудрить нам мозги. С тех пор, как он появился в этой комнате, у него было достаточно времени, чтобы объяснить нам, что его каналу требуется сериал, берущий за живое, что его стоимость должна быть в разумных пределах, но самое главное: он должен нравится. Вместо этого он сказал: «Делайте, что угодно, все, что угодно, лишь бы как можно дешевле».

Вначале я не поверил своим ушам – мне даже показалось, что я услышал совершенно противоположное.

Матильда Пеллерен и Жером Дюрьец и глазом не моргнули. Только Луи Станик нашел в себе смелость уточнить:

– Что конкретно вы имеете в виду, говоря «что угодно»?

– Все, что угодно, все, что придет в голову – в любом случае этот сериал никто не будет смотреть. Каждая серия продолжительностью в пятьдесят две минуты будет транслироваться между четырьмя и пятью часами утра.

– Вы не могли бы повторить?

Крайне измотанный, Сегюре хватается за голову.

– Квоты… Грёбаные квоты, устанавливаемые в обязательном порядке на французское кино. Французское кино! Только эти два слова царапают мне язык. Если не считать вас, сценаристов, кто может на этом хоть немного подзаработать, кого еще интересует французское кино?

А я и не подозревал, что выпускники Национальной школы администрации знают слово «грёбаный»…

– Мы только что приобрели за бешеную цену калифорнийский сериал, заваленный призами и напичканный девицами с объемом бедер в девяносто пять сантиметров. Минута рекламы принесет нам 300 000 франков в первом же блоке, через несколько месяцев мы начнем выпускать майки и прочее барахло. Мы только что вырвали право на трансляцию финала Кубка Европы по футболу, а сейчас я пытаюсь подкупить известного режиссера с конкурирующего канала. Вы считаете, что у меня есть время заниматься французским кино?

Луи с видом стреляного воробья спрашивает, соблюдались ли квоты до сих пор. Но, как и все профессиональные администраторы, Сегюре не любит прямых вопросов, особенно тех, на которые проще всего было бы ответить «нет».

– Мы немного потянули с этим, но на этот раз Высший совет по теле – и радиовещанию вынес нам предупреждение и обязал дать в эфир восемьдесят часов французского кино. Мы должны начать трансляцию через три недели, иначе правительство не продлит нам лицензию.

– Восемьдесят часов!

– Вот поэтому вас здесь четверо!

– Первая серия через три недели? Вы что, шутите?

– Вам нужно приступить к работе сегодня же.

Вот она, ловушка для дураков…

Каждый на свой манер выражает растерянность, за исключением Станика, который продолжает гнуть свою линию, замечая, что срочность имеет цену. Несколько удивленный, Сегюре сдерживает усмешку. Этому их учат в элитных школах.

– Слушайте меня внимательно. Вас выбрали по двум причинам. Во-первых, вы оказались единственными сценаристами в Париже, свободными на данный момент. Во-вторых, никто из вас не может претендовать больше, чем на три тысячи франков за серию.

– Простите?

Сегюре вздымает руки к небу и кричит:

– Да эту муру может написать кто угодно! Даже я, если бы у меня было время! Даже моя кухарка, если бы она умела говорить на правильном французском. Вы можете согласиться или отказаться. Этот сериал прославится одним: он будет самым дешевым за всю историю французского кинематографа.

– И что вы хотите, чтобы мы выдали вам через три недели, работая круглые сутки за гроши, которых едва хватит на кофе, без которого мы не сможем продержаться?

– Сойдет все, что угодно. Расскажите вечную историю о двух враждующих семействах, сталкивающихся постоянно на лестничной площадке муниципального дома. Это всегда нравится зрителю. Добавьте одну-две слащавые любовные истории, покажите несколько человеческих трагедий – и дело в шляпе.

– Мы не можем так просто взяться за дело… Нам нужно… место, где можно собраться.

– Здесь.

– Здесь?

– Никакой квартплаты и все самое необходимое: два дивана и кофейный автомат. Завтра вам доставят компьютеры и принтер. Монтировать серии будут в монтажной на последнем этаже. Актерами займется агентство «Прима». Что вам еще нужно?

Матильда Пеллерен, совершенно сбитая с толку, не осмеливается открыть рта. Опасаясь, что могут нанять других, более решительных и менее разборчивых, мы со Стаником молчим. Дюрьец набирается смелости и просит небольшой аванс, но Сегюре не хочет об этом и слышать, пока мы не подготовим четыре первые серии.

– Но у меня больной брат… Мне нужно хотя бы немного денег на лекарства.

– Лекарства? Для больного брата? Я знаю, что ваша профессия – придумывать разные истории, но вам не кажется, что в данном случае вы зарываетесь?

Впервые я согласен с Сегюре. Дюрьец имеет право попытать счастья, но он не должен дискредитировать нашу профессию. Я бы придумал что-нибудь поудачнее, чем лекарства для больного брата.

Сегюре смотрит на часы, два раза звонит по телефону и встает.

– Ах, да, последнее, что я хотел сказать. Мы подумали над названием сериала и остановились на «Саге». Это создаст у зрителя впечатление, что он знает ее содержание наизусть и что сериал будет длиться годами. Именно то, что нужно, не так ли?

САГА

Я выбрался из постели Шарлотты, когда в окне забрезжило утро.

Большую часть ночи я провел, наблюдая за ее сном, но сам забыться так и не смог. На самом деле мне просто хотелось ускорить наступление завтрашнего дня, к тому же я не мог забыть о том, что произошло со мной накануне. Вчера у меня была встреча с тремя конкурентами, сегодня – с моей командой. Вчера я боялся остаться за бортом, сегодня отправлюсь в многомесячное путешествие.

В конце концов я отодвинулся подальше от Шарлотты и, устремив глаза в потолок, принялся мечтать о грандиозной одиссее с различными персонажами, сталкивающимися в бесконечных интригах. Делайте все, что угодно! Все, что угодно!

А если мы поймаем вас на слове, патрон?

Жером Дгорьец и Луи Станик уже на месте и разбираются со шнурами от компьютеров.

– По-моему, единственный способ соединить их – это вставить шнур А в разъем А1 и шнур Б в разъем Б1, – говорит Луи.

– Они сплавили нам чучела, которые пылились у них в запаснике; никогда не видел подобной рухляди. И еще хотят, чтобы мы на этом вкалывали!

Не переставая ругаться, Жером все-таки подсоединяет компьютеры. После серии заставок на экранах появляются движущиеся человечки, желающие нам всего хорошего. Я пробегаюсь пальцами по клавиатуре, чтобы убедиться в правоте Жерома по поводу дряхлости оборудования.

– Да вы оба просто избалованы, – замечает Луи. – Не сочтите меня старым мудаком, но если бы такое бесшумное устройство существовало в семидесятых годах, то сегодня я бы жарил задницу на солнышке возле бассейна. Мою блестящую карьеру погубило низшее сословие.

Мы с Жеромом обмениваемся скептическими взглядами, но Луи уже понесло.

– В молодости мне лучше всего работалось по ночам. Днем я раскачивался, но в голову ничего не приходило, и хорошо, если к семи вечера я придумывал хоть какую-нибудь жалкую реплику. Зато с наступлением ночи во мне просыпался зверь и я набрасывался на пишущую машинку. В то время я снимал то убогие меблированные комнаты, то какую-нибудь конуру, то комнату для прислуги со стенами не толще папиросной бумаги. И как только принимался за работу, толпа дуболомов угрожала свернуть мне шею, если я не перестану шуметь. Вот от каких мелочей иногда зависит судьба.

Лично у меня никогда не возникало проблем с тишиной. Сценаристы – носители шума и ярости, и их работа началась задолго до образования Вселенной, когда вокруг царили мир и покой.

– Когда я работал на Маэстро, такой проблемы не вставало. У него собственный отель в окрестностях Рима, и он – его единственный обитатель. Мы могли устроить любую шумиху, и никто не стал бы жаловаться.

Слово «Маэстро» действует на нас, как укол шилом в задницу. Несомненно, именно на такой эффект и рассчитывал Луи, так как теперь он смотрит на нас с удовлетворенным видом, скрестив руки на груди. Мы переглядываемся с Жеромом. Маэстро – слово, которое произносят шепотом. Все ощущают неловкость. Луи готов рассказать о нем поподробнее, но никто не проявляет любопытства. Маэстро… Маэстро… Вероятно, тут какая-то путаница. Существует только один Маэстро, которого никто не называет его подлинным именем.

– Вы говорите о настоящем Маэстро?

– А что, есть другие?

– О том, что работал на «Чинечитта»?

– А вы как думали, парни, – я был там королем, мои милые!

Короче говоря, Луи Станик сотрудничал с…

Невероятно! Вот уже целых десять лет Маэстро ничего не снимает. Если бы он написал сценарий хотя бы одного из своих фильмов вместе с французским сценаристом, я бы услышал об этом, прочитал в десятках статей, посвященных одному из величайших гениев мирового кинематографа.

Невероятно!

– Как-нибудь я расскажу, что нас с ним связывает. Но сейчас нужно подумать над «Сагой».

Неожиданно, словно услышав слова Луи, появилась Матильда – свежая и улыбающаяся. Может, она уже рада нас видеть? От нее все так же приятно пахнет. Если это ее естественный запах, то он вполне может сойти за духи. Поздоровавшись с нами, она выложила на стол разные мелочи: пачку бумаги, чайник для заварки и какую-то дурацкую лампу, поглощающую табачный дым.

– Я принесла ее для вас, а не для себя. Лично я курю сигариллы.

Теперь, когда Матильда избавилась от своих опасений, она выглядит красивой: ее белокурые волосы уложены в безупречный узел на затылке, а платье из красного миткаля придает ей вид деревенской красотки. Жером, вымыв руки над раковиной в туалетной комнате, садится задом наперед на стул перед компьютером, чтобы вытряхнуть из него все, чем тот начинен. Итак, все в сборе. Мы поворачиваемся к Луи, словно только он может дать сигнал к началу работы.

– У меня в руках два листа бумаги с требованиями к «Саге». Вы не ослышались: всего два листа. Трудно придумать что-нибудь более нелепое. Можете не затруднять себя чтением, я изложу вам суть:

1. Никаких натурных съемок.

2. Действие каждой серии всегда и везде должно проходить в четырех декорациях, которые необходимо определить заранее.

3. Максимум десять персонажей во всем сериале и шесть – в каждой серии.

4. При соблюдении первых трех пунктов вы получите полную свободу действий в работе над сценарием.

Матильда улыбается полусмущенно, полуиронично. Все происходящее кажется ей довольно странным. Восемьдесят серий, в каждой по шесть действующих лиц. Если не считать турнира по пинг-понгу, то я не представляю, чем их можно занять. Жером выясняет, можно ли считать труп действующим лицом.

– Не будем вдаваться в крайности, любой осветитель может изобразить мертвеца, – говорит Луи.

Жером объясняет, что раньше в его творениях было очень много убийств. Он не может удержаться, чтобы не усеять свои сценарии трупами и не забыть устроить один-два взрыва, чтобы связать воедино происходящее. Луи с насмешливым видом спрашивает, снимались ли уже фильмы по его сценариям, и Жером внезапно опускает глаза.

Все испытывают неловкость…

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Жером соврал. Луи, смутившись еще больше, чем Жером, пытается продолжить как ни в чем не бывало.

– На сей раз вам придется ограничиться одним мертвецом. При необходимости можно добавить раненых с повязками, но большего Сегюре нам не позволит.

– В конце концов, какое это имеет значение, если все равно никто не будет смотреть сериал, – отвечает Жером.

– По шесть персонажей ежедневно в течение четырех месяцев – мы рискуем быстро исчерпать их возможности, – замечаю я.

– Можно использовать прием Беккета, – предлагает Луи. – Два типа сидят перед деревянным ящиком и треплются ни о чем, время от времени один из них чистит зубы, чтобы немного оживить действие.

– Не понимаю, что вас пугает, – вступает в разговор Матильда. – Если вы предоставите мне двух героев в спальне, желательно мужчину и женщину, то я одна израсходую несколько часов.

Она произносит это с таким апломбом, что все сразу принимают ее слова на веру.

У Жерома начинает жутко урчать в животе, и он прикрывает его рукой.

– Мы не имеем права ни на какие расходы, ни на талоны в ресторан, – говорит Луи. – Зато нам открыт кредит во «Флай Пицце», заказ можно сделать по телефону.

Жером тотчас же хватается за трубку. Я вижу, как по коридору идет странное создание, просто невероятное создание – женщина, красота которой граничит с уродством. Поскольку никто ее не заметил, то я предпочитаю не тыкать в нее пальцем, уверенный, что у меня галлюцинации. Вслед за ней проходят две женщины-великанши. Я вспоминаю о фильме с лилипутами.

– «Сага» беспокоит меня больше, чем я ожидал, – говорит Луи. – За тридцать лет, что я варюсь в этой профессии, мне впервые предлагают сделать все, что угодно, все, что взбредет в голову. Все, что я пожелаю. Как бы там ни было, но это кое-что значит. Правда, я еще не разобрался: то ли это обычный кошмар, то ли запоздалое осуществление мечты.

– Судя по деньгам, которые нам обещают, я склоняюсь к первому варианту, – бросает Жером, высматривающий в окно разносчика пиццы.

– Я вам уже говорил, Луи, что не могу решиться писать дерьмо в моем возрасте.

– Марко, Марко, не надейтесь, что эта дурацкая «Сага» сделает вам имя.

– Может быть, но она позволит мне, пусть хоть немного, вжиться в мою профессию. А это уже счастье. Сегодня утром я проснулся, чувствуя себя сценаристом; я завтракал, чувствуя себя сценаристом; у меня уже появились привычки и заботы сценариста, потому что с сегодняшнего утра я, черт побери, сценарист!

Не знаю, что заставило меня произнести подобную чушь. Наверное, это типичная выходка сценариста.

– В таком случае нам нельзя терять ни минуты, все за работу, быстро! – восклицает Луи. – Этот день нужно отметить. Сегодня у нас?..

– Двадцать девятое сентября.

– Тогда постараемся, чтобы он вошел в историю. В конце концов, История – тоже наша работа.

Через два часа «Сага» все еще не превратилась в зародыша, но мы, ее создатели, уже преодолели первый этап любовного сближения перед великим соитием. Сближения вкрадчивого, состоящего из оценивающих взглядов и робких – из-за боязни показаться смешными – предложений. Как и все, мы начинали с банальностей, штампов, а затем с наслаждением забраковывали их и шли дальше. У нас, четырех соавторов, очень быстро возникли мысли о деньгах, насилии и, конечно, о сексе. Мы еще не придумали сюжета для первых серий, но это нас мало волнует, так как он должен лежать где-то здесь, на поверхности. Поскольку нам не нужно никому нравиться, мы наслаждаемся собственными мечтами, и это для нас – прекрасный способ побороть скуку и плохое настроение. Если вы способны получать удовольствие, придумывая всякий вздор, это означает, что у вас с самого начала надолго наладилась динамичная совместная работа. Сразу же устанавливается правило: не отбрасывать ни одного предложения, каким бы нелепым оно ни казалось.

Последовав дурацкому совету Сегюре, мы выбрали местом действия современный многоквартирный дом, где на общей лестничной площадке все время встречаются две семьи. Первая из них – совершенно обычная; отец – руководящий работник, мать работает по полдня в благотворительной ассоциации, старшая дочь – студентка философского

факультета, а шестнадцатилетний сын остался на второй год в пятом классе. Вторая семейка менее типична, пожалуй, даже немного чокнутая. Она недавно вернулась во Францию после двадцати лет проживания в Соединенных Штатах (идея Жерома). Отец – гитарист какой-то рок-группы, снискавший шумный успех в шестидесятые годы, но все еще продолжающий выступать. Мать – секретарша в издательстве, выпускающем книги по искусству. Сын, которому исполнилось двадцать пять, мечтает стать сотрудником Интерпола (он как раз проходит конкурс), а пятнадцатилетняя дочь отличается сверходаренностью (у нее высочайший уровень интеллекта, и никто из родных не понимает ее. Это идея Матильды, которую мы даже не обсуждаем, пусть сама и выпутывается). Все это не окончательный вариант, а лишь предварительно согласованная основа. Уже почти три часа дня, и мы, чтобы немного расслабиться, заказываем по пицце на каждого, продолжая обсуждать имена наших славных героев. Для первой семьи уже есть несколько вариантов: Мартине, Портье, Тиссерон, Гарнье и другие.

– Мне бы хотелось, чтобы они не ассоциировались с ксенофобными или религиозными чувствами, но и осторожничать слишком тоже не следует. Попробуем найти что-нибудь получше, – говорит Луи.

Я рассказываю о своих соседях по лестничной площадке, немного похожих на наших героев. Это Авуэны, у них есть голубой «сафран», из которого невозможно выжать больше тридцати километров в час. Соседей Матильды зовут Дюран-Коше. Со своими Авуэнами я выгляжу довольно глупо.

– А что вы скажете про фамилию Матиньон? – спрашивает Жером. – Серж и Клотильда Матиньон. Всем интересно, в какое дерьмо вляпалась семейка Матиньон.

– Только не это! – возражает Матильда. – Такая фамилия была у одного пожилого господина, который проводил время с моей мамой, когда отец нас бросил.

– Его звали Серж? – интересуется Жером.

– Нет, не Серж. Но все равно как-то неловко.

– Он страдал бессонницей?

– Нет, а что?

– Он привык завтракать в четыре утра?

– Да нет же.

– Его видеомагнитофон заколдован и самостоятельно включается посреди ночи?

Матильда в недоумении пожимает плечами.

– Тогда как ваш Матиньон может смотреть эту дурацкую «Сагу»? Он даже никогда о ней не узнает, вот в чем наша трагедия! Вы можете использовать его имя, номер страхового полиса, нежные словечки, которые он бормочет после оргазма – все, что угодно, потому что он ничего не узнает о том, что здесь рассказывается.

– Мы можем делать все, что взбредет в голову, Матильда, нам это ясно сказали!

– Нет, только не Матиньон.

– А как насчет Френелей? – предлагает Луи. – Надеюсь, никто не изнасиловал, не подверг шантажу и не зарезал Сержа или Марию Френель? Отлично, тогда решено. А как мы назовем их американских соседей?

– Каллахэны, – предлагает Жером. – Так звали Клинта Иствуда в «Грязном Гарри».

Мы единодушно соглашаемся, чтобы никому не было обидно. Итак, у нас есть Вальтер и Джейн Каллахэны и их дети Джонас и Милдред.

ФРЕНЕЛИ против КАЛЛАХЭНОВ.

Пусть победит сильнейший!

– Вы отдаете себе отчет, что нам придется жить вместе с ними на протяжении долгих недель?

– Мы выбираем не друзей, мы выбираем свою семью.

Сами собой проясняются два места действия: гостиная Френелей и гостиная Каллахэнов. Больше сэкономить невозможно. Еще две декорации пока не нужны. Нам нужно вначале разобраться, куда нас заведут наши восемь героев. С каждым часом все детали оттачиваются. Матильда интересуется, почему мы предпочитаем полные семьи. Почему бы не допустить, что пары только будут создаваться.

В результате Серж Френель скончался так же быстро, как и родился. Мария больше не вышла замуж, так как ее дети не жаждали иметь нового папочку. Чтобы заменить Сержа, мы тут же создали Фредерика, коротко – Фреда; это родной брат усопшего, слегка чокнутый малый, которого приютили Мария и ее дети. Фред – изобретатель, и редко покидает свою лабораторию (кроме тех случаев, когда нужно помочь нам выбраться из очередного тупика). Изобретатели всегда нравятся зрителям. Дети – Брюно (лоботряс) и Камилла (студентка философского факультета) – существуют пока лишь в зародыше.

Что касается Вальтера Каллахэна, то это отец-одиночка. У него двое детей от некой Лоли, бросившей семью после рождения второго ребенка. Она ни разу не дала о себе знать; никому не известно, где она сейчас и чем занимается. Мы выведем ее на сцену позже, в решающий момент. Луи энергично отстаивает идею о загадочном исчезновении экс-мадам Каллахэн, можно подумать, что для него это вопрос жизни и смерти. Я не уверен, что у нас получаются достаточно правдоподобные персонажи. Впрочем, к чему стараться, все равно ни один человек не узнает себя в наших героях. Одинокие сердца должны иметь возможность встретиться. У Марии Френель и Вальтера Каллахэна двадцать четыре часа в запасе, чтобы разглядеть друг друга.

Для первой серии Луи предложил нам небольшое практическое занятие – просто для того, чтобы размяться. Нужно коротко изложить основную сюжетную линию, а затем выбрать из каждого варианта наиболее удачные моменты. Мы не должны забывать, что пользуемся абсолютной свободой, особенно в выборе средств. Учитывая судьбу «Саги», нам, наоборот, нужно развенчать любые ортодоксальные идеи, поскольку все равно никто не станет жаловаться.

– Поберегите силы, – говорит Луи. – Первая серия нужна главным образом для того, чтобы представить героев и обрисовать место действия. Помните, что каждому из нас эти пятьдесят две минуты бреда принесут денег разве что на пакетик арахиса, так что не стоит сочинять новый роман «Унесенные ветром». Договорились?

Каждый из нас внимательно прочитал написанное другими. Ощущения, которые вызывает у меня это занятие, можно сравнить с любовными. Наконец-то обнаженные любовники осмеливаются показать себя такими, какие они есть. Они говорят: а я вот такой, и вот что люблю, несмотря на то, что это может быть неприлично или не модно.

На эту работу у нас ушло больше двух часов. Сразу же прояснился стиль каждого из нас, и теперь мы знаем, из каких элементов будет создана наша «Сага». Пока все прекрасно совмещается.

Мой краткий сценарий выглядит примерно так:

Мария Френель увязла по уши в долгах. Ее семья скоро окажется на улице, если она не решится уступить домогательствам кого-либо из окружающих мужчин.

К их числу относится и ее новый сосед. Вальтер Каллахэн, превратившийся в алкоголика после исчезновения жены, до сих пор не нашел серьезного повода, чтобы перестать пить.

Бывший анархист и рок-музыкант, он не находит общего языка даже с собственными детьми. Джонас – полицейский, а Милдред слишком умна. Брюно Френель – его юный сосед по площадке, непоседа и бунтарь – мог бы оказаться для него идеальным сыном. Поэтому Вальтер Каллахэн предлагает Марии Френель обменяться детьми для общего блага. Но Мария должна вначале обсудить это в службе психологической помощи «SOS-Дружба», а ее дочь Камилла – со своим психоаналитиком.

Эти безобидные семейные неурядицы не идут ни в какое сравнение с коварными замыслами Фреда, деверя Марии. Фред, непризнанный гениальный изобретатель – существо измученное, с психикой, изуродованной одиночеством. Его электроулавливатель эмоций никак не желает работать нормально. Поэтому он решает погубить всех окружающих. Чтобы отомстить? Из чистого безумия? Этого никто не знает. Он оборудовал свою квартиру и квартиру соседей скрытыми камерами и микрофонами и контролирует все их слова и поступки, перехватывая любую, даже самую незначительную информацию. Чтобы удовлетворить свои самые низменные инстинкты?

Вероятно, я наиболее закомплексованный и наименее уверенный в себе из всей нашей компании. Поэтому ухватился за знакомые мне приемы повествования, стараясь придерживаться изначальных установок. Луи и Матильда уловили в моем тексте подобие «чернухи, неожиданной для такого волевого молодого человека». Не знаю, что они подразумевают под «чернухой». Лично я ничего не вижу в чисто черном или чисто белом цвете, меня интересуют исключительно суровые, мрачные, темные истории. Мне нравятся компромиссы, двусмысленность, сложные личности, изменчивые характеры, трусы и подлецы. Жером оценил идею о том, что Фред шпионит за своим окружением с помощью сложнейшей современной техники, но Сегюре никогда не даст нам денег, чтобы установить необходимое оборудование. Зато Луи полагает, что «SOS-Дружба» и психоаналитик Камиллы помогут нам заполнить сцены, когда наше воображение истощится, и обойдутся не слишком дорого.

Никто не может понять, когда Жером умудрился написать свой текст. Он не способен усидеть на месте и то хватает кусок холодной пиццы, то наливает кофе из автомата, то стреляет сигареты у ассистентов «Примы». В те редкие моменты, когда он стучит по клавишам, мне кажется, что он колотит направо и налево героев какой-то видеоигры.

Джонас Каллахэн (сын Вальтера, полицейский) звонит в квартиру Френелей, не спуская глаз с побрякивающего наручниками Брюно, которого он арестовал за кражу иконы из церкви. Марии Френель нет дома, и Камилла вступается за непутевого братца. Джонас, очарованный ею, предлагает освободить брата в обмен на поцелуй. Ошеломленная таким ненормальным поведением полицейского, Камилла соглашается на поцелуй. Затем говорит, что надеется больше с ним никогда не встречаться. В ответ он улыбается и входит в соседнюю квартиру. Камилла понимает, что это их новый сосед.

Мария хочет отблагодарить Джонаса за освобождение сына и приглашает в гости всех Каллахэнов. Милдред, любопытная, как все сверходаренные люди, очутившись в квартире, обнаруживает закрытую комнату, откуда доносятся странные звуки, похожие на стоны или рычание хищника.

Все семейство Френелей бросается к ней, чтобы помешать открыть дверь. Но по глазам девушки они понимают, что она не успокоится, пока не раскроет тайну.

В мастерской Фреда чья-то рука в перчатке включает какой-то прибор и прикладывает его к стене, общей с квартирой американцев.

Не окажутся ли Френели еще более странными, чем Каллахэны?

Луи протяжно свистит.

– Да он просто король teaser, наш малыш Жером.

– Король чего? – спрашивает Матильда.

– Захватывающих сцен, тех, что приковывают зрителя к креслу.

– Если бы вы прочли, что я написал в «Реквиеме хаосу», – говорит Жером. – В первые четыре минуты я устроил такую резню на ярмарке, что для съемок потребовалось разрешение префектуры, Министерства обороны и Общества защиты животных, а сами съемки должны были проходить под контролем пожарников и службы безопасности.

– «Реквием хаосу»? Никогда не слышал.

– Этот фильм так и не сняли, хотя из всех стран Европы поступили значительные пожертвования. Просто министр в последнюю минуту испугался.

– Мне очень нравится закрытая комната, в которой кто-то рычит. Вы уже знаете, кто там?

– Даже не представляю.

Для первой серии у нас материала более чем достаточно, мы даже можем оставить кое-что на черный день.

Теперь очередь Матильды. Чтобы не мешать нам читать, она решает попить кофе.

Брюно Френель – скрытный мальчик, которого другие члены семьи считают лоботрясом. Единственная, кто догадывается о богатстве его внутреннего мира, – это Милдред, выдающаяся дочь их новых соседей-американцев Каллахэнов.

Брюно и Милдред заключают союз: они объединят свои усилия по разработке стратегии, которая позволит сделать их семьи счастливыми. Главные цели: поженить родителей – Марию и Вальтера, которые просто созданы друг для друга, а потом соединить Джонаса и Камиллу – полицейского и прекрасную интеллектуалку.

Удастся ли замысел дурачка и девушки-вундеркинда?

Они обнаруживают, что их комнаты находятся рядом, и пробивают в стене отверстие, через которое могут незаметно общаться в любое время дня и ночи.

Однако они не подозревают, что Фред давно влюблен в Марию. Недаром он изобрел прибор для измерения силы эмоций. Каждый раз, когда Фред проверяет его на себе, прибор «зашкаливает».

Что касается Марии, то у нее есть своя сердечная тайна. В очередной раз она обнаруживает на лестничной площадке огромный букет. В него вложена карточка: «Эти цветы влюблены в Вас». И подпись: «Ваш тайный обожатель». Она ставит букет в вазу в комнате, которая и так заполнена цветами.

Прочитанное вызывает в моей памяти с десяток песен «Битлз». У Матильды странный способ открывать карты: она не блефует, но прекрасно знает, как воспользуется козырями. Чувствуется, что ее сценарий будет насыщен любовными перипетиями, таить скрытые опасности и держать в напряжении зрителя. Она хорошо представляет, чего от нее ждут: сноровки, чтобы поливать сиропом медовый пирог.

– Пока можно оставить тайного поклонника и дырку в стене между комнатами.

– Тип, влюбленный в жену умершего брата – это трогательно до слез, – говорит Жером.

Матильда отвечает, что из подобных ситуаций состоит вся жизнь.

Луи нажимает на клавишу, чтобы переслать нам свой текст.

Камилла только что защитила докторскую диссертацию по философии о Хайдеггере, Шопенгауэре, Сиоране и прочих. Будучи и так пессимисткой по натуре, она, закончив эту работу, еще больше впала в депрессию. Камилла собирается покончить с собой, тайно надеясь, что ее самоубийство послужит уроком другим.

Ее способна понять только Милдред, новая соседка, которая хотя и намного моложе нее, но отличается необыкновенно зрелым умом. У Милдред тоже есть идея-фикс: она мечтает

расстаться с девственностью. Ее цель – любой ценой привести свой физический возраст в соответствие с духовным.

Вальтер Каллахэн сталкивается в лифте с Марией Френель. Эта встреча потрясает его. Мария чувствует, что производит на него какое-то странное впечатление, но разве она может догадаться, что удивительно похожа на Лоли, пропавшую мать детей Вальтера?

Джонас заметил интерес своего отца к соседке. Он решает собрать сведения о Марии и особенно о Серже, ее покойном муже, так как он, вопреки разговорам, может быть жив.

Фред, изобретатель, решил больше не выходить из своей лаборатории. Он становится все более раздражительным и никому не позволяет заходить в свои владения. Фред вот-вот сделает важное открытие, которое откроет новые горизонты перед человечеством, но может привести его и к катастрофе.

Луи только что предоставил нам такую канву, которая одна может лечь в основу первой серии. Мне нравится его тон, в котором чувствуется и таинственность, и отчаяние, и примесь крови, связывающей все элементы. Интересен контраст между личностью автора и его текстами. Сам Луи – жизнерадостный, расчетливый, а его стиль – сдержанный и почти доверительный. Когда я говорю, что по части «чернухи» он меня переплюнул, то он отвечает, что его драмы и мои – разные по природе. Он фаталист, а я – нет.

Я обещаю себе подумать над этим вопросом.

Уже почти девять вечера, а мы только-только закончили соединять наши тексты. Стемнело, и мы наверняка одни во всем здании. Луи раздает нам дубликаты ключей на случай, если кто-то захочет поработать в одиночку, найти пристанище, чашку кофе или товарища в таком же настроении.

Через несколько дней меня перестает мучить бессонница. Мне даже удается отключать свой мыслительный аппарат, чтобы заняться мелкими повседневными делами: готовить, менять рубашки и даже приглашать Шарлотту пообедать. Совсем как раньше.

– Твоя бессонница меня больше устраивала.

Тем не менее я должен немедленно записать идею о медиуме, который разработал «теорию одного процента». Она появилась у меня по пути домой, и я чувствую, что мог бы использовать ее на протяжении пяти-шести серий.

– Ты слышишь? Твоя бессонница меня больше устраивала!

– Моя любовь, у тебя есть ручка?

Вчера мы сдали первые три серии, реакция на которые последует завтра. Четвертая успешно продвигается, и у меня возникли кое-какие соображения по поводу девятого персонажа, которого нам осталось создать. Я вижу человека зрелого возраста, репортера-международника, который останавливается у Френелей, когда бывает в Париже. В то же время я не слишком доволен диалогом между Милдред и Брюно, который набросал на скорую руку сегодня днем:

Милдред. Я не моюсь уже три дня, чтобы от меня пахло, как от самки во время течки.

В нашей команде воцарилось неожиданное спокойствие. Когда в воздухе чувствуется приближение грозы, мы ждем свежего ветерка, который бы разогнал сгущающиеся тучи. Или мы слишком нуждаемся в деньгах, или сумели забыть о своем эго.

– Звонил Станик, он хочет, чтобы ты зашел в контору в четыре утра.

– Ты не могла сказать об этом пораньше?

Шарлотта умеет подшучивать с редкой убедительностью, у нее настоящий дар комедиантки. И ей известно, как я его ненавижу.

– И ты всерьез в это поверил! Самое забавное, что я не могу довериться даже лучшей подруге. Не представляю, как рассказать ей, что мой парень изменяет мне с Сагой, что он мечтает о Саге и даже называет меня Сагой, когда мы занимаемся любовью.

– Что ты болтаешь, я никогда не называл тебя Сагой…

– Естественно, ведь мы уже давно не занимаемся любовью.

– Можем хоть сейчас, если у тебя есть настроение…

– Слабо.

Негодяйка! Я знал, что она так ответит.

– Заметь, я тебя не принуждаю.

– Марко…

Мне бы очень хотелось избежать подобного разговора в ресторане. Черт побери, мы так давно не были вместе!

– Кстати, любовь моя, ты не желаешь посмотреть нашу контору? А я бы заодно перечитал один текст, который не дает мне покоя.

– Скажи, что ты шутишь…

– У нас там есть огромный телевизор со всеми кабельными каналами.

– Может, у вас есть еще и кушетка, и кофейный автомат?

– Конечно.

– Значит, у тебя есть все, чтобы провести там ночь.

Она резко встает и уходит, не удостоив меня даже взглядом. Ревность так ей идет, что у меня на мгновение появляется желание броситься за ней следом.

Я не люблю ругаться с Шарлоттой, но, только ругаясь, понимаю, насколько без ума от нее. Она относится к тем женщинам, чья внешность оставляет безразличными девяносто восемь мужчин из ста, но сводит с ума двух оставшихся. Я вхожу в их число и, к счастью, второй пока не появился. Впрочем, я никогда не пойму, почему мужчины оставляли ее в покое до нашей встречи.

Сейчас эта чертова девчонка, наверное, уже повернула за угол.

Я вспоминаю, что испытал странное беспокойство, увидев ее впервые. И подумал, что если она, к несчастью, не свободна, то всю оставшуюся жизнь я буду распутничать, но не свяжу ни с кем свою судьбу.

Сейчас она спускается в метро на станции Сен-Себастьян.

Тонкие руки, множество веснушек. Чтобы подчеркнуть светлый цвет лица, она красит волосы в каштановый цвет и носит только коричневое. Великолепные ноги. Ноги – самое лучшее, что у нее есть, и она знает об этом. Когда Шарлотта предложила мне жить вместе, то я согласился при условии, что она перестанет носить мини-юбки. Она обзывала меня всякими словами, но я своего добился.

Сейчас Шарлотта садится в поезд, даже не посмотрев, иду ли я сзади.

О том, чтобы побежать за ней следом, не может быть и речи. Ревновать к телесериалу? Смешно! Я двадцать раз объяснял ей, что «Сага» – мой единственный шанс, но эта чокнутая не хочет меня слушать. Я становлюсь сценаристом, настоящим сценаристом – вот и все. Сценаристом, черт возьми! Если бы она согласилась немного потерпеть, то через несколько месяцев жила бы уже со сценаристом.

Я слоняюсь по городу, засунув руки в карманы и размышляя о том, что могут делать сейчас, после полуночи, трое остальных. Матильда, наверное, сидит в окружении красных роз и увлеченно читает или пишет какой-нибудь роман. Жером декламирует наизусть

диалоги из «Терминатора» в пустом кинотеатре. А Луи – в объятиях Морфея; ему все еще снится его Маэстро.

Мне не удается найти выключатель, и я в кромешной тьме поднимаюсь по лестнице, потом иду по коридору. В нашей комнате мерцает экран телевизора. Мы оставляем его включенным, правда, без звука на протяжении всего дня, и никому не приходит в голову выключить его, когда мы расходимся. Ощупью добираюсь до дивана, на котором должен валяться пульт. На экране – какая-то эротика: девушка заворачивается в мокрую простыню.

В этот момент моя рука натыкается на что-то шевелящееся. Я глупо вскрикиваю и шарахаюсь назад.

– Извините…

Какой-то человек лежит, свернувшись калачиком, на диване. Включаю галогенную лампу. На меня с виноватым видом смотрит молодой парень. У него такой же взгляд, какой был у Жерома, когда я впервые увидел его в этой комнате.

– Кто вы?

– Мой брат… Он пошел в супермаркет…

После нескольких неудачных попыток подняться он остается лежать на диване.

– Вы Дюрьец?

– Тристан.

– Вы моложе Жерома.

– На три года.

– А я – Марко. Хотите кофе?

Он отказывается. Его печальные глаза не могут оторваться от экрана. Ему ничего не нужно, лишь бы только лежать перед телевизором с пультом в руке. И я хорошо это понимаю. Человечество не придумало ничего лучшего, чем маленькое окошко в мир, позволяющее на несколько часов забыть об этом мире. Жестом даю понять Тристану, что не собираюсь ему мешать, затем включаю компьютер.

Вспоминаю реакцию Сегюре, когда Жером попросил у него аванс, чтобы купить лекарства брату. «А вы не переигрываете»? В тот момент я тоже подумал, что Жером рискнул сделать ход, на который бы не осмелился и сам Диккенс. Впрочем, что тут удивительного – когда сценарист говорит правду, ему никто не верит.

Я пробегаю глазами диалог между гениальной Милдред и лоботрясом Брюно. Что-то в нем не ладится с самого начала, но мне не удастся понять, что именно. Ладно, пусть она остается испорченной, но в то же время следует сделать ее привлекательнее. Что касается парня, то он должен испытывать к ней более сильное физическое влечение. Может, удастся придумать тогда что-то другое.

Сцена 12. Комната Милдред. Павильон. День

Милдред лежит в постели. На стене – большая афиша «Призрак в Опере». Брюно развлекается, разглядывая через отверстие в стене свою комнату, в руке у него сигарета.

Брюно . Отсюда кровать видна как на ладони. Подозреваю, что ты не скучаешь!

Милдред . Не беспокойся, я знаю, как подростки любят уединяться. Сама была такой.

Брюно . Лично я считаю тебя ровесницей, несмотря на весь твой ум.

Он подходит к ней, садится на край кровати и медленно кладет руку ей на лодыжку. Милдред решительно отталкивает ее. Брюно пожимает плечами.

Брюно . А почему ты уверена, что я не видел, как ты вчера голая вышла из душа?

Милдред садится на кровати с серьезным видом.

Милдред . Потому что тогда ты рассказал бы мне о шрамах.

Брюно . О чем?

Милдред . Знаешь легенду о Медузе? Тот, кто встречался с ней взглядом, превращался в камень. То же самое происходит с каждым, кто видит меня голой.

Брюно . Что за бред?

Милдред . Шрамы остались у меня после пожара в доме в «Бель Эр». Я мирно спала в постели под балдахином…

Брюно . Чего?

Милдред . Представляешь, я ничего не почувствовала; от ядовитого дыма потеряла сознание и пролежала в коме несколько дней. Говорят, что на меня рухнула расплавленная противомоскитная сетка и я получила ожоги четвертой степени. Врачам потребовалась уйма времени, чтобы извлечь из моего тела ее куски на операционном столе. (Она кладет руки на те части тела, о которых рассказывает.) Кожа у меня на ногах похожа на расплавленный сыр на пицце, на правом бедре – клеймо от раскалившейся пружины от матраса, прямо как у техасской коровы. А на груди такое… что я даже не знаю, как описать… Какие-то странные бугры и впадины… Говорит, что нужно прождать еще лет пять-шесть, прежде чем обращаться к специалисту по пластическим операциям, но я не знаю, пойду ли на это. В конце концов, я уже привыкла к такому телу.

Побледневший Брюно вскакивает и устремляется к двери.

Брюно . Да ты просто чокнутая! Ни слова правды, ни единого:

Милдред . Можешь проверить, если у тебя хватит мужества, маленький шпион. Брюно хлопает дверью.

– Марко?

Я отрываюсь от экрана, все еще продолжая витать в облаках. Это вернулся Жером с бумажным пакетом. Вид у него, как у провинившегося школьника. Я начинаю привыкать к его нескладной фигуре и усталым не по возрасту глазам. Если правительство когда-нибудь организует антиамериканскую кампанию, его портрет как нельзя лучше подойдет для наглядной агитации. Даже в Бронксе не носят с таким изяществом вытертые джинсы; его неуклюжая жестикуляция наводит на мысль об ожившей статуе, а американские ругательства заставят покраснеть сутенеров с 42-й улицы. И это все не искусное подражание: Жером всегда был таким, и когда он утверждает, что никогда не покидал Парижа, я не могу ему не верить.

Тристан даже не заметил появления брата и продолжает спокойно смотреть какой-то фильм.

– Обычно он находится в специализированной клинике, но вот уже полгода, как я не в состоянии оплачивать его пребывание там.

– Ты не обязан мне ничего рассказывать.

На самом деле мне нужно, чтобы он рассказывал. И это не просто любопытство. Я не могу понять, что значит оказаться на улице с беспомощным братом на руках, не представляя, как жить дальше. Жером протягивает мне бутылку холодного пива, которую только что купил в бакалейной лавке. Я ополаскиваю два бокала. Сейчас идеально подошло бы крепкое спиртное. Небольшой обжигающий глоток, придающий задушевность мужскому разговору. Жером заставляет Тристана проглотить две таблетки и запить их пивом. Потом подходит к моему столу.

– У Тристана болезнь Фридрейха – паралич нижних конечностей, который обостряется с каждым годом. Он может передвигаться лишь несколько минут в сутки. Ему нужно много отдыхать и регулярно принимать препараты, расслабляющие мышцы. В общем, необходим

угол, где он мог бы отлеживаться, вот и все. Как только нам начнут платить, я снова смогу отвезти его в Норье.

Жером говорит это безучастно, как человек, ненавидящий все драмы, включая самые заурядные, в которых нет никакой интриги. Я предлагаю ему немного денег, чтобы перекантоваться, но он отказывается.

– Если бы я получил свои четыре миллиона долларов, то обосновался бы в Малибу и нанял бы одну или даже двух шикарных сиделок.

– Твои четыре миллиона долларов?

Жером нарочно сказал про деньги, и я тут же проглотил наживку. Чувствуется, что ему страшно хочется выговориться. Он с серьезным видом наклоняется к моему уху.

– Тебе что-нибудь говорит «Борец со смертью»?

«Борец со смертью»? Три миллиона зрителей в Париже и в пригородах всего за два месяца. Четыре «Оскара», и первый из них – Шварценеггеру за лучшую роль. Он плакал, когда его награждали, на это стоило посмотреть. Впрочем, «Оскара» мог получить и Сталлоне. В Штатах этот фильм по посещаемости скоро достигнет мифического рекорда «Инопланетянина», а выпуск товаров принесет больше, чем в случае с «Бэтменом».

– Так вот, «Борец со смертью» – это я.

Когда-то один человек уже произнес эту фразу по поводу Эммы Бовари. И мало кто в то время ему поверил.

Вернувшись домой, я скользнул под простыню к моей красавице. Когда я увидел ее великолепную и такую недоступную спину, моя ладонь замерла в нескольких сантиметрах от нее, и я прикорнул на краю постели, не осмеливаясь придвинуться вплотную. Кто виноват, что моя голова занята посторонними мыслями? Мне хочется разбудить Шарлотту и попросить, чтобы она не обращала на меня внимания. Сказать, что мне не в чем исповедоваться, что я думаю сейчас о других людях, о выдуманных личностях, которые не заслуживают ни малейшей ревности. И что я по-прежнему ее люблю. И что у меня впереди целая жизнь, чтобы повторять ей эти слова. Но я не сделал ничего подобного.

Матильда хорошеет с каждым днем. Так и хочется посадить ее себе на колени, чтобы писать диалоги вдвоем, не произнося ни единого слова, словно влюбленные, которые, читая одну и ту же книгу, терпеливо ждут друг друга, дойдя до конца страницы. С утра до вечера она выглядит удивительно свежей и от нее чертовски приятно пахнет. Даже если ее нет с нами, этот запах обволакивает нас и заставляет отрываться от работы. Вначале Матильде удалось заставить нас забыть, что она единственная женщина в команде, но вот уже двое суток, как это у нее не получается. Она несет в себе память сотен влюбленных женщин и судьбы тысяч любовниц, зависящих от ее прихоти. Это заметно отражается на работе: каждый из нас делает в три раза больше, чем прежде.

– Этому есть объяснение, – сказал как-то вечером Луи, когда Матильда первой ушла домой. – В средние века, когда нужно было прижечь открытую рану, требовалось с десяток здоровых мужчин, чтобы держать бедолагу, и операция всегда сопровождалась насилием и болью. Но был и другой способ: самую красивую девушку деревни просили подержать раненого за руки во время процедуры. Как правило, она справлялась с этим лучше, чем десять мужчин. Без Матильды мы, пожалуй, постоянно испытывали бы соблазн пустить все на самотек.

– Вы думаете, у нее кто-то есть? – спросил я.

– Вряд ли, – пожал плечами Луи. – Однажды вечером я проводил ее до дома, и она пригласила меня выпить кофе.

Наш любимый капитан, тот, кого мы с Жеромом нежно прозвали Стариком, в который раз продемонстрировал нам привилегии, присущие его возрасту. Насев на него, мы заставили его рассказать буквально все о жизни таинственной Матильды, королевы любви.

– Обстановка на редкость банальная – строгая, функциональная и декоративная. Что-то у вас разочарованный вид…

– Естественно, мы разочарованы.

– А вы чего ожидали? Что у нее мебель из розового дерева? Шторы и покрывала в стиле Лауры Эшли? Подушечки в виде сердца?

– Все в цветах, и ни одного лепестка на полу.

– Портреты «Битлз» в прихожей и большущий флакон «Лулу» в ванной комнате.

– Бутылки «Мари Бризар» и шартреза! Огромная плюшевая мышь!

– Огромный портрет Барбары Картленд!

– Вы бредите, дети мои. Ладно, чтобы немного успокоить вас, сообщу, что видел в туалете фотографию сестер Бронте.

Со временем я уже начинаю разбираться в своих партнерах и предугадывать их реакции. Если бы мы не обращали внимания на то, что каждый из нас делает на протяжении десяти-двенадцати часов совместной работы, то нам бы пришлось распроститься со взаимопониманием. Луи вспоминает своего Маэстро по поводу и без повода, но делает это так естественно, приводя столько деталей, что его рассказы невозможно принять за фантазии. Вечерами, когда у нас с Жеромом появляется желание поработать сверхурочно, мы часто говорим об этом. Приходится признать очевидное: Луи на самом деле работал с мэтром. Как, почему, над каким фильмом? Я не осмеливаюсь задавать Луи слишком конкретные вопросы, давая ему возможность раскрывать свое прошлое на манер стриптизерши, которая сама знает, как держать в напряжении публику. Мы рады, что он среди нас, и его положение капитана команды упрочняется с каждым днем. С общего согласия мы полностью доверили Луи все переговоры с администрацией. Именно он занялся нашими контрактами, пытаясь урвать максимум, и вряд ли у кого-то другого это получилось бы лучше. Сегодня утром он получил наконец наши первые чеки и раздал их, как учитель награды. Матильда опустила чек в сумочку, даже не взглянув на сумму. Жером с облегчением вздохнул и поцеловал бумажку. Он больше всех из нашей четверки нуждается в деньгах. По словам Луи, Сегюре пока ничего не может сказать о текстах. Он бегло просматривает эпизоды и передает их ассистенту, который подсчитывает расходы и составляет рабочий план. Вчера начались съемки пилотной серии. Главная цель Сегюре: ежедневно монтировать по сорок пять минут фильма вместо обычных десяти. Что в таком случае можно ждать от качества фильма? Никому не пришло в голову ни представить нам артистов, ни хотя бы показать их фотографии. Мы уверены лишь в одном: все они никому не известны, а три четверти из них едва ли относятся к профессионалам. Сегюре убежден, что «будущие» звезды всегда стараются больше. Он говорит, что с фигурантом, которому дали шанс, можно творить чудеса («Вспомните Мэрилин Монро!»). Каждый актер получает пятьсот франков в день. Водопроводчик за такие деньги не сдвинется с места. Разумеется, мы не рассчитывали на чудо, но у каждого из нас есть в голове дорогие ему тирады, реплики, диалоги, предназначенные в мечтах для Лоуренса Оливье или Анны Маньяни.

– В конце концов, нас наняли точно так же, – замечаю я. – Актерам тоже дают шанс.

Компьютеры уже давно в режиме ожидания, и мы расходимся по своим местам. Тристан, эта «вещь в себе», лежит перед телевизором с пультом в руке. В последние десять дней он почти не встает с дивана, и мы часто забываем о его присутствии. С полузакрытыми глазами, абсолютно неподвижный, в одежде в бежевых тонах он похож на какое-то хладнокровное животное. Тристан смотрит телевизор в наушниках, покорно ест пиццу и сторожит нашу лавочку днем и ночью. Если не хочешь заразиться непреодолимой сонливостью, лучше на

него не смотреть. А вообще-то мы даже довольны его присутствием. С тех пор как мне стало известно, что Жером стоит четыре миллиона виртуальных долларов, я отношусь к ним, как к родственникам.

Старик интересуется, не желаем ли мы внести изменения в 4-ю серию. Жером считает, что я поспешил с расследованием Джонаса в отношении таинственной комнаты Френелей, куда так мечтает попасть Милдред. В одном из эпизодов я высказал предположение, что там спрятаны сокровища, но серьезно его не разрабатывал. В конце концов, там может быть что угодно, и совсем не обязательно настоящие деньги, а скорее, нечто, не имеющее к ним отношения. Какая-нибудь ню Ван Гога, ящик Пандоры, забальзамированная мумия, обломок подлинного Креста. Жером предлагает сделать там оружейный склад, оставшийся со времен давно забытой войны. Целый шкаф гранат-лимонок с квадратной насечкой и базук, пылящихся в ожидании своего часа. Луи же видит там что-то большое, занимающее почти всю комнату, например, станок для печатания фальшивых банкнот или тайную лабораторию. Мы сходу отбрасываем идею с лабораторией, потому что у нас уже есть лаборатория Фреда. Матильда еще не высказалась и на мой вопрос, есть ли у нее соображения по этому поводу, отвечает «да», имея в виду: «Да, но это еще слишком неопределенно, я бы предпочла ответить вам в письменной форме».

– О чем вы думаете?

– … Это еще слишком неопределенно, я бы предпочла ответить вам в письменной форме.

– Ладно, пока оставим эту таинственную комнату, – говорит Луи.

– Может, дадим читать друг другу 17-й эпизод? – предлагает Жером.

С самого начала он не испытывает симпатии к Камилле и мечтает от нее избавиться, заменив более колоритной героиней.

– Вот уже четыре серии, как мы возимся с этой шлюхой.

– У нас впереди еще семьдесят шесть, а ты хочешь пришить ее уже сейчас. Не торопись, успеешь.

– Мне кажется, что убирать Камиллу несколько преждевременно, – говорит Матильда. – Джонас должен в нее влюбиться.

– Ну и что? Он может влюбиться в другую. Более…

– Более колоритную?

– Вот именно.

Еще в самом начале Луи хотел сделать из Камиллы персонаж, одержимый тягой к самоубийству.

– Самоубийство дает целый ряд преимуществ: это утонченно, полно смысла и в духе времени.

– Я считаю, что это жестоко – так поступать со студентками философского факультета, – говорит Матильда. – Кто знает, вдруг во время трансляции одна из них будет заканчивать научную работу, оставив включенным телевизор, чтобы не чувствовать себя одинокой в своей каморке.

– У вас буйное воображение, Матильда, вы просто созданы для такой работы.

– Мы отвлекаемся! – восклицает Жером. – Короче, мы заставим ее покончить с собой, это решено. Остается выяснить как.

Он упорствует, но Матильда пускает в ход все, что в ее силах, лишь бы спасти несчастную. Луи предлагает компромиссный вариант: Камилла умрет, если никто из нас троих не сможет ее спасти. Заинтригованный, Жером предлагает всем принять участие в игре

и дать предложения по спасению девушки. Луи первым берется за дело, чтобы показать пример.

Сцена 17. Комната Камиллы. Интерьер. Вечер

На Камилле белое платье. Она сидит в кресле-качалке с книгой в руке и смотрит, как за окном опускается ночь. Затем читает вслух отрывок из книги о стоиках. В отрывке речь идет о самоубийстве. Поднявшись, она достает из шкафчика револьвер, взводит курок и вставляет ствол оружия в рот.

Внезапно кто-то стучит в дверь.

Камилла идет открывать, спрятав револьвер за спину. Удивленная, она впускает в комнату своего дядюшку Фреда, который усаживается на кровать с удрученным видом.

Фред – Знаешь, эта штуковина, над которой я начал работать, когда ты была совсем маленькой…

Камилла . Что-то вроде волшебной шкатулки? Устройство, дающее бессмертие тому, кто ее носит?

Фред . Мой прибор должен возвращать к жизни любого человека, умершего не более часа назад. Будь это инфаркт, разрыв аневризмы или серьезный несчастный случай, моя коробочка умеет… как бы это сказать… обеспечить «возвращение назад». Но сейчас, когда я почти добился успеха, то понял, что никогда не увижу прибор в работе.

Камилла . Почему?

Фред . Потому что мне нужно проверить его на человеке, который только что умер.

Камилла . Но в больницах полно умирающих!

Фред (*пожимая плечами*). По сравнению с моим изобретением, наша медицина все еще находится на уровне средневековья. Ты хочешь, чтобы меня сожгли как колдуна? Эйнштейн говорил, что побороть предрассудок труднее, чем расщепить атомное ядро. А смерть – высшее таинство. И потом, нужно, чтобы я вначале оказался возле умирающего, а это почти невозможно…

Камилла (очень серьезно). И кто бы мог послужить для тебя идеальным подопытным кроликом?

Фред . Идеальным? (Рассуждает с мечтательным видом.) Это должен быть… человек, который совершает самые невероятные самоубийства под моим контролем и которого я каждый раз возвращаю к жизни. Но сколько мне понадобится времени, чтобы найти его? Чтобы убедить сотрудничать со мной? Я наверняка умру раньше, чем найду его, и вместе со мной пропадет труд всей моей жизни, человечество потеряет всякую надежду…

– Это просто нечестно – использовать историю с волшебной шкатулкой, – говорит Жером. – Если ты полагаешь, что этого достаточно, чтобы спасти ее… – И великодушно добавляет: – Но я хотел бы дать ей еще один шанс…

За компьютер усаживается Матильда.

После непродолжительного молчания Камилла провожает дядюшку до дверей.

Камилла . Когда-нибудь ты найдешь подопытного кролика, я уверена…

Она целует Фреда в щеку и закрывает дверь. Снова достав револьвер, прикладывает дуло к виску. Крепко закрывает глаза, готовясь нажать на курок.

Чья-то рука неожиданно выхватывает у нее оружие. Она испуганно оборачивается. Это Джонас.

Камилла . Кто позволил вам сюда войти? Даже мои родственники всегда стучат в дверь.

Джонас спокойно извлекает из барабана патроны.

Камилла . Убирайтесь!

Джонас . Вы знаете, что я могу арестовать вас за ношение оружия?

Камилла . Револьвер принадлежал моему отцу. Вы не посмеете отобрать у меня последнюю вещь, оставшуюся мне от него на память.

Джонас приближается к девушке и хочет обнять ее, но она отталкивает его.

Джонас (сухо). Ладно, если вы так жаждете умереть, то пусть ваша смерть принесет хотя бы пользу. Вы слышали о «Белом» Педро Менендесе?

Камилла . Кажется, это террорист?

Джонас . Да. Сейчас он в Париже и готовит новую волну покушений, которая вот-вот обрушится на город. Хуже всего, что мы не можем ее предотвратить. Педро – мозг всей организации, но сам он никогда ни в чем не участвует. Его невозможно припереть к стенке, в настоящее время он живет в одном из роскошных парижских отелей, на виду у всех, насмехаясь над нами. Гибель ждет сотни ни в чем не повинных людей, а мы бессильны что-либо сделать.

Камилла . Но чем могу помочь я?

Джонас . Мы уверены, что гибель Менендеса повлечет за собой и конец его организации. Но мы не можем добиться этого легальными методами. А с ним нужно покончить любой ценой.

Камилла . Если не ошибаюсь, вы предлагаете мне роль камикадзе?

– Джонас не в состоянии удержать ее от самоубийства, но он хочет придать смысл ее смерти. Разве это не доказательство подлинной любви? – спрашивает Матильда.

Пусть меня повесят, если в сериале, даже передаваемом в четыре часа утра, останется эта психологическая галиматья. Но мне бы хотелось развить логику этой сцены. Мысль о том, что в этом доме невозможно тихо покончить с собой, начинает привлекать меня.

Достаточно исходить из жестокой очевидности: тот, кто знает, что ему осталось жить не более нескольких часов, впервые в жизни испытывает чувство удивительной свободы. Полной свободы, не ограниченной никакими барьерами, никакими табу. Свободы, которая превыше всех законов.

Какой ошибкой было бы не воспользоваться ею!

В комнату Камиллы то и дело приходят разные люди, предлагающие ей извлечь выгоду из самоубийства. Ей ничего не стоит сделать за час состояние, но такая продажность отвратительна отчаявшейся девушке. На мгновение ее соблазняет идея подарить свои абсолютно здоровые органы какой-нибудь больнице, но мысль, что ее тело превратится в набор запасных частей, пугает ее. Ей предлагают широкий выбор мистических смертей, каждая из которых способна потрясти воображение обывателей и запомниться на десятки лет, но зачем ей это? Ее самоубийство будет иметь смысл лишь в том случае, если оно окажется безупречным с эстетической точки зрения и, следовательно, бескорыстным.

Камилла смиряется с очевидностью и откладывает окончательное решение до того момента, пока не найдет смысла в своей смерти.

Жером заканчивает чтение эпизода и бросает листы на стол.

– Эта дуреха едва уцелела. Еще бы чуть-чуть и…

Луи, Матильда и я облегченно вздыхаем. Камилла получила отсрочку и не вышла из игры. Продолжение в следующей серии.

Уже полдень. Жером бросается к телефону, чтобы заказать пиццу. Его брат увлеченно смотрит какой-то бразильский сериал. Матильда копирует на дискету содержание 17-го эпизода.

Желтый луч солнца пробивается сквозь тучи, затянувшие осеннее небо. До вечера еще далеко. Мы продолжаем следить за событиями, разворачивающимися в нашем маленьком мире.

– Если не считать Бога и сценаристов, – говорит Старик, – вы можете назвать еще кого-нибудь, от кого зависят человеческие судьбы?

В этом году праздник всех святых пришелся на четверг, но мы сидим на работе, как будто никому из нас не надо съездить на кладбище. Кто-то обращает на это наше внимание, но реагирует только Старик. Он говорит, что его жена никогда не потащилась бы на кладбище, окажись он там раньше нее. По его мнению, есть гораздо более приятные возможности простудиться – хотя бы на колесе обозрения в Тюильри, к тому же все продавцы хризантем – мошенники. Затем он добавляет, что жена бросила его ради актера, с которым ему совсем не хочется встречаться.

– Из-за него я даже перестал ездить на фестиваль в Канны, тем более, не желаю глупо столкнуться с ним на могиле Лизы.

Кажется, Луи совсем не испытывает боли, говоря о жене. Он никогда не упускает возможности рассказать о той, которую так любил и которая заставила его столько страдать. Цинизм или необходимость выговориться, не могу понять. Матильда интересуется этим любовным романом со скрупулезностью геолога. Из чего состояла эта любовь? Какими были ее верхние слои? Что скрывалось в глубине? Какой склон оказался наиболее рыхлым? По словам Луи, Лиза рассталась с ним из-за его преданности Маэстро. Она не смогла понять, почему он пожертвовал своей карьерой ради того, чтобы помогать мэтру писать шедевры. Что касается меня, то я, готовый отдать душу дьяволу ради ночного сериала, не вижу особой чести торчать подле Маэстро в его творческой лаборатории.

– Что за актер этот тип, который увел у тебя Лизу? – спрашивает Жером.

– Из тех, кто играет Шекспира, бегая по сцене в черном трико. Эстет. Профессионал. Настоящий актер, что и говорить.

Наверное, даже если бы Луи не встретил Маэстро, Лиза бы все равно его бросила, поскольку он занимался неблагодарной работой. А Лиза жаждала быть рядом с тем, кому поклоняются и рукоплещут. Сценариста же, хотя он и стоит у истоков любого фильма, всегда вспоминают последним. Внимание публики приковано к актерам. Сценарист создает мечту, но о нем самом никто никогда не мечтает.

– Если он играет по вечерам в театре, то должен вставать очень поздно. Вряд ли он пойдет на кладбище раньше, чем в два или три часа, – говорит Матильда.

– Разве можно быть в этом уверенным? И потом, вы видели, сколько нам предстоит сделать сегодня?

Сегюре вернул 10-ю серию, отметив то, что ему показалось неясным, и срочные исправления заняли у нас почти два часа. Сегюре не собирается ни во что вникать, ему лишь нужно, чтобы отдельные фразы или целые ситуации не сбивали с толку актеров во время съемок и не задерживали работу.

– Я полагал, что Сегюре относится к типам, которым известно понятие «золотой век».

– Это в каком диалоге?

– Сцена 21. Джонас изрекает какую-то глупость, а Милдред отвечает, что речь идет о «золотом веке монгольской мысли».

– Замени «золотой век» на «зенит». Звучит красиво: «зенит монгольской мысли».

– Не уверен, что он поймет. Лучше заменить «апогеем», «вершиной» или «рассветом».

Похоже, что съемки двух первых серий прошли достаточно успешно. Сегюре не успел переписать их на кассету и посоветовал посмотреть по телевизору через два дня, когда начнется трансляция. Он считает, что результат «не такой уж плохой», и в 1-й серии есть даже «один или два любопытных момента». Директор канала еще ничего не видел, отсюда можно заключить, что ему плевать на «Сагу». У него и так полно проблем с размещением

фильмов, различных шоу и новостей в программе передач. Сейчас снимаются 3-я и 4-я серии. Мы укладываемся в график.

– Я думал, что Сегюре относится к типам, способным оценить фразу «Я видел твоего отца, Джонас. Он был смертельно пьян и нелепо размахивал руками, словно забивал гвозди в воображаемый гроб».

– Он также не относится к числу тех, кто способен поздравить нас за 55-ю сцену.

Вот именно! 55-я сцена! Мария не оплатила вовремя счет, и у Френелей отключили электричество. Действие происходит в полной темноте, можно только понять, что в комнате вместе с Марией есть еще кто-то. Вначале она пугается, потом оживляется, и все заканчивается приглушенным хриплым дыханием. Не представляю, как из этого выпутается актриса, которая играет Марию Френель. Ей нужно обладать ярко выраженным актерским талантом. Сегюре смущает лишь то, что зритель не может догадаться, кто же находится в комнате с Марией. Я отвечаю, что и сама Мария предпочитает этого не знать. Мужчина это или женщина, ее неизвестный обожатель или шурин? Никто никогда не узнает. Для Сегюре важно, чтобы зритель не вообразил, будто Мария встречается со своим сыном Брюно. Но никто из нас даже не подумал об инцесте! Неоспоримое доказательство, что абсолютная темнота стимулирует воображение зрителей, зато воображение самого Сегюре не перестает меня удивлять. Надеюсь, что сцена будет снята так, как написана.

Старик прикрепил к краям экрана множество листочков с пометками, он по уши погружен в проблемы, связанные с папашей Каллахэном.

– Вальтер – просто кретин. У него нет никаких переживаний, ему нечего сказать, его диалоги крайне невыразительны. Большую часть времени он мертвецки пьян.

Я не согласен с ним. Вальтер – алкоголик, сохранивший некоторое достоинство, и в этом его шарм. Он стремится к нормальной жизни, которой у него никогда не было, и только выпивка помогает ему почувствовать себя человеком. После первого стакана он обнаруживает, что вовсе не такой тупой, каким его считают окружающие. После второго – превращается в заурядного человека. Отныне он порядочный отец семейства, на которого можно положиться.

– Для него нужно придумать что-то особенное. Что-то такое… Что связано со… страстью.

При слове «страсть», мы с Жеромом поворачиваемся к Матильде.

– Я набросала кое-что о его отношениях с Марией, но это не так просто, – говорит она. – Тайный воздыхатель укрепляет свои позиции.

– А пока можно найти Вальтеру любовницу, – говорит Жером. – Достаточно будет заснять возню парочки под простынями. Зритель не увидит ничего, кроме высовывающейся время от времени ноги.

– Когда я говорю «страсть», то подразумеваю совсем иное. Я имею в виду неосознанные стремления. Вдохновение! Духовное опьянение… Бог, смерть, небытие… В общем, что-то такое…

Луи немного капризничает. Это случается, когда автор отождествляет себя со своим персонажем. Не превращая Вальтера в своего двойника, Луи тем не менее заставляет его переживать некоторые события из собственной жизни, в том числе, потерю любимой женщины. Жером предлагает небольшое экзистенциалистское убийство в стиле Камю, излагая эту идею тоном человека, который хочет доставить удовольствие окружающим. Вальтер мог бы убить Камиллу, чтобы помочь ей умереть; это придало бы определенную «эмоциональную нагрузку» добрососедским отношениям. Луи, похоже, совсем не в восторге.

– Пусть лучше Вальтер пишет спиричуэлы[2] и стремится к встрече с Богом! – говорю я. – Но именно с самим Богом!

Матильда считает, что я шучу, и ошибается. Если Бог везде, то он обязательно должен присутствовать и в нашей «Саге», и мне кажется логичным, чтобы он появился. Мы до сих пор не придумали девятого персонажа; режиссер вполне мог бы нанять кого-нибудь на роль Бога, думаю, такого типа не трудно найти. Небольшой видеотрюк и – бац! – появляется силуэт самого Господа, пока Вальтер сочиняет в честь него спиричуэлы. Нужно только изобразить это очень величественно и без всяких излишеств (человек – песня – Бог). Разумеется, идея несколько ошеломляющая, но я отнюдь не шучу. Сегюре позволил нам делать, что угодно, и я не собираюсь лишать себя этой возможности, как и не собираюсь делать все лишь бы как.

Луи не обращает внимания на мои слова. Он встает, подходит к окну, закуривает сигарету.

– Вам не кажется, что пора заняться Лоли Каллахэн?

– Матерью этих ребят? Той, что исчезла пятнадцать лет назад?

Я должен был догадаться об этом. Луи хочет дать Вальтеру шанс снова увидеть ту, которую потерял. В любом персонаже «Саги» есть частичка каждого из нас. И если искусство имитирует жизнь, тем лучше.

– Она умерла много лет назад, – говорит Луи. – План Вальтера был прост: чтобы не травмировать психику детей, он скрыл от них ее смерть, сказав, что их мать уехала, но обязательно вернется. Прошло десять или пятнадцать лет, и вот он снова влюбляется женщину и хочет выдать ее за Лоли, чтобы дети снова обрели мать.

– И этот план ты называешь простым?

С одной стороны, слишком витиевато, с другой – почему бы и нет?

– Мне кажется, это красивый ход, – говорит Матильда. – Роль, которую он просит сыграть эту женщину, является для нее спасательным кругом. Ее зовут… Ева. Когда-то она жестоко пострадала из-за любви. Ее жизнь была ужасно бесцветной и, конечно, у нее никогда не было детей. Превратиться в Лоли – для нее единственный шанс коренным образом изменить жизнь. Бывшая искательница приключений, пренебрегшая интересами своей семьи, возвращается, чтобы добиться прощения. Более красивой роли для женщины, давно ничего не ждущей от жизни, не придумаешь. Дети будут ее обожать, отец будет от нее без ума. Вы представляете, сколько любви обрушится на эту несчастную?

Откуда появляются идеи? Как рождаются персонажи? Несомненно одно: только вчетвером мы можем создать «Сагу». Когда кто-нибудь из нас высказывает мимоходом свое пожелание, впечатление или сомнение, рядом всегда находится коллега, подхватывающий на лету его мысль. Кто создал нашу Еву? Все вместе. Она родилась из озабоченности Луи, деликатности Матильды, зубоскальства Жерома. И, конечно, немного из моего молчания.

Наступает время расходиться, но я не уверен, стоит ли мне возвращаться к Шарлотте. Сегодня, в отличие от предыдущих вечеров, мы уже не сможем разыгрывать дружную семейную пару, когда одному интересно узнать, как прошел день у другого. Чтобы заполнить тишину, я буду чувствовать себя обязанным выслушивать ее болтовню о работе. А мне хорошо известен единственный недостаток Шарлотты: у нее нет ни малейшего дара рассказчицы. Она монотонно пересказывает бурную перепалку с коллегой, упоминает множество неизвестных мне людей, которых я почему-то должен знать, путает прошлое с ближайшим будущем. Она с удивительной легкостью перескакивает с темы на тему, начинает с анализа вместо синтеза, видит сильные стороны в том, в чем нет ничего особенного, а если ей иногда случается сталкиваться с чем-то прекрасным, то заметить это она может только случайно. Шарлотта уверена, что легко овладевает вниманием аудитории, и, действительно, это ей удается, потому что она красива, безумно красива, даже когда совершает непозволительные промахи.

Хотя ее работа меня не слишком интересует, – она готовит специалистов для каких-то технических центров по развитию предприятий, – я готов согласиться, что работа у нее все же есть. А вот мне, Марко, начинающему сценаристу, время от времени приходится краснеть, когда меня спрашивают, чем я занимаюсь. И поэтому я с нетерпением жду того дня, когда смогу громко и открыто заявить: я – создатель перипетий, дипломированный фантазер и профессиональный выдумщик. «Сага» будет моим боевым крещением.

Бывают вечера, когда мне хочется попросить женщину моей мечты подождать меня месяца три. Представить, что я в командировке, где-то далеко в заморских странах.

Я еще немного задерживаюсь в конторе. Матильда и Старик уже ушли. Жером отправился в Булонский лес бросать бумеранг. Некоторое время стою возле Тристана, не особо надеясь, что он оторвется от экрана и поболтает со мной. Если не считать «спасибо», когда брат протягивает ему кусок пиццы, он может за весь день не произнести ни слова. Не понимаю, как братья Дюрьецы могут сутками оставаться в одном и том же помещении. И питаться одним и тем же блюдом.

Как и многие другие, кто столкнулся с серьезными проблемами, братья Дюрьецы придают большое значение личной гигиене. Как только рассветает, они уже моются в ванной комнате «Примы» и переодеваются в шмотки, которые старший брат приносит из прачечной. Затем Жером вытряхивает пепельницы, проветривает комнату и подметает. К нашему появлению в конторе царит идеальный порядок. Опять же некоторая экономия для Сегюре.

Тристан непрерывно переключает каналы в самое смотрибельное время, с 18 до 19 часов, когда все каналы пускают в ход тяжелую артиллерию и выплескивают на экраны как можно больше рекламы, пока семьи сидят перед телевизором в ожидании выпуска новостей в 20 часов. Тристану все это не интересно, и вечерняя суета его раздражает. Я как-то попытался разобраться, какой логикой он руководствуется, переключая каналы, но так ничего и не понял. Клипы и информационные передачи вызывают у него особое отвращение; он способен в мгновение ока расправиться с бандой рэперов и со всеми их децибелами или заткнуть любого типа, собравшегося сообщить ему последние новости. Тристан не любитель рекламы и предпочитает, пока идет рекламный блок, переключиться на несколько секунд на документальную передачу о животных или на перебранку участников ток-шоу. Он ненавидит мультфильмы и репортажи о космосе, избегает вытащенных из архива лент о войне, а также тиражей лото. Зато его интересуют метеосводки, хотя он никогда не бывает на улице. Он не пропускает ни одной передачи о новостях кино и ни одного рекламного ролика о программах кинотеатров. Рано утром, перед началом рабочего дня, Тристан иногда смотрит телепродажи или передачи о кулинарных рецептах. Все эти беспорядочные картинки – всего лишь паузы в его фанатичном поиске художественных фильмов. Кино для него – самое главное. Плохой фильм он ценит больше, чем хороший американский сериал, а плохой американский сериал – в сто раз больше любого европейского. Тристан без сожаления прерывает сериал, которым, казалось, был очень увлечен, и на несколько минут включает бразильскую мыльную оперу или передачу для подростков. После чего возвращается к своему сериалу, который ничуть не пострадал из-за пятнадцатиминутного перерыва, а скорее, даже выиграл. Просто Тристан оставил героев знакомиться, пока завязывается интрига. Он начинает вникать в сюжет в тот момент, когда происходит что-то существенное. Таким образом он способен одновременно смотреть несколько сериалов, дольше задерживаясь на наиболее интересном. Мое присутствие ему не мешает. Глядя на Тристана со стороны, я начинаю испытывать легкое головокружение. Мне кажется, что передо мной какая-то могучая машина, нечто вроде ультрасовременного компьютера, который анализирует ситуации, удаляет все сюжетные пробелы и предлагает перечень возможных вариантов. Если Тристан долго смотрит одну передачу, не пытаясь переключать каналы, то это означает, что он наткнулся на нечто захватывающее и, как ребенок, заворожен рассказчиком. И теперь ему больше не нужно вмешиваться.

Чаще всего он лежит на спине с пультом в руке. Иногда переворачивается на живот, чтобы вытянуть позвоночник, но вскоре возвращается в исходное положение. Гораздо реже поворачивается спиной к экрану и закрывает глаза. Мы знаем, что теперь он на несколько минут задремлет, прислушиваясь к диалогам в фильме. Совершенно необходимое условие, чтобы он уснул. И дополнительное свидетельство того, что только художественный вымысел может легко увлечь нас в страну снов. Что касается репортажей, то они не способны вызвать ничего, кроме бессонницы.

Тристан никогда не улыбается и не смеется, его взгляд всегда остается бесстрастным. Кажется, что живет только пульт управления. Временами он напоминает мне мальчишку-идиота, прижавшегося носом к стеклу аквариума и изучающего его тайны, или дряхлого старика, завороженного огнем в камине и забывшего даже свое имя.

– Он и малышом был таким.

Это Жером, обливающийся потом, с бумерангом в руке. Он откупоривает бутылку красной водки и протягивает мне ее вместе со стаканом.

– Когда я уходил играть с приятелями, Тристан оставался в постели. А возвратившись, я должен был рассказывать ему обо всех выходках, которые мы вытворяли. Если ничего интересного не происходило, мне приходилось придумывать занятные истории. Вначале мои рассказы были довольно блеклыми – я просто хотел, чтобы Тристан не огорчался.

У Тристана на ушах наушники. На экране следует серия взрывов, уничтожающих огромный музей современного искусства. Можно не опасаться, что он нас услышит.

– Но малыши ненасытные, им подавай необычные истории. И мне пришлось сочинять о проделках храбрецов, о воинских подвигах, о драках в школьном дворе. «Это самое меньшее, что ты можешь для него сделать», – говорила мне мать, едва сдерживаясь, чтобы не упрекнуть меня за крепкое здоровье. Я знал, что взрослые всегда отдают предпочтение гадким утятам, но моя старушка все же немного перегибала палку. Мы с Тристаном прекрасно дополняли друг друга. Мне хотелось чем-то заинтересовать его, а ему нужно было чем-то заинтересоваться. Пришлось раскрыть свой талант.

– Так тебя и затянуло?

– В сценаристы? Ну, да.

Я закуриваю сигарету, которую стрельнул из пачки, забытой Стариком. Жером удивлен, что я курю. Я объясняю, что мне нравится иногда получать наслаждение от табака, а не дымить целый день. Жером распахивает окно и выглядывает наружу. В комнату врывается свежий воздух. Я выпиваю глоток водки, потом затягиваюсь сигаретой и наконец понимаю, почему повсюду твердят, что эти вещи опасны. Жером любуется звездами, крышами, мерцающими неоновыми рекламами, редкими небоскребами, вырисовывающимися вдали на фоне неба, и громко вздыхает, очарованный великолепным пейзажем.

– Как подумаю, что все это когда-нибудь будет моим…

– Что все это?

– Весь Париж будет моим, его золото, женщины – все будет принадлежать мне.

– Отличная водка. Быстро ударяет в голову, но хороша.

– Я стану настолько известным, что меня будут приглашать американцы, а французы – умолять остаться.

Я уже научился понимать Жерома; не в первый раз он заводит свою горько-сладкую песню.

– Никак не забудешь про четыре миллиона долларов? На твоем месте я бы тоже свихнулся. Такая сумма просто не существует – четыре миллиона долларов! Немыслимо! Четыре миллиона… даже если и видел десятки фильмов с чемоданами, набитыми «капустой», все равно не представляешь, что это такое. Четыре миллиона долларов! Это не слова, а

какие-то ласкающие звуки. Четыре миллиона долларов! Так приятно для слуха, что даже не хочется переводить во франки.

Он спрашивает, что бы я сделал с такими деньгами, окажись они передо мной на столе, но мне ничего не приходит в голову.

– Ты же сценарист, да?

– Когда речь идет о деньгах, у меня пропадает воображение.

– Попробуй придумать историю про типа вроде тебя, которому неожиданно достается миллионов двадцать франков.

– Он бы стал откалывать что-то такое, чего никто никогда не делает, но о чем все мечтают.

– Ну-ну, давай дальше.

Деньги и маленькие радости, которые они приносят. Однажды я собрал тысячу франков, чтобы купить подарок Шарлотте, но не нашел ничего памятного. Не зная, что ей подарить, я провел два дня, сочиняя для нее хайку[3].

– Придумал что-нибудь?

– Он отдаст себя в руки полудюжины косметичек, чтобы те за восемь часов сотворили с ним чудо. Затем отправится в бутик с суперроскошными шмотками и к ретивым портным, умеющим вытаскивать бабки. Он скупит все, начиная от твидового костюма, которые обожают землевладельцы, до смокинга. Покончив с одеждой, приобретет небольшой английский кабриолет – одну из баснословно дорогих игрушек, которые постоянно ломаются, – короче, осуществит мечту идиота. Затем начинается волшебная сказка. Он заказывает шикарную эскорт-гёрл в самом лучшем агентстве. Снимает Зеркальную галерею в Версале, где устраивает изысканный ужин, затем отправляется с ней выпить по бокалу шампанского в ресторан на последнем этаже Эйфелевой башни, где им зарезервированы места. Ночь они заканчивают в самых роскошных апартаментах отеля «Крийон».

– На все это он потратит штук сто. А на следующее утро?

– На следующее утро он спросит себя, что за девица лежит с ним в постели и почему ее интересуют лишь его бабки. Он спросит себя, какого черта делает в этих апартаментах, где не осмеливается запачкать даже пепельницу. Увидев себя в зеркале в новых шмотках, он подумает, что похож в них на типа со старого рекламного плаката «Алка-Зельцер». Но он не спросит себя, не выглядит ли смешно в тачке, которая идет ему так же, как боа из перьев – уборщице, так как будет уже в этом уверен. Что дальше? Он вспомнит, что его мать заложила свою галантерейную лавку, и выпишет ей чек. Потом оплатит отдых на Сейшелах своей сестре, у которой никогда не было свадебного путешествия, потому что у нее не было свадьбы, потому что не было претендентов. Он серьезно поговорит со своим банкиром, который посоветует ему сделать несколько капиталовложений. При хорошей конъюнктуре и неплохих процентах можно купить облигации «Сикав», которые заморожены уже года два. Однако он предпочтет вложить деньги в строительство, и агент по продаже недвижимости быстро найдет ему участок площадью в 110 квадратных метров в квартале, где земля повышается в цене. Вот и все.

Жером наливает себе немного водки и вытягивается на диване.

– Захватывающе…

– Я же сказал тебе, что у меня плохо с воображением, когда дело касается бабок. А что бы ты сделал с четырьмя миллионами долларов?

– Нужно спросить у господина Мстителя. Он задействовал бы все средства для разработки безжалостного плана, чтобы уничтожить всех, кто причинил ему зло.

Я тоже когда-то восхищался Ивоном Совегрэном («Шикарный французский парень», как назвали его в статье «Варьете»), пока Жером не рассказал мне, как этот мерзавец лишил его

самого ценного в жизни. Данте Алигьери, великий драматург, придумавший Страшный суд, оставил девятый и последний круг ада для тех, кто обманул доверие других. Там собрались все крупные специалисты по нанесению ударов в спину: все, от Иуды до Брута, и они уже подготовили тепленькое местечко для Ивона Совегрэна. Но прежде чем пылающие недра Земли поглотят его на веки веков, ему придется заплатить за свое коварство в этом мире. Забыв об осторожности, мы с Жеромом устроили ночной сеанс «мозговой атаки»: как прижать этого негодяя, заставить его выпустить из зубов сахарную косточку и возместить моральный ущерб. Это упражнение показалось мне еще более занимательным, чем «Сага».

В нашем сценарии нужно преодолеть несколько подводных рифов: мы ничего не можем доказать – за этим подлецом Совегрэном стоит весь Голливуд и министр культуры, а Жером в настоящий момент не может вложить в это дело ни гроша.

Посреди ночи, под воздействием водки, выдвигая одну за другой нелепейшие идеи, мы наконец начинаем нащупывать верную дорожку. Перевозбужденный, Жером решает привести в порядок свои заметки и сделать резюме.

– Работы мне хватит до конца ночи, так что устраивайся на диване, если не собираешься домой.

Я отклоняю предложение и покидаю двух братьев.

Сегодня у меня возникает ощущение, что с «Сагой» не все благополучно. Однако в нашей жизни не произошло ничего исключительного. По-моему, я единственный, кто заметил какое-то изменение курса.

Впрочем, день начался как обычно, мы собрались около девяти утра, чтобы доработать черновые наброски 16-й и 17-й серий. Сейчас уже час дня, братья Дюрьецы уплетают пиццу, а мы с Матильдой решаем пообедать в городе.

«Мне нужно сменить обстановку», – говорит Матильда, не решаясь признаться, что ее тошнит от запаха расплавленного итальянского сыра. Старик не желает составить нам компанию. Похоже, что Матильда рада этому, хотя я не понимаю почему.

Вообще-то до сих пор я видел ее только в нашей конторе, чаще всего спрятавшуюся за монитором, и мне интересно узнать, как она выглядит в другой обстановке.

Матильда шагает быстрыми мелкими шагами, как истинная парижанка, и, не прерывая разговора, внимательно наблюдает за жизнью улицы. Сегодня на ней оранжевое платье, великолепно сочетающееся с ее золотисто-каштановыми волосами, падающими на плечи. Она выбирает ресторан, точнее, небольшое бистро, где довольно уютно, несмотря на грохот электрического бильярда. Поскольку мне никогда не приходилось обедать с дамой, которая пишет любовные романы, я тщательно изучаю меню.

– Я очень рада, что мы можем побыть наедине.

Немного смутившись, я делаю жест рукой, означающий что-то среднее между «спасибо» и «я тоже».

– Мы можем перейти на «ты», Марко?

– Конечно.

– Забавно называть тебя Марко. Так звали одного из моих героев – итальянца-ловеласа, – чьи похождения я описала в романе «Человек без сердца».

Вчера, в самый разгар работы, когда мы вносили последние исправления в бурную сцену между Джонасом и Камиллой, разговор неожиданно переключился на семейные отношения, и Матильда сообщила, что она выздоравливает от любви. Бог его знает, почему мы даже не попытались узнать об этом поподробнее. Зная, какие диалоги и ситуации она может придумать, когда речь идет о сердечных и альковных делах, я боюсь даже представить, на что она способна, если решит кому-то отдаться телом и душой.

– «Человек без сердца»? Моя невеста придет в восторг.

– Как ее зовут?

– Шарлотта.

– Очень мило. Марко и Шарлотта.

Некоторое время мы молчим, поглощая овощные закуски.

Ее обращение ко мне на «ты» выглядит страшно неестественно, похоже, ей не терпится сделать наши отношения более теплыми и ради этого она пренебрегает правилами приличия. Но с какой целью?

– Где ты будешь сегодня ночью?

– Сегодня ночью?..

– Да, во время передачи пилотной серии.

– Сегодня… уже двенадцатое?

– Очнитесь, Марко!

И верно, сегодня в четыре утра начнут передавать «Сагу»! Я слишком молод, чтобы помнить, как первые космонавты высадились на Луну, но все взрослые, бодрствовавшие той ночью, совершенно точно знают, где они находились. А ведь событие, которое произойдет сегодня, гораздо важнее для моего будущего, чем прилунение для всего человечества. Ну, конечно, это случится сегодня ночью! Только наша четверка будет присутствовать при этом крутом повороте истории, однако наши потомки с гордостью будут рассказывать, что передача первой серии «Саги» состоялась во вторник тринадцатого октября, в такой-то год от Рождества Христова, в 3 часа 55 минут утра.

– Если нам хоть немного повезет, то нас будет больше, чем четверо. Я уверена, что…

Она не знает, как закончить столь оптимистично начатую фразу.

Кто же еще будет смотреть нашу «Сагу»?

Может быть, дюжина человек, страдающих бессонницей и организовавших тайную секту, чтобы подготовить путч и разбудить всех мирно спящих. Самоубийца, оставивший телевизор включенным, чтобы не испытывать страха перед прыжком в пустоту. Человек, перепутавший день и ночь. Неторопливо потягивая аперитив, он будет время от времени бросать взгляд на экран поверх газеты. Старая дама, караулящая возвращение шестнадцатилетнего внука, слишком счастливого, чтобы спешить домой. Нервный тип, предпочитающий смотреть телевизор с выключенным звуком. Медицинские сестры, ухаживающие за роженицами. Женщина, ждущая со слезами на глазах с шестнадцати часов звонка от мужа, брошенного в тюрьму в Куала-Лумпур. Может, еще кто-нибудь, кто знает…

– Так где вы будете сегодня ночью?

Это обращение на «вы» звучит более естественно и, как ни странно, более интимно.

– Скорее всего, дома, вместе с Шарлоттой. Впрочем, я еще не решил. А вы?

– Наверное, у мамы. Я предлагала ей сделать копию, чтобы она посмотрела ее в любое, более удобное для себя время, но ей интересно сидеть перед телевизором именно в четыре утра. Я уже слышу, как она говорит: «Твоя работа хоть приносит тебе деньги»? Даже когда я писала романы, она задавала мне этот вопрос, и я всегда отвечала: «Нет». Но этой ночью я отвечу: «Немного».

Матильда улыбается. Она мне чертовски симпатична. Нам приносят по куску жареного лосося, и она отодвигает на край тарелки масло, приправленное петрушкой.

– Послушайте, Марко, я хотела пообедать с вами наедине, так как мне нужно посоветоваться по поводу тайной комнаты Френелей.

В некотором смысле меня это успокаивает. Если не ошибаюсь, именно ей поручено написать сцену.

– Я собиралась познакомить с текстом всех остальных сегодня днем, но потом решила показать его вначале вам. Если честно, то я немного побаиваюсь реакции Луи. Иногда он смотрит на меня так, словно я несу несусветную чушь. Кроме того, мне кажется, что Жером из-за моих невинных постельных сцен принимает меня за хозяйку борделя.

– А Жерому кажется, что вы принимаете его за маньяка-убийцу, что ничем не лучше. Нет, Матильда, вас все ценят и уважают. Показывайте, что вы написали. И закажите два кофе.

Нет ничего хуже, чем читать текст на глазах у автора, напряженно следящего за каждым движением твоих ресниц, за малейшей улыбкой. Тем более в бистро в разгар обеда, где пахнет хот-догами и гремит электрический бильярд. Однако я должен сосредоточиться. У меня важнейшее дипломатическое поручение! На моих плечах лежит ответственность за сохранение сплоченности команды, а я ведь так молод! И все же я должен вникнуть в текст, должен!

Сцена 38. Гостиная Френелей. Павильон. День

Мария Френель торопливо бросает в сумку какую-то одежду. Рядом сидит Милдред.

Мария . Три дня назад пропал Фред, мне сообщили об этом из Лондона, из Центрального комиссариата. Когда он уезжал на этот конгресс, я чувствовала, что у него не все в порядке.

Мария вынимает из сумки билет, проверяет время выпета и надевает пальто.

Милдред . Хочешь, я попрошу брата навести справки?

Мари я. Я не решалась попросить тебя… {Целует девушку в лоб.) Предупреди Брюпо и Камиллу, что я позвоню им вечером. И еще: обязательно отвечайте на все звонки, это может быть Фред. Спасибо за заботу.

Она уходит.

Тишина.

Милдред выходит в коридор и останавливается перед дверью таинственной комнаты, которую уже показали в 17-м эпизоде второй серии. Прикладывает к двери ухо, но ничего не слышит. Пытается открыть ее, но та заперта изнутри. Снова идет в гостиную, возвращается со связкой ключей, пробует несколько из них, но ни один не подходит. Она рассматривает замочную скважину, уходит и возвращается, держа в руке несколько предметов: ноле, шпильку, пластиковый проездной билет.

– Проездной билет?

– Однажды сосед открыл им дверь в мою квартиру. Кажется, для этого подходит и кредитная карточка.

Матильда подносит к губам чашку с кофе, делая вид, что думает о чем-то постороннем. Но я знаю, что стоит мне качнуть головой, и она тут же грохнется в обморок.

Милдред просовывает проездной в щель рядом с замочной скважиной, затем вставляет под язычок замка лезвие ножа, нажимает одновременно на оба инструмента, замок щелкает – и дверь открывается.

Сцена 39. Тайная комната. Павильон. День

Очутившись в темноте, Милдред ищет выключатель, ощупью передвигаясь по комнате, в которой, кажется, нет мебели. Она обнаруживает настольную лампу и пользуется ею как фонариком. Наконец находит выключатель. Комната пуста, в ней только одна кровать, посередине которой стоит тарелка с виноградом.

Внезапно Милдред вскрикивает от ужаса.

Мы видим возле стены обнаженное существо, сидящее на корточках. Милдред бежит к выходу, но существо бросается на нее и захлопывает дверь. Милдред кричит, отбивается, ищет другой выход, но не находит. После короткой борьбы она забивается в угол и затихает.

Существо – юноша лет шестнадцати-семнадцати. Он снова садится на корточки, как будто для него это самая привычная поза, и внимательно наблюдает за Милдред.

Несмотря на страх, она пытается взять себя в руки. И тоже смотрит на молодого человека.

Он необычайно красив. У него голубые глаза, светлые слегка вьющиеся волосы, худое тело и белая гладкая кожа. Он двигается и рычит словно хищник. Их взгляды то и дело встречаются; это похоже на игру «гляделки». Юноша кажется удивленным и не проявляет ни капли агрессивности. Милдред, все еще дрожа от страха, пытается изобразить улыбку.

Милдред . Я не хотела… беспокоить вас. Я вечно встреваю в истории, но тут же все забываю… Не могли бы вы…. выпустить меня?

Внезапно юноша замирает, и Милдред, видя, что он абсолютно неподвижен, уже не знает, как себя вести.

Милдред . Меня зовут Милдред … А вас?

Юноша не отвечает.

Милдред . Клянусь, что никому ничего не скажу… Поверьте! Прошу вас!

Она осторожно пробирается к выходу и берется за дверную ручку. Юноша быстрым движением хватает ее за запястье. Милдред вырывается и мчится в противоположный угол комнаты.

Милдред . Не трогайте меня!

Юноша не реагирует на ее крик. Он кидается к кровати и хватает кисть винограда. Его движения, как у дикого зверя, необычайно грациозны. Несмотря на наготу, он ведет себя удивительно непринужденно. Съедает несколько виноградин. Милдред прижимается спиной к стене. Он бросает ей кисть винограда, но она даже не пытается ее словить.

Милдред . Вы по-ни-ма-ете, что я говорю?

Он не реагирует. Но едва она делает шаг к двери, как раздается негромкое рычание. Она отступает. Внезапно Милдред в ужасе отворачивается. Зрители видят, что юноша, который теперь находится на заднем плане, мочится в раковину.

Милдред . Что вы хотите? Что вы делаете здесь взаперти? Вы не похожи ни на одного из Френелей… Они держат вас в плену? Скажите же что-нибудь!

Существо . Что-нибудь?..

Милдред . Да, все равно что!

Существо . Что-нибудь…

Внезапно юноша бросается к ней, Милдред отшатывается.

Милдред . Боже, на каком же языке ты говоришь?

Существо . Боже?..

Милдред . Спик инглиш? Шпрехен зи дойч?

Существо . Что-нибудь…

Милдред в отчаянии опускает руки.

Милдред . Вы умеете только повторять, словно эхо?

Существо . Эхо?..

Милдред вздыхает.

Юноша улыбается.

Милдред . Мне кажется, что вы не злой, но у меня интеллектуальный показатель значительно выше, чем у обычных людей… Так что, понимаете…

Он подходит к ней и кладет руку на ее бедро. Милдред не знает, как реагировать, и продолжает стоять, прижавшись к стене.

Милдред . Не пытайтесь двигаться дальше… Иначе вам будет плохо…

Он нюхает ее ногу, словно собака.

Милдред (прерывающимся голосом). Я совсем не такая умная, как сказала. (Она говорит быстро, только чтобы не молчать.) Все это просто медицинская ошибка… На самом деле, если я и обогнала вначале многих сверстников, то лишь благодаря моему блуждающему нерву… Вы слышали что-нибудь о блуждающем нерве? (Он трется щекой о колено Милдред.) Это нерв, который замедляет ритм сердца; все считают, что я достаточно взрослая, что могу прекрасно сдерживать свои эмоции, но все это лишь благодаря блуждающему нерву, который у меня исключительно активен. Вы просто мужественны, а вас принимают за сильную личность, но это не так! Когда я была ребенком, у меня случались так называемые «судороги при плаче». Это было…

Она замолкает и на мгновение закрывает глаза, а в это время рука Существа скользит вверх по ее бедру.

Милдред . Вы вторгаетесь на совершенно девственную и неисследованную территорию… Все, кто пытался проникнуть туда, мертвы или сошли с ума… И до сих пор ни один не излечился…

Существо . Что-нибудь…

Юноша медленно приподнимает платье Милдред. Видно, что ее бедра покрыты шрамами.

Милдред. Вы еще ничего особенного не увидели, самое страшное впереди…

Он обнимает ее за талию и прижимает к себе. И она наслаждается этим тихим объятием.

Милдред (закрыв глаза). Как тебя зовут, эхо?

Я отдаю рукопись Матильде, улыбаюсь и встаю, чтобы взять пальто.

– Думаю, это именно то, что нужно.

С тех пор, как мы приняли ее «Существо», Матильда стремится всучить нам любой ценой историю о потерявшейся принцессе, которую находят, но принимают за мертвую, хотя в действительности она жива и только кажется мертвой, в общем, все это невероятно сложно. Наша прекрасная коллега смотрит на Жерома глазами печальной лани.

– Я забыла, как называется сценарный прием… Такой трюк в конце серии, который заинтриговывает зрителя и заставляет его с нетерпением ожидать продолжения.

– Затравка.

– Правильно! Так вот, мне нужна затравка.

– Вы же знаете, Матильда, что это не ваш конек. Позвольте мне помочь вам, для меня это пустяк. Я не забыл, как вы вывели меня из затруднения два дня назад, сочинив постельные откровения, до которых я бы сам никогда не додумался. Это срочно?

– Да, речь идет о потерявшей память принцессе, которую находят на коврике перед квартирой Каллахэнов. Эпизод нужно закончить кадром, когда она лежит без сознания.

– Мертва или без сознания?

– Без сознания, но зритель убежден, что она мертва. Только Камилла и Вальтер знают, что в ней еще теплится искра жизни. Вы не могли бы придумать что-нибудь оригинальное?

В наших рядах молчание. Мне и так трудно собрать воедино все части этой сценарной головоломки. Но чтобы завоевать уважение нашей красавицы, каждый постарается опередить других.

Однако молчание затягивается.

– Вы смотрели «Ищейку»?

Я пытаюсь определить, кто это произнес, но голос мне незнаком.

– Прием Манкевича, о котором рассказывали в «Киноклубе».

Мы дружно поворачиваемся к дивану, на котором лежит

Тристан. Ему с большим трудом удалось приподняться. Но в данный момент парализованные – это мы. Тристан говорит, опустив голову, робким, неуверенным тоном.

– Я даже не слышала об этом, – отвечает наконец Матильда.

– Один тип стреляет в упор в парня, которого ненавидит, потом склоняется над ним, берет за руку и щупает пульс. Затем с удовлетворенной ухмылкой отпускает руку, и она тяжело и безжизненно падает на пол.

Сколько жизни в этом неподвижном теле! Она бурлит в нем как лава в кратере вулкана. Напрасно он смотрит на нас исподлобья, словно заговорщик, напрасно старается говорить тихим голосом, ему не удается обуздать вулкан, бушующий внутри него.

– Когда смотришь фильм в первый раз, то не сомневаешься, что убийца проверяет пульс, чтобы удостовериться, что парень мертв. На самом деле он стрелял холостыми, чтобы увидеть, как его враг падает в обморок от страха. И когда смотришь фильм во второй раз, то уже понимаешь, что убийца проверяет пульс, чтобы убедиться, что парень жив. Один и тот же жест, но означающий совершенно противоположные вещи. Я понятно объяснил или повторить?

Все продолжают молчать.

Матильда первая разряжает напряженность, посылая Тристану воздушный поцелуй.

– Потрясающе! Вы наш спаситель, Тристан. Вы нашли решение квадратуры круга! Недостающую пятую спицу в колеснице. Решили наше уравнение.

Тристан надевает наушники и принимается переключать программы, словно ничего не произошло. Жером не знает, что делать.

– Не обращайте внимания. Он больше не будет нам мешать, я с ним поговорю.

– Мешать? – восклицает Старик. – Да он отныне будет считаться членом нашей команды.

Я в восторге от нового коллеги, однако считаю необходимым немного охладить некоторые горячие головы.

– Конечно, идея замечательна, но все же это воровство. Позаимствовать одну-две идеи – еще куда ни шло, но в трех последних сериях мы просто занимаемся грабежом. «Ищейка» поставлена по прекрасной пьесе Энтони Шэффера. Трюк с пульсом – это собственность Шэффера.

Жером с безмятежным выражением лица поднимает правую руку и, как кюре, опускает ладонь мне на голову.

– Ты будешь грабить, сын мой, но только во имя создания бессмертного творения.

– Ничто не исчезает и не возникает вновь, все просто преобразуется, – поддерживает его Матильда. – Кто сказал вам, что Шэфферу не понравится иметь последователей?

– Прекрасно, – говорит Жером. – Воспримем это как дар. Или еще лучше: как личный вклад великого Энтони Шэффера в нашу дебильную «Сагу».

Матильда и Жером с энтузиазмом обмениваются рукопожатием. Неожиданно у меня возникает убеждение, что эти двое в дальнейшем не намерены упускать друг друга из виду.

Старик, потягиваясь, встает со стула. Я тру глаза, чтобы снять напряжение, вызванное мерцанием экрана. Скоро десять вечера, и у нас за плечами более десяти часов непрерывной работы. Мне необходима тишина и короткий, десятиминутный сон. Это то, что в компьютере называется «сбросом». Вы нажимаете на клавишу и – бац – память очищена.

Каждому интересно, что будут делать другие во время передачи пилотной серии «Саги» сегодня ночью. Братья Дюрьецы приготовят себе поздний ужин и мирно будут смотреть телевизор. Матильда составит компанию своей матери, а я постараюсь приложить все усилия, чтобы не дать заснуть Шарлотте. Что касается Старика, то он клянется, что будет спать сном младенца.

Впервые за все время мы обнимаемся на прощание. Небольшая дружеская фамильярность, как перед новогодним праздником.

Рыба-солнечник с приправой из щавеля и крем-брюле – вот что необходимо мне сейчас. Но я нашел в лавочке только банку макрели в черт-знает-каком-соусе и йогурт. В качестве компенсации взял бутылку шампанского. В конце концов, Рождество у меня или нет? Нет, скорее Новый год, но об этом знают лишь несколько человек. Как в кино, стремглав взлетаю по лестнице, распахиваю дверь и вваливаюсь в квартиру, потрясая бутылкой шампанского и громко выкрикивая имя Шарлотты. Неожиданно я превращаюсь в романтичного любовника, для которого жизнь – сплошной праздник. В ванной горит свет, и я представляю ее обнаженное тело, благоухающее всеми ароматами тропических островов. Врываюсь без стука в ванную, готовый прямо в одежде нырнуть в душистую пену!

– Шарлотта!

Капли влаги на кафеле. Духота.

– Шарлотта?

Она была здесь недавно, не прошло и четверти часа. Пар, все еще покрывающий зеркала, насыщает воздух теплыми ароматами. Она даже удаляла волосы на ногах, ее электрическая бритва лежит на краю ванны. Сто раз говорил ей, что это опасно! Снова выкрикиваю ее имя, но уже ни на что не надеясь. Замечаю желтую бумажку, приклеенную к телевизору.

«Я ушла, так как мне интересна другая история: моя собственная. До завтра – может быть».

Все равно она бы заснула у телевизора. Или бы мне пришлось объяснять ей, что к чему, и я пропустил бы половину событий.

Жером и Тристан оживленно беседуют. По телевизору идет документальный фильм об аллигаторах. Сейчас без четверти четыре утра, и здесь происходит больше событий, чем в самом увеселительном заведении столицы. Братья устроили нечто вроде ночного клуба, в котором они – единственные члены, и теперь обсуждают серьезные вопросы на фоне картин разрушающегося мира.

– Отличное шампанское, к тому же холодное, – говорю я, показывая бутылку.

Жером не пытается узнать, почему я не там, где собирался быть, он даже рад этому. Тристан приподнимается, сидячее положение кажется ему более приличным для того, чтобы принять неожиданного гостя. Он приглушает звук телевизора; аллигаторы перестают реветь, но продолжают свои мистические танцы. Я усаживаюсь возле братьев. У меня в руке появляется стаканчик с красной водкой.

– Представь себе карту Франции, – говорит Жером. – Закрой глаза… ты видишь коричневый шестиугольник… небольшие зубчики на границе с голубым… Ну как?

– Немного сбился в сторону Финистера, а так все в порядке.

– Теперь представь, что на карте появляются красные точки, это включенные в настоящий момент телевизоры. Видишь их?

Я со всей серьезностью отношусь к игре и старательно сосредотачиваюсь, предварительно отпив глоток водки.

– Так видишь или нет?

– Тсссс!

Прикладываю стакан ко лбу, чтобы освежиться.

– Вижу один огонек возле Биаррица. Еще один загорелся в Варе. И еще три или четыре на севере.

– В Лилле?

– Скорее, это Кан.

– Правильно, там полно моряков и полуночников. А как в Париже?

– Ну-у… Пожалуй, с дюжину наберется.

– За это надо выпить, парень!

– А в Сен-Жюньене? Есть что-нибудь в Сен-Жюньене, в Верхней Вьенне? – раздается строгий голос, заставляющий нас всех вздрогнуть.

– Луи? Какого черта ты здесь делаешь?

– Думаешь, что состарился, изображаешь пресыщенного типа, делаешь вид, что видел все это много раз, а в два часа ночи просыпаешься неизвестно от чего, охваченный нервным возбуждением.

Луи усаживается рядом со мной, положив на колени пластиковый пакет.

– Так ты ничего не видел в Верхней Вьенне?

– Ничего.

– У меня там приятель. Негодяй, обещал, что будет смотреть.

Он достает небольшой деревянный ящичек и открывает ногтем крышку.

– Дети мои, сегодня у нас праздник! Сейчас вы увидите, как я изменяю моим священным «Голуаз» ради одного из этих миниатюрных шедевров. Думаю, вы составите мне компанию.

Длинные, чуть не с ладонь сигары, упакованные по три штуки в узкие футляры.

– Это «Лузитания», золотая мечта каждого истинного любителя гаванских сигар. Она горит ровно час, столько же, сколько длится фильм, включая заглавные титры.

Жером на всякий случай распахивает окно, а Старик с гордым видом устраивается на диване, готовя для себя сигару. Тристан прибавляет звук и переключает телевизор на нужный канал. Идут последние кадры документального фильма то ли о Кавказе, то ли о Севеннах. Через пару минут начнется великая месса. Крещение младенца. В любом случае нечто религиозное. Мы с благоговением готовимся закурить сигары, когда знакомый запах заставляет нас невольно оглянуться. Аромат, который мы различим из тысячи, сопровождающий нас все дни и которого нам так недоставало сейчас. Матильда стоит на пороге, словно ожидая разрешения войти.

– Я была уверена, что мама уснет как младенец. Можно присоединиться к вам?

Нет ничего важнее такого семейного сборища. В конце концов, мы пришли сюда, как в роддом, чтобы посмотреть на рождение нашего ребенка, молясь, чтобы он не получился уродом.

– Знаете, что сделала мама перед тем, как уснуть? Включила сразу два телевизора, видимо, думая, что таким образом повысит рейтинг. Прелесть, не правда ли?

Она развязывает салфетку, в которую завернуто домашнее печенье.

– Я совершенно не умею готовить, но пеку неплохо.

Я беру печенье из вежливости, но, едва попробовав, с наслаждением проглатываю его.

От запаха шоколада Тристан быстро забывает о своей обычной робости. Жером наливает всем по бокалу шампанского и готовится произнести тост, когда на экране под звуки фуги Баха появляется заставка нашего канала.

– Может быть, это приключение закончится сегодня, но я хотел бы сказать, что никогда не забуду, как вы были любезны к Тристану и ко мне. Я….

– Заткнись и сиди спокойно.

Ни один из нас не смог сдержать крика, когда после заставки появились титры с нашими фамилиями. И это только начало, теперь они будут мелькать на экранах на протяжении семидесяти девяти ночей! Мир узнает о моем существовании! Пусть даже этот мир будет насчитывать трех-четырех страдающих от бессонницы, случайно оказавшихся перед телевизором. Уорхол, известный представитель американского поп-арта, один из наиболее известных кинорежиссеров андеграунда, как-то сказал, что в XX веке у каждого из нас будут свои четверть часа славы. Он, несомненно, был прав, только немного жаль, что мои пятнадцать минут пришлись на четыре часа утра…

В первом же кадре «Саги» мы видим кухню, обставленную в американском стиле. По стенам вьются пышные зеленые растения, в одном из углов расположены ярко-голубая софа, два бежевых кресла, низкий столик и буфет неопределенного возраста. В любом порнофильме начала семидесятых и то выделили бы больше средств на меблировку, но сейчас не время разглагольствовать на тему убогости обстановки. Фуга Баха внезапно обрывается, и мы видим на заднем плане чем-то занятую женщину.

– Это кто?

– Должно быть, Мария Френель.

– Вот эта крошка?

– Она что, поет?

– Нет, разговаривает сама с собой. Кстати, твоя идея.

– Я уже видел ее в какой-то рекламе.

– Пластырь! Там рекламировался пластырь! Она наклеивала здоровый кусок пластыря на царапину своему ребенку.

– Что она там рассказывает?

– Повторяет то, что собирается сказать Вальтеру, когда будет приглашать его на аперитив, но если вы не перестанете задавать дурацкие вопросы, мы все пропустим.

Теперь женщину показывают крупным планом, она внимательно прислушивается к шагам на площадке. Ее даже можно назвать красивой; она могла бы многим заняться в жизни, если бы не посвятила себя близким, что обеспечило ей только благородные морщины. Женщина открывает дверь на площадку (дан ее общий вид), какой-то тип заходит в соседнюю квартиру. Это Вальтер. Интересно, где они его откопали? Из стареющего гитариста, которым он был в сценарии, Вальтер превратился в карикатуру на хиппи, еще не избавившегося от эйфории после последней дозы ЛСД. Его вырядили в рубашку с воротником в стиле Мао, фиолетовый жилет и джинсы, обшлага которых «подметают пол». Он непрерывно жует жвачку, словно настоящий американский солдат, но это не слишком бросается в глаза, поскольку внимание зрителя сразу же переключается на большие круглые значки, которые Вальтер носит с некоторой гордостью. Я различаю на одном из них физиономии членов группы «Доорз». Жерому кажется, что он узнал голову Дилана. Вальтер выглядит настолько нелепо, что никто из нас не решается на шутку. Его акцент режет слух, а когда он произносит: «У меня есть две новости: плохая и хорошая. Я – ваш новый сосед, и я – американец», можно подумать, что он говорит: «Пошли, бэби, у меня в джипе есть „Лаки Страйк“ и нейлоновые чулки». К счастью, Мария удачно выходит из положения, интересуясь: «И какая из них хорошая?» Вскоре на лестничной площадке, занимающей не более четырех

квадратных метров, сталкиваются разные персонажи. За десять минут мы знакомимся со всеми героями. Незнакомые, ничем не примечательные лица, люди, которые сотни раз встречаются нам на улице. Камилла-самоубийца похожа на старую знакомую по лицею, которую хочется пригласить на чашечку кофе. Брюно-кретин великолепно вошел в роль: это подросток-грубиян, мучающийся юношескими комплексами. Джонас так же похож на полицейского, как я на рекламную красотку, а Фред далеко не дотягивает до роста метр восемьдесят, как писали мы. Приятный сюрприз – странная девушка неопределенного возраста, играющая Милдред. У нее строгое умное лицо, обескураживающее тем, что оно некрасиво. В ее манере говорить чувствуется что-то двусмысленное, делающее бесполезными все ремарки по поводу игры, которые мы так старательно вносили в сценарий. Иногда она даже меняет смысл очередной реплики и не всегда в худшую сторону. К примеру, я написал:

Милдред (делает жест, словно душит кого-то). Я хотела бы положить его на ладонь, сюда, и сжать изо всех сил!

Вместо этого получилось:

Милдред (игриво, приложив палец к губам). Я хотела бы положить его на ладонь, сюда… и сжать (вздох)… изо всех сил…

Что касается остальных актеров, то про них трудно сказать, хорошие они или плохие. Их игра – это странная смесь профессионализма и дилетантства. Но в любом случае, они верят в то, что говорят, как мы верили в то, что писали. И если им иногда не удается передать скрытый смысл диалога или драматичность ситуации, на них нельзя обижаться. Как и мы, они – заложники «Саги». Как и мы, сегодня они бодрствуют со своими семьями.

Университетский медицинский центр,

Кремлен-Бисетр Отделение гериатрии

Господин или господа авторы!

Простите за почерк старого человека, пишущего дрожащей рукой, но никто из нас не умеет пользоваться печатной машинкой, которую старшая сестра любезно предоставила в наше распоряжение. Я пишу вам от имени небольшой группы (сейчас нас восемь человек), образовавшейся ровно неделю назад. Поскольку мы спим ночью не более двух часов (проклятая старость!), у нас появилась привычка дожидаться рассвета не в своих комнатах, а в телевизионном зале, несмотря на протесты дежурных медсестер. Тринадцатого октября этого года мы случайно посмотрели первую серию «Саги». С тех пор каждый день мы ожидаем продолжения и даже начали вести пропагандистскую работу, чем пробудили любопытство еще у нескольких старых обитателей заведения. Теперь у нас появился настоящий клуб, где каждую ночь в четыре часа перед экраном телевизора собираются все ходячие пациенты. Можете положиться на нас: скоро мы обратим в свою веру все отделение гериатрии. Ваша «Сага» гораздо оригинальнее всего, что обычно показывают в это время (да и в самые смотрибельные часы), а ведь мы весьма привередливые зрители. Эти новые американские сериалы такие шумные, одна музыка режет слух, а интриги на редкость банальные. Мы не имеем ничего против небольшой дозы насилия, но, черт возьми, пусть оно чему-то служит! Да, конечно, там есть мускулистые парни и симпатичные девушки, на которых приятно посмотреть, но нам достаточно полюбоваться на них минут пять, чтобы потом весь день страдать от звона в ушах. Что касается европейских сериалов, то они, на наш взгляд, адресованы детям, нужно быть крайне наивным человеком, чтобы всерьез интересоваться этими приторно добродетельными историями. Насколько отлична от них ваша «Сага»! В ней все события неожиданны, ее герои симпатичны, хотя и обладают очень сложными характерами, сюжетные линии завязываются и развязываются, но держат зрителя в напряжении, а какое необычное волнение охватывает нас при звуках музыки Баха! Что

касается лично меня, то мне нравится изобретатель, который не знает, что еще ему изобрести, чтобы спасти человечество! Меня интересует и то, что происходит между Марией и Вальтером, надеюсь, что в конце концов они объяснятся друг другу в любви (хотя я и опасаюсь тайного поклонника). В любом случае, мы верны и будем верны «Саге». Мы часто думаем о вас, ведь вы – наши последние попутчики. А как тяжело пройти до конца оставшийся жизненный путь, особенно трудно бывает ночами.

Мы обязательно напишем письмо и актерам «Саги», которые тоже заслуживают поощрения, но прежде всего нам хочется поблагодарить именно вас, ее авторов.

Продолжайте. Хотя бы только для нас.

Клуб восьми. Этаж В1

«Отделение стариков»

Это письмо мы получили сегодня утром, то есть через десять дней после его отправления. Послание провалялось около недели в ящике для корреспонденции Сегюре, пока какая-то сострадательная секретарша не переправила его нам. Матильда прочитала письмо вслух. Мы улыбнулись ради приличия. На самом деле мы были слишком тронуты, чтобы рассказывать о том, что почувствовали. Пока это письмо – единственный отклик на наш сериал. Двенадцать серий – и никакой реакции ни от журналистов, ни от руководства каналом, ни даже от нашего окружения. Такого мы не ожидали. Впрочем, это свидетельствует о том, что все идет нормально и «Сага» идеально выполняет свою роль – как можно незаметнее выбрать квоту. Сегюре пока тоже молчит, ждет продолжения, – оставшихся по контракту пятидесяти шести серий, – после чего канал снова окажется на плаву. Больше нам не на что надеяться.

Все идет хорошо.

Луи прикрепил письмо от старичков на стену, возле кофейного автомата.

16-ю серию передавали сегодня ночью, но я забыл запрограммировать на запись свой видеомагнитофон. Весь день я писал два последних эпизода 28-й серии. К тому времени, как ее покажут, у нас будет готово три четверти сериала. Главное – не терять темпа. Продолжать писать то, что нам нравится, но как можно быстрее. Бесполезно пытаться понять, сбилась или нет «Сага» с курса. Похоже, что наш корабль ведут четыре безумных капитана, которые контролируют работу механизмов, когда им вздумается. Боже, прости нас, мы не ведаем, что творим. Иногда мне кажется, что это автоматическое письмо, на манер Дали или Бунюэля; мы рассказываем обо всем, что приходит нам в голову, и оставляем то, что отвергают другие, даже не пытаясь объяснить почему. Подобно детям, которым все позволяется, мы развлекаемся, пренебрегая рамками приличия, и никто не бьет нас за это по рукам. Мы создали персонаж, который нас очень забавляет, это дальний кузен Каллахэнов, приехавший с какого-то тихоокеанского островка. Его зовут Мордекай, он необыкновенно богат и страшно взбалмошен. Его гигантское состояние служит то добродетели, то пороку, и в этом нет никакой логики. Считая, что все имеет свою цену, Мордекай так же просто вырывает листки из чековой книжки, как палач отсекает головы. Поскольку деньги и безумие не существуют друг без друга, Мордекай то свирепо набрасывается на честного человека, то вознаграждает мерзавца. Но может поступить и наоборот. Он дарит билет в Диснейленд нищей старухе, заставляет чиновников устроить выставку неизвестного художника с площади Тертр в Бобуре [4], готов купить за миллион долларов фотографию обнаженной женщины-министра, от которой он без ума (и покупает ее!). Организует роскошные приемы, чтобы унизить одновременно элиту и Красный Крест. Чего больше в его поступках – цинизма или непосредственности? Все зависит, с какой стороны посмотреть. Пока ни Сегюре, ни цензоры

не делают никаких замечаний, и это начинает походить на провокацию. Мы остаемся творцами и, наверное, единственными зрителями «Саги». Непозволительная роскошь.

На протяжении всего дня Матильда курит сигариллы, что делает ее похожей на Мату Хари. Каждый день она выглядит по-другому, а о сексе говорит с той же легкостью, с какой другие говорят об информатике. Матильда была бы идеальной женщиной, если бы не увлекалась скандальной хроникой. Ей известно все о развлечениях звезд, о сексуальных пристрастиях принцесс и застарелых болячках сильных мира сего. Иногда она вырезает из журналов иллюстрации и складывает их в огромную папку, которую прячет в закрывающийся на ключ шкафчик. Когда ее спрашивают, чем она занимается, она отвечает, что это ее тайный сад и что мы слишком любопытны. Нет никаких сомнений – Матильда настоящая сплетница, сделавшая это увлечение своей профессией.

Жером решил свои денежные проблемы и чувствует себя немного лучше. Интересно, как бы он стал себя вести, если бы у него было четыре миллиона долларов? Он даже хотел избавить нас от Тристана, но Луи выступил категорически против: не может быть и речи, чтобы лишить нас «его поразительно живой памяти», этот парень – настоящая «база ситуативных данных», «кладезь характерных персонажей», «королевская сокровищница перипетий». Пусть это и высокопарно, но заслуженно. Тристан уже не раз находил для нас запасные варианты, а иногда мы сразу идем к нему, чтобы проконсультироваться по поводу конкретного персонажа. Достаточно дать ему несколько деталей, чтобы включить его способности к синтезу. Речь не идет ни о воображении, ни о каком-то творческом процессе. Скорее, Тристан обладает даром сопоставления плюс энциклопедическими знаниями. Короче, мы оставили его с нами и отныне считаем членом команды.

Наша семья недавно увеличилась на два человека. Это Лина – хозяйка «Примы», и Вильям – монтажер. Лина – «охотница за актерами». Она изучает персонажей, придумывает, как они должны выглядеть, и гоняется за незнакомыми лицами, которых так жаждут режиссеры. Поскольку репертуар все время обновляется, на «Сагу» у нее уходит не более десяти минут в неделю. Если она и взялась за эту работу, то не из-за жалких грошей, которые предложил ей Сегюре, а из-за симпатии к братьям Дюрьецам. Мы заходим к ней, когда в сериале появляется новое действующее лицо: я – чтобы поздравить с удачным выбором, Луи – чтобы сказать, что она не слишком перетрудилась.

Этажом выше находится удивительная лаборатория Вильяма. Он занимается монтажом и прочего рода трюками, необходимыми для работы канала. Как одержимый, возится со своим сверхсовременным оборудованием, и другие техники считают его настоящим Гудини видеомонтажа. Как говорит он сам, для него монтаж «Саги» – это отдых.

Все бы шло замечательно, не становись Сегюре с каждым днем все назойливее. По каким-то неясным причинам, связанным с ценами и планированием, он заставляет нас постоянно переделывать целые сцены, чаще всего в последний момент перед съемкой. Этот человек работает не с переключателем каналов, а с калькулятором. Мы не в состоянии понять объективные мотивы его требований. Правда, иногда они не зависят от его желания, как было, к примеру, вчера, когда один актер без предупреждения бросил «Сагу», чтобы сниматься в рекламе, где ему обещали платить за один день работы в двадцать раз больше. Из дирекции пришел факс: «Займите десять минут. Это нужно к завтрашнему утру».

– Десять минут…

– Но уже девять вечера!

– Я уже собирался уходить.

– Как мне это надоело…

– Жером, может, ты возьмешься?

Раздраженный, Жером клянется, что придумает для Сегюре десятиминутный сюжет самый дешевый в мире. И мы, как трусы, оставляем его одного.

Сегодня утром я первым прихожу на работу. Мне любопытно узнать, как Жером выпутался из ситуации. Братья Дюрьецы еще спят. Возле факса лежат две странички.

Сцена 27. Окно. Павильон. Ночь

Мария и Вальтер стоят у открытого окна. На протяжении всей сцены их будут показывать крупным планом со спины. Не различимы ни интерьер комнаты, ни то, что они видят в темноте за окном.

Мария . Как вы любезны, что пригласили меня посетить Нью-Йорк.

Вальтер . Какая мелочь.

Мария (на мгновение оборачивается и бросает взгляд в комнату). Разве я могла представить, что когда-нибудь проведу ночь в лучшем номере «Уолдорф Астории».

Вальтер . Этот отель не стоит вас, Мария. (Показывает пальцем на небо.) Посмотрите, как это похоже на северное сияние! Вот зрелище, достойное вас.

Мария . Какое великолепие, какие фантастические краски! Можно подумать, что Бог решил показать нам свои гениальные художественные способности (опускает голову на плечо Вальтера).

Вальтер . Вот именно. Словно сам Де Коонинг нарисовал этот небесный свод… До чего же прекрасны эти разводы вокруг Большой Медведицы…

Мария (в замешательстве). Но… Что это… там, смотрите! Падающая звезда?

Вальтер . Это метеорит, который упадет прямо перед нами! В самом центре Нью-Йорка!

Мария . Он несется на этот небоскреб!

Вальтер . Сейчас он врежется в Эмпайр Стейт…

Мария (в ужасе). Не-е-е-ет!

Слышен грохот. Ослепленные чудовищной вспышкой, Мария и Вальтер отшатываются, прикрывая руками глаза. Потом снова смотрят в окно.

Вальтер . Огненный шар еще летает над Манхэттеном.

Мария . Уолл-стрит в огне и крови…

Вальтер . Смотрите! Метеорит изменил траекторию «Боинга», и тот пикирует прямо на статую Свободы!

Мария . О-о-о! Он снес с нее голову! Какой кошмар!

Вальтер . Самолет рухнул на город и, падая, сровнял с землей несколько небоскребов. Ужас!

Мария . А вдали все еще видны огни великолепного фейерверка над Кони Айлендом!

Вальтер . Добро пожаловать в Нью-Йорк, Мария! (Целует ее.)

Сегюре разрешил нам менять декорации, даже если «декорации» слишком громко сказано. Теперь мы имеем право на дополнительную комнату, которую можем обставлять по собственному желанию. Иногда это холл отеля (довольно жалкий), иногда кабинет психиатра, школьный класс, окошко в банке, зал ожидания на вокзале, туалет в кинотеатре, задняя комната кафе и так далее. Сегюре заявил, что это «окно в мир» увеличит возможности нашей «художественной виртуальности». Спасибо, патрон. Но пока нам по-прежнему запрещены любые натурные съемки.

Несмотря на заметный прогресс нашей «художественной виртуальности», первые две недели декабря выдались очень сложными. За короткий срок наш энтузиазм несколько поиссяк, и мы перестали заботиться о качестве. Похоже, что при пробуждении мы теряем чувство юмора, а на его возвращение нам требуется несколько часов. Что может быть хуже этого? Матильда объясняет наше состояние общей усталостью, неизбежной при том режиме

работы, которого мы придерживаемся вот уже два месяца. Последние дни Жером работает в замедленном темпе и острит все реже. Его брат сохраняет обычную невозмутимость, но в отличие от нас, он не испытывает таких нагрузок. Я не перестаю ворчать на наступившую зиму, которая каждый год вызывает у меня желание застрелиться. Старик пытается обрести «второе дыхание марафонца». Он достаточно снисходительно относится к нашим слабостям и служит единственным связующим звеном между нами и Сегюре. Мы стараемся сдерживать проявления плохого настроения, последствия которого могут оказаться для нас губительными. Чтобы не драматизировать ситуацию и продержаться, пока не закончится временный кризис, мы не упускаем ни одной возможности подшутить друг над другом, используя последние запасы юмора. Впрочем, все знают, в чем кроется истинная причина: нетрудно представить себе отчаяние булочника, который каждое утро печет хлеб, который никто не покупает. Эта чертова «Сага» не заслуживает того, чтобы ради нее надрываться как каторжным.

Сегюре требует, чтобы Мария чаще звонила в службу психологической помощи, а Камилла чаще посещала психоаналитика. Действительно, трудно придумать что-нибудь более дешевое. Но когда мы с Луи вкладываем максимум энергии в наши диалоги, то нередко полностью выдыхаемся к концу серии. Вчера нам удалось уладить часть проблемы: после монолога, потрясающего глубиной трагизма, Камилла встает с дивана, пожимает руку психоаналитику и уходит. Когда она спускается по лестнице, раздается выстрел. Психоаналитик, не выдержав такого проявления отчаяния, вышел из игры.

Жером занят разборками Джонаса с террористом Педро Менендесом «Белым». Никто не знает, почему тот устраивает взрывы. Здания, в которые он подкладывает бомбы, самые неожиданные: музей Гревэн, Министерство обороны, Триумфальная арка, ярмарка в Троне, Серебряная башня, почтовое отделение Лувра и так далее. Все это насилие – чистая абстракция, так как по требованию Сегюре мы вынуждены ограничиваться экстренными сообщениями о взрывах по радио, чем безумно разочарован Жером. Поэтому с каждой серией Менендес становится все более агрессивным. О нем самом почти ничего не известно, если не считать того, что он все время читает Кафку.

Матильда занята прежде всего Милдред и Существом. Стоит этим двоим оказаться вместе, как все становится возможным. Наверное, Матильда хочет продемонстрировать весь спектр духовных и физических связей, возможных между мужчиной и женщиной. Я никогда не встречал ничего более откровенного! Сегюре этого не замечает. Он даже не может понять, когда Вальтер трезв, а когда пьян, если того не показывают валяющимся среди пустых бутылок. Поскольку мы не придумали Существу ни торчащего хвоста, ни свисающего языка, он не видит ничего плохого в том, чтобы молодые люди развлекались в запертой комнате. Не представляю, что было бы, если бы он только понял, до какой степени неприличия мы доходим! Откровенные жаркие сцены иногда достигаются сочетанием некоторых слов с определенными жестами. По сравнению с ними, настоящая порнография в передачах конкурирующего канала выглядит как лекции по биологии.

Одному Богу известно, как мне хочется, чтобы в этот момент кто-нибудь пробудил мою чувственность…

Особенно с той поры, как я неожиданно ощутил внутри себя странный жар. Не в сердце, не в голове, а где-то между пупком и низом живота.

Искра, грозящая перерасти в пылающий костер.

Мне трудно признать, что это состояние вызвано отчуждением, возникшим между мной и Шарлоттой. В те редкие дни, когда мы случайно встречаемся, я чувствую, как ей хочется развязать со мной войну нервов, в результате которой один из нас будет повержен. Дней десять назад я нечаянно прикоснулся к ней и она дернулась так, словно обожгла локоть о мое плечо. Движение оказалось настолько резким, настолько инстинктивным, что я за какую-

то долю секунды понял больше, чем за все прошедшие недели. Отныне и речи нет о том, чтобы ласкать ее или наблюдать, как она принимает ванну.

Во время этого периода физической глухоты я также заметил, что ночные передачи «Саги» оказывают на меня странное воздействие. В одну из бессонных ночей я открылся Жерому.

– Ты ничего не чувствуешь, когда наши героини отдаются во власть переживаний, которые мы придумываем?

– Если бы здесь играла Грета Гарбо или Фэй Данавэй, то, может быть, не знаю, но я уверен, что ни мадам Пластырь, ни эта шлюха, играющая Камиллу, не заставят меня лезть на стенку.

– А их интимная жизнь?

– …?

– Возьми, к примеру, ту сцену, когда у Камиллы едет крыша и она пытается соблазнить Вальтера. Помнишь, что она говорит, оказавшись с ним наедине?

– Не очень.

– Она дает ему понять, что сбрила себе волосы на лобке специально для него и перечитала де Сада, чтобы подготовиться к их свиданию. Она не высказывает этого прямо, но смысл получается именно таким.

– Ну и что?

– Когда я смотрел эту сцену и видел, как девица, играющая Камиллу, выпячивает грудь перед битником-дегенератом, когда я слушал, как красиво она разглагольствует о сексе, то спрашивал себя, имеем ли мы право использовать ее для возбуждения наших фантазий и играть с либидо других людей, даже если это вымышленные персонажи.

Он посмотрел на меня с такой же подозрительностью, как дикарь смотрит на высаживающегося на берег миссионера.

– Кажется, ты уже давненько не мял простыни в постели с девицей, приятель.

– …?

Чтобы скрыть смущение, я сделал вид, что озабочен вовсе не этим. И принялся разглагольствовать в стиле Гитри, – раздражающая напыщенность, ошеломляющие парадоксы, – чтобы доказать: нельзя все на свете объяснять бессознательным сексуальным влечением, что бы там ни говорил Фрейд. Люди не делятся на половых гигантов и евнухов. Миф о человеке, управляемом своими железами, это вымысел ханжей и так далее. Я вернулся домой уверенный, что достойно выпутался из сложного положения.

На следующий день, когда Луи попросил меня перечитать одну сцену, мне пришлось изменить мнение по этому вопросу.

Сцена 23. Комната Камиллы. Павильон. День

Джонас с разрешения Камиллы входит в комнату. Она налаживает микрофон, который Джонас передал ей в шестнадцатой серии.

Камилла . Пароль все прежний: «Сыграть на квит»?

Джонас . Нет, вчера его изменили. Теперь это: «Все застопорилось».

Камилла . И вы меня не предупредили! Вам не кажется, что я имею право возмутиться?

Джонас . Во сколько у вас встреча с Менендесом?

Камилла . В двадцать часов у него в отеле.

Джонас . Как вы собираетесь одеться?

Камилла . Это меня спрашивает полицейский или влюбленный?

– Как думаешь, нормально?

– Ты где-то витаешь, Марко…

Я был неспособен сказать ему, что прочитал на самом деле:

Сцена 23. Комната Камиллы. Павильон. День

Джонас с разрешения Камиллы входит в комнату. Она поглаживает микрофон, который Джонас передал ей в шестнадцатой серии.

Камилла . Пароль все прежний: «Спать на квит»?

Джонас . Нет, вчера его изменили. Теперь это: «Все застопорилось».

Камилла . И вы меня не предупредили! Вам не кажется, что я имею право возбудиться?

Джонас . Во сколько у вас встреча с Менендесом?

Камилла . В двадцать часов у него в отеле.

Джонас . Как вы собираетесь раздеться?

Камилла . Это меня спрашивает полицейский или влюбленный?

Мне пора домой. Перед уходом я, как обычно, завершаю работу с компьютером. На экране появляется надпись; «Добрый вечер, теперь питание компьютера можно отдрочить».

Я не очень хорошо помню, что каждый из нас делал в 31-й серии. Никто ее потом не перечитал, и текст пошел без исправлений – со всеми нашими сомнениями и сумасбродством. Мы оставили всякую надежду писать связно, перестали заботиться о правдоподобии ситуаций и творим черт знает что. Единственным критерием отбора служит для нас раскатистый хохот Старика. Сегюре оставил нас в покое; он ничего не замечает и предоставляет нам полную свободу действий. Даже не желает знать, кто чем занимается в этой чертовой «Саге», кто с кем спит, кто кого собирается прикончить и почему. Ему на все плевать, пока он может снимать в кратчайшие сроки максимальное число эпизодов.

Несмотря на усталость, нам теперь требуется чуть меньше четырех дней, чтобы сделать серию в 52 минуты. Но это самые длинные дни в моей жизни. Вначале я довольно легко справлялся с сериалом, теперь же чувствую себя пехотинцем, который день и ночь ползает по грязи на брюхе, чтобы получить очередную нашивку на погоны. Вчера, сочиняя одну деликатную сцену, я перепутал Камиллу с Милдред – важнейший момент, когда Камилла осознает, что предпочитает Вальтера Джонасу. Ее монолог в устах Милдред выглядит как речь Эдипа, которую отныне должны взять за образец психоаналитики. Я, конечно, мог привести все в порядок, поменяв имена, но оставил все как есть, даже не предупредив остальных. И я не единственный, кто допускает такие абсурдные проколы. В 29-й серии Жером воскресил Этьена, забавного типа, которого Луи уничтожил еще в 14-й. В последний момент они попытались сварганить какую-то совершенно невероятную историю, смешав в одну кучу переселение душ и психическое заболевание. Не представляю, какой актер способен сыграть это; разве что Лина откопает его в каком-нибудь индийском монастыре, который слишком долго соседствовал с атомной станцией. Жером выдал нам международную интригу с убийцей, трестом и взятием заложника, причем все действие происходит в вестибюле. Ну а Матильда предложила покрыть дефицит бюджета социального страхования введением налога на любовь (такая сцена действительно существует, я сам читал ее).

Однако полиция пока еще нас не засекла.

– Алло?

– Я разбудила тебя, малыш?

… ?

– Вот видишь, все-таки разбудила.

– Который час?

– Начало девятого.

– Это ты, мама?

– А кто это может быть еще?

– Никто. Только мать способна звонить в такое время. Ты на работе?

– Вот именно, что нет. Ты очень нужен своей маме, надеюсь, ты не оставишь ее в трудный момент. Я сейчас у входа в экспресс-метро и опаздываю на работу. Со мной такое уже случилось на прошлой неделе, а Комбескотту это не нравится.

– И что я, по-твоему, должен сделать?

– Мне нужно заморочить ему голову.

– Как?

– Послушай, мама, я знаю, что мать и сын понимают друг друга с полуслова, с полувзгляда, но если честно, то совершенно не представляю, чем в данном случае могу тебе помочь.

– Придумай мне оправдание.

– Что-о?

– Придумай, что сказать Комбескотту. Я уже потчевала его историями о сломанном будильнике, о самоубийце, бросившемся под поезд.

– …?

– Это же твоя профессия, не так ли?

– Врать?

– Нет, придумывать истории. Ну давай же, придумай мне историю и побыстрее.

– … ?

– Ты хочешь, чтобы меня заменили какой-нибудь юной девицей, которая носит мини-юбку, говорит по-английски и первой является на работу, пробежав с утра кросс?

– Послушай, мама, ты уже двадцать лет торчишь в этой конторе, с тобой не поступят так жестоко.

– Да неужели? Полгода назад меня едва не сократили. Они не брезгуют никакими средствами. Не вредничай, стать безработной в пятьдесят четыре года – ты знаешь, что это такое? Придумай быстренько что-нибудь правдоподобное.

– Невозможно. И речи быть не может. Три опоздания подряд – Комбескотт решит, что ты считаешь его идиотом.

– Конечно, если я расскажу что-нибудь банальное. Ты же прекрасно знаешь, что у меня нет воображения. Нужно придумать что-то такое, чему он не сможет не поверить.

– Ты соображаешь, чего от меня требуешь?

– Ну да!

– Послушай, есть два способа навешать человеку лапшу на уши: реалистичные детали и нагромождение.

– … ?

– Например, если ты просто скажешь, что обедала с Жаном Габеном, я тебе не поверю. Но если ты расскажешь, что обедала с Жаном Габеном, который заказал форель с миндалем и отодвинул все орешки в сторону, на край тарелки, потому что терпеть их не может, а ты незаметно один за другим стала отправлять их в рот, то это уже будет похоже на правду. Вот это и называется реалистичной деталью. Но поскольку ты спешишь, предпочтительнее использовать второй прием.

– Объясни.

– Лучший способ придать достоверность какому-нибудь невероятному событию – увязать его с другим, еще более невероятным. Если ты придешь на работу и скажешь, что твой экспресс сошел с рельсов и все пассажиры едва не погибли, то нет никакой гарантии, что тебе поверят. Но если ты расскажешь, что твой поезд сошел с рельсов и вы чудом уцелели, что движение оказалось прерванным и тебе пришлось ловить такси, но в тот момент, когда ты уже считала, что все позади, такси врезалось в машину какого-то идиота, который прямо посреди улицы стал избивать твоего шофера, пока не подоспел полицейский, то в этом случае все решат, что тебе еще здорово повезло. Уловила принцип?

– … Думаю, да. Во всяком случае, у меня появились кое-какие мысли. Единственное, чего я боюсь – что мне не хватит актерского таланта.

– Вот уж насчет этого я не беспокоюсь.

– Целую тебя, дорогой.

– Мама…

– Да?

– Врать – некрасиво.

– Это я тебя этому научила?

Она вешает трубку. Моя рука ищет волосы Шарлотты, но натыкается лишь на подушку.

Если бы она хотя бы сохранила ее запах…

В моей жизни запахи всегда играли важную роль.

Но сейчас пахнет только чистым бельем и одиночеством. В полумраке я выдвигаю ящик комода, в котором Шарлотта хранит свое белье. Мне хочется уткнуться в него лицом, но ящик пуст.

Может, она спит здесь, когда меня нет?

Неужели нельзя было подождать несколько месяцев? Я вернулся бы к ней, чтобы больше не расставаться никогда.

У меня нет ни малейшего представления, где сейчас Шарлотта, и ее отсутствие странным образом похоже на вызов. Правда, я пока не знаю, в чем его суть. И не могу рассчитывать на ее родственников, чтобы что-то узнать о ней. Ее подружка Жюльетта говорила со мной по телефону так, словно только что с луны свалилась. Отец Шарлотты отреагировал и то лучше, «поздравив сам себя с этим разрывом». Слово «разрыв» резануло мне слух. Разрыв… Если бы она бросила меня, как все – с криком, наспех собрав чемоданы…

Шарлотта ничего не делает, как все.

В отличие от моей дорогой мамочки, я прихожу в контору задолго до начала работы. Хождения взад-вперед по коридору клиентов «Примы» меня давно не беспокоят, однако сегодня я не на шутку удивился, увидев Филиппа Нуаре, ожидающего в приемной. Еще три Нуаре идут мне навстречу по коридору, а пять или шесть выходят из кабинета Лины. Несколько Нуаре спускаются по лестнице, а один даже выскакивает с извинениями из нашей комнаты. В этом нашествии Нуаре есть что-то подозрительное. Лина на ходу объясняет, что ей нужно нанять десять двойников актера для какого-то трюка, который не продлится и двадцати секунд в его следующем фильме.

Матильда уже на месте и встречает меня с чашкой чая. Она хорошеет с каждым днем. Стоит ей отвернуться, как мой взгляд упорно останавливается на ее ногах. С величественным видом входит Старик.

– Кто-нибудь смотрел сегодня ночью очередную серию? Нет? Так вот, дети мои, вы пропустили великий момент. Разговор между Джонасом и Брюно. Можно подумать, что мы вернулись к прекрасным временам экспериментального кино. Во всем этом не было ни малейшего смысла, и все же… все же что-то происходило.

– Сцена, где Джонас склоняет парня совершить сумасбродный поступок?

– Редкая удача! Их сняли снизу, когда они стояли лицом к лицу. Видно только, как у них в руках неизвестно откуда появляются разные предметы. Сюрреалисты пришли бы в восторг.

В оригинале эта сцена получилась довольно рискованной. Брюно отмочил очередную глупость, и Джонас поймал его в комнате. Парень чувствует, что ему не избежать нравоучений и угрозы, что в случае, если он еще раз совершит что-то подобное, его ждет страшное наказание. Но вопреки ожиданиям, Джонас берет его за руку и объясняет, что совершить сумасбродный поступок – это не то же самое, что угнать машину или избить злейшего врага, а нечто совсем иное. И не обязательно ошибка. Сумасбродный поступок означает стремление к свободе, вот и все. Этот поступок не продиктован никакими законами, никакими требованиями, никакими условиями.

Это, к примеру, выбросить в окно скрипку, нарушив вечернюю тишину. Распевать перед зеркалом на каком-нибудь тарабарском языке. Флегматично бить бокалы на высоких ножках, куря огромную сигару. Носить нелепую шляпу и делать вид, что на голове у тебя ничего нет.

Короче говоря, считаться чокнутым в глазах окружающих и получать от этого удовольствие. Похоронить целесообразность, хороший вкус, принятые нормы. Любой человек на этой земле мечтает совершить что-нибудь абсурдное, не поддающееся никакой логике. Нужно только выяснить, что кому нравится. Вот, что терзает в глубине души Джонаса.

– А сцену со сливочным маслом они выбросили? – спрашивает Матильда.

– Да нет, сняли! Буквально! В руках у Джонаса появляется довольно приличный кусок масла. Он давит его пальцами, улыбаясь как блаженный, потом почти целую минуту разминает. Это выглядит безумно сладострастно. Парнишка в ужасе.

Джонас предлагает ему проделать то же самое, но Брюно не может и никогда не сможет пересилить себя. Безумие и абсурд для него – высшие табу, и он никогда не осмелится их нарушить. Только у взрослых хватает на это мужества. Показав Брюно его уязвимость, Джонас оставляет парнишку наедине с его юношескими проблемами.

Очевидно одно: отныне режиссер «Саги» является членом нашей банды. Как и нас, Сегюре вытащил его неизвестно откуда. Этот парень передает наши мысли с поразительной точностью и обеспечивает прямую связь между нами и горсточкой зрителей. Луи не желает знакомиться с ним, раз тот сам до сих пор этого не сделал. Возможно, он боится, что при встрече что-то разрушится.

Старик прикрепил над кофейным автоматом два новых письма. Одно из них пришло от явно свихнувшегося члена какого-то ночного клуба, чей почерк мы с трудом разобрали. А что говорить о стиле!

Привет авантюристам супермыльной оперы!

Еще недавно мы с моим корешем Риццо (САМИМ Риццо!) не возвращались с тусовки, не приняв по рюмашке «Эрла Грея» у Мирей в восемь утра. Завязано! Мы вынуждены закругляться ровно в четыре часа ради наших пятидесяти двух минут полного кайфа, я говорю о «Саге», этом серфинге в сумеречной зоне при бортовой качке всех нейронов. Между нами, парни, если вы что-то глотаете, чтобы писать такое, немедленно сообщите, что именно. Насколько я помню весь дурман, прокрученный по телеку, такой штуки еще не было. Один наш приятель, владелец «Тюбы» (ночной кабак, где для вас, стоит вам только моргнуть, будет зарезервировано почетное место), установил у себя видик, чтобы служить ночную мессу вместе со всеми, кто перешел на пашу сторону. Наша секта увеличивается от ночи к ночи. Не дрейфите.

Люк и Риццо.

PS. Хотелось бы увидеть Милдред голую – только ради шрамов.

На следующий день мы получили другое письмо.

Мадам и месье сценаристы «Саги»!

Хочу написать вам несколько строчек, чтобы рассказать следующее: мне сорок один год, и я провожу все ночи в доме возле Каркассона, где прошло мое детство и где сейчас умирает моя мать – ей осталось жить не больше двух недель. Моя сестра ухаживает за ней днем, а я сменяю ее ночью. Мама любит, когда я сижу с пей рядом. Когда ей удается задремать, я тихонько включаю телевизор, чтобы посмотреть «Сагу». Не знаю, как и сказать, но это единственный час за целые сутки, когда я могу немного отвлечься, передохнуть, остаться наедине с собой. Иногда я даже негромко смеюсь. Когда серия заканчивается, я чувствую себя успокоившейся, как будто смогла со стороны посмотреть на тот фарс, который мы переживаем каждый день.

Спасибо.

Не знаю, что и думать. Но читать такое приятно. Просто приятно.

Переполнившись гордостью, мы набросились на 46-ю серию. В конце дня зашел Сегюре. Он сам принес наши чеки и забрал тексты двух последних серий. Мне не в чем упрекнуть этого человека, мужественно несущего свой крест. Он считает, что авторы – это его раны, актеры – тоже его раны, про рекламодателей лучше не упоминать, а что касается публики, то та организовала против него заговор, чтобы не дать ему развернуться.

У Сегюре начинает расти животик, с чем он, видимо, борется, так как никогда не расстается с бутылкой минеральной воды. Нам здорово повезло, что он потрясающе необразован. Это гарантия того, что мы действительно можем протащить на экран все, что угодно, и он ничего не заподозрит. Сегодня вечером Сегюре попросил меня объяснить ему смысл реплики Джонаса по поводу украденной у Френелей картины, которую им подарил Мордекай («Если это подлинный Брак, то он рано или поздно появится на рынке»). Моя лекция о кубизме оказалась бесполезной. Он заявил с самоуверенным видом:

– Несомненно, воры – это чокнутые и очень часто становятся убийцами, но они не будут терять время, чтобы шарить по полкам.

Да благослови Господь этого человека, который продаст отца и мать, лишь бы удержать зрителя на своем канале.

Перед уходом я снял с вешалки пальто Матильды, чтобы помочь ей надеть его. Удивленная такой любезностью, она поблагодарила меня улыбкой. Я едва успел незаметно вдохнуть аромат женщины и, задерживая дыхание, вышел на улицу.

С тех пор как Шарлотта исчезла, мне больше не нужно отключаться от работы и думать о чем-то другом. После двадцати двух часов я ненавижу думать, да и что нового я могу придумать? Каждый вечер погружаюсь в очень горячую ванну и поливаю голову холодной водой. Просматриваю комиксы с Микки Маусом, перелистываю огромный фотоальбом, разыгрываю из себя холостяка. И не решаюсь позвонить старой знакомой, которой захочется узнать, чем я занимаюсь. Но все бесполезно. Я не в состоянии отключить в своем мозгу механизм, разрабатывающий сюжеты. Я сколько угодно могу держать голову под струей холодной воды, но мне все равно не удается не думать о Марии, Вальтере и прочих героях «Саги». Стоит мне глянуть на первые картинки с Микки Маусом, как я уже знаю продолжение и сам начинаю придумывать истории, недостойные этого всемирно известного мышонка.

В толстом фотоальбоме я то и дело натыкаюсь на групповые портреты. На них люди, которых судьба уже давно развела, и я придумываю тысячи обстоятельств, чтобы соединить их. Я могу даже сочинить биографию каждого сфотографированного. Жизнь одинокого человека – это небольшой приключенческий фильм с самыми неожиданными поворотами сюжета. Перед тем как позвонить старой знакомой, я проговариваю вслух наш диалог, то и дело меняя прилагательные, чтобы придать ему более искреннее звучание.

Придя в отчаяние, выхожу из дому, и ноги сами приводят меня к небольшому зданию на обычной улице самого пустынного округа Парижа. Как это ни парадоксально, но только здесь я могу думать о чем-то другом. По пути покупаю бутылку перцовки, чтобы доставить удовольствие Жерому.

Мы делаем несколько глотков красной жгучей жидкости. Лежа на своем «плоту», Тристан смотрит документальный фильм о ловле крупной рыбы и мысленно плывет по воле волн в неведомые моря.

Смотрю на погруженный в темноту город. Притихшие улицы. Откуда-то издалека доносится негромкая музыка. Чтобы лучше слышать ее, облокачиваюсь о подоконник.

Лес антенн и печных труб, тысячи крыш, залитых лунным светом, дворцы и хижины, стоящие рядом.

И повсюду они, мои зрители, спрятавшиеся за стенами, лежащие под одеялами. Может быть, те, кто уснул, и имеют право на покой. Но остальные – тоже герои сериала, который идет каждую ночь с незапамятных времен.

Тайные любовники будут играть сбежавших из тюрьмы гангстеров. Гуляки отправятся в крестовый поход за последним стаканчиком. Дежурные врачи проникнут в семейные тайны. Заблудившиеся будут искать друг друга, а избранные – возможность заблудиться.

Ночь выдаст обычную порцию загадочных преступлений и хитроумных интриг. Актеры не будут бесталанны, они сумеют солгать и разыграть комедию. Они до конца выдержат свои роли, а наиболее талантливые сорвут аплодисменты удивительными монологами. Не может быть и речи, чтобы пропустить очередную серию, жизнь царства тьмы – бесконечный сериал.

А если когда-нибудь у них иссякнет воображение, чтобы придумывать новые приключения, им достаточно будет взглянуть в сторону телека. И здесь мы им пригодимся.

Я вижу, как вдали, в окне на последнем этаже высотного здания, вспыхивает свет в комнате прислуги.

Три часа пятьдесят пять минут.

Время «Саги».

– А знаешь, Марко, я как-то подумал, что наша работа по степени важности идет сразу после работы земледельцев.

– Почему?

– В чем нуждается человечество после жратвы? Чтобы ему рассказывали истории.

– Ты ставишь нас даже выше портных и агентов брачных контор?

– Конечно.

Тристан резко снимает с головы наушники. Услышав звуковую заставку канала, мы приподнимаем головы. Фуга Баха зовет нас к экрану.

Добро пожаловать, все желающие!

– Кто-нибудь из вас смотрел «Сагу» сегодня ночью?

Луи задает этот вопрос почти каждое утро. Очевидно, у него такая манера здороваться.

Этой ночью я проспал как убитый десять часов подряд. Тристан задремал перед телевизором, не досмотрев «Звездный путь», а Жером отправился на стадион бросать бумеранг. Матильда никогда не смотрит «Сагу» ночью; она записывает ее на

видеомагнитофон, который включает за завтраком. Утром она решила, что что-то неправильно запрограммировала, так как в то время, когда она намазывала маслом хлеб, шел документальный фильм о добыче газа в Лаке.

– А что необычного было в этой серии, Луи?

– Ее сегодня не передавали.

Пока мы перевариваем услышанное, в ушах продолжает звучать: «Ее сегодня не передавали».

Насколько я помню, в 49-й серии не было ничего необычного. Члены нашей банды позволяли себе кое-что и почище.

Ее сегодня не передавали.

Помню только некоторые детали. Воротник из шкуры добермана, спрятанный в картонке из-под шляп. У Милдред сильный жар, и в бреду она что-то говорит на латыни. Что еще?

Ее сегодня не передавали…

Брюно бесит окружающих, цитируя к месту и не к месту Шекспира (его излюбленное изречение: «One pound of flesh»[5]. Он собирается посетить медиума, чтобы побеседовать с духом своего нового властителя дум.

Ее сегодня не передавали…

Вальтер и Мария видят один и тот же сон и в конце концов приглашают друг друга в свое ментальное пространство, чтобы исследовать самые потаенные уголки своих душ.

Ее сегодня не передавали?

Но что за этим скрывается? Конец пути? Может, случайный подводный камень пробил днище нашего судна, а мы не заметили этого? Старик предлагает нам найти объяснение. Матильда считает, что во всем виновата цензура: образовалось какое-то лобби, выступающее против «Саги» и грозящее линчевать директора канала, если он не прекратит это безобразие. Жером полагает, что Высший административный совет забыл о проблеме с квотами и поэтому больше нет смысла продолжать снимать сериал.

У меня нет никакого вразумительного объяснения, и я высказываю версию о том, что инопланетяне похитили все готовые серии, чтобы показать своим соплеменникам, до какой стадии разложения докатилась земная цивилизация.

Старик сидит, скрестив руки, словно добренький учитель, собирающийся прочесть лекцию по естествознанию.

– 49-ю серию не передавали потому, что ее передали сегодня утром между восемью и девятью часами.

– Если это шутка, Луи…

– Сегюре не счел нужным сообщить нам об этом, так как на сей раз решил снискать себе все лавры у начальства. Представьте себе, что канал получает в неделю по двести-триста писем от зрителей «Саги».

Мы практически одновременно уставились на жалкие листочки, висящие над кофейным автоматом.

– Их передали нам только потому, что они адресованы непосредственно авторам сценария. Все остальное оседает в кабинетах начальства. Согласно опросам, все, кто работает по ночам, предпочитают смотреть «Сагу». Можно подумать, что таких зрителей немного, но прибавьте к ним тех, кто не спит между четырьмя и пятью часами, и вы поймете, почему у других каналов есть повод прийти в отчаяние. Опрос показал, что семьдесят пять процентов зрителей «Саги» записывают ее на видеомагнитофоны, чтобы посмотреть после работы.

Какой-то абсурд! Я еще могу поверить, что горсточка душевнобольных заинтересовалась сериалом, но чтобы обыватели смотрели «Сагу» целыми семьями – такое я не способен представить. Причем по вечерам, в лучшее время, когда десятки каналов предлагают новые фильмы и потрясающие шоу. «Сага» не может тягаться с ними.

– Вы слышали о двух журналистах, которые ведут постоянную рубрику, посвященную нашему сериалу?

– Ты полагаешь, у нас есть время читать газетенки?

Чтобы окончательно доканать нас, Старик достает пачку вырезок. Стиль большинства статей напоминает стиль бортового журнала и бюллетеня клуба для избранных. «Все думали, что они не осмелятся, и все же!» или: «Этой ночью мы имели возможность увидеть…» И дальше: «Есть опасение, что Фред и Милдред смогут изобрести машину, контролирующую работу нейронов. Встречаемся сегодня вечером! Не забудьте включить видеомагнитофоны.»

– А я еще не рассказал о радиолюбителях во всей Франции, комментирующих своим слушателям каждую серию.

– И ты хочешь, чтобы мы тебе поверили, приятель?

– В департаменте Уаз фаны создали клуб.

– Не заливай, Луи!

– И вот результат: чтобы обойти конкурентов, дирекция переносит время показа телемагазина, отстающего по рейтингу от других передач, а на его место ставит «Сагу». Если вам нужны еще новости, у меня есть одна, которая приведет вас в восторг.

Я чувствую, что самое интересное Луи приберег на конец. Это непревзойденный мастер по созданию атмосферы тревожного ожидания. Он вполне мог бы сработаться с Хичкоком, если бы им не завладел в свое время Маэстро.

– Я добился повышения оплаты. Теперь мы будем получать за каждую серию на три тысячи больше.

Потрясенный такой милостью божией, Жером падает перед Стариком на колени, выкрикивая какие-то заклинания. Так, если подсчитать, получается… На десять тысяч в месяц больше? На десять тысяч. Но что я буду делать с такими бабками?

– Если у вас есть другие пожелания, то сейчас самое время их высказать. Сегюре зайдет к нам после обеда.

Мы не разочаровали Сегюре. Он увидел перед собой трех избалованных детей, принявших его за Деда Мороза. Жером получил разрешение на оплату счетов за питание, а мы отныне можем свысока взирать на пиццу, так как каждому из нас открыт кредит на сто франков в день. Матильда решила украсить нашу контору всевозможными безделушками. Я потребовал сверхсовременную видеотехнику: огромный экран, видеомагнитофон, параболическую антенну и прочее, зная, что Тристан будет бесконечно благодарен мне за это.

Сегюре ушел, как уходят с поля боя, так и не начав битву.

– Хочу вас предупредить. Не думайте, что если кучка страдающих бессонницей и мающихся от безделья полуночников клюнула на вашу «Сагу», то так же отреагирует и утренняя публика. Ей ничего не стоит в один миг похоронить сериал.

Ну вот! Можно подумать, что наш небольшой успех причинил ему больше неприятностей, чем все остальное. Или же наше ночное творение вообще не должно было появляться на свет? Так или иначе, но это легкое потрясения как бальзам подействовало на наши души. Нам давно уже было необходимо второе дыхание. Теперь осталось выдать еще тридцать серий и завоевать признание утреннего зрителя, того, у кого нет времени

рассиживаться перед работой и кто покупает в телемагазине блестящие кастрюли-скороварки. Вот где оно, непаханое поле.

– Кто-нибудь уже делал покупки в телемагазине? – спрашиваю я.

– Тебе нужно что-то еще, парень? Надо было пользоваться моментом, пока шеф был здесь.

– Я просто хочу знать, как работает телемагазин.

– Я как-то купила у них губную помаду, – говорит Матильда. – Все очень просто. Вначале вы позволяете ввести себя в соблазн ведущему, несущему несусветную чушь на фоне появляющихся на экране моделей, с одной из которых вы должны себя идентифицировать. Потом сообщаете номер своей кредитной карточки, вот и все. Этот метод работает, и я – живое тому доказательство. Именно телемагазину я обязана этим губкам цвета фуксии, которые придают мне очарование.

– Благодаря губной помаде? – восклицает проснувшийся Тристан. – Той, что не оставляет следов?

– Именно ей, помаде для неверных жен и женщин легкого поведения. Если бы вы только знали, чем я ей обязана…

– Мы должны пойти дальше телеторговли, – вмешиваюсь я. – Нам нужно использовать в «Саге» эту безудержную страсть к потреблению, которой околдованы миллионы телезрителей.

– Напрямую? – спрашивает Старик.

– Попробуем вообразить безграничное потребление.

– Золотую мечту каждого потребителя!

– И совершенно безнаказанно!

Сцена 21. Гостиная Френелей. Павильон. Вечер

Обе семьи сидят за столом и обедают. Нет только Фреда. Брюно читает книгу, положив ее на колени. Вальтер накладывает себе блюдо, которое принесла Мария. Милдред с жадностью набрасывается на еду.

Милдред (восторженно). Только еда имеет смысл, все остальное – вторично.

Мария (принимая слова Милдред за похвалу). Ну и прекрасно, малышка, ешь как следует.

Камилла (пожимая плечами). Ненавижу слово «есть». И мне противны все производные от него: «еда», «объедение», «объедок»…

Джонас . Ты предпочитаешь слово «жрать»?

Камилла . «Покупать» и «есть» – самые отвратительные слова во французском языке. Я говорю не о том, что они означают, а только об их звучании. По-ку-пать, по-ку-пать… вам не кажется, что это противно?

Мария . Конечно, ведь ты не бегаешь по магазинам. То есть… не ты покупаешь еду.

Камилла пожимает плечами. Неожиданно появляется Фред. Он чем-то возбужден. Все удивленно замолкают. Тяжело дыша, он скрещивает руки на груди и поднимает глаза к небу. Напряженное молчание затягивается. Словно в трансе, Фред опускается на колени.

Фред . Я искоренил голод на земле.

Тишина, Присутствующие переглядываются. До Фреда доходит, что его поведение выглядит странным.

Фред . Вы слышали? Я придумал, как избавить человечество от голода. Все человечество! Понимаете?

Присутствующие сидят, словно оцепенев. Фред восторженно продолжает.

Фред . Народы перестанут страдать от голода! Никто больше не увидит ребенка со вздувшимся животом, умирающего возле своей матери! Слаборазвитые страны вернут себе утраченное достоинство! Свою силу! Можно забыть о теориях Мальтуса![6] Больше не будет ни голодных, ни тех, кто заставляет других голодать! Вы слышите меня? Слышите?

Фред разражается рыданиями.

Вальтер наклоняется к Марии.

Вальтер (шепотом). Ты не должна была оставлять его так долго в одиночестве.

Мария кивает головой, и Фред замечает это.

Фред . А, понимаю… Вы считаете, что я свихнулся, да? В этой семье меня всегда считали психом… Значит, вы так ничего и не поняли? Благодаря мне, половина мира сможет расстаться со средневековьем!

Он снова плачет. Милдред встает и склоняется над ним. Потом осторожно отводит его к креслу, достает коньяк и наливает стаканчик.

Милдред . Я верю вам, Фред.

Фред . Спасибо… Спасибо, девочка моя… Ваш интеллект намного выше, чем у всех остальных за этим столом. Вы будете первой, Милдред… Я о вас не забуду.

Милдред . Может, вы нам расскажете, каким образом вам удалось сотворить это чудо?

Фред . Нет ничего проще, но я не уверен, что они (беглый взгляд в сторону присутствующих) смогут понять.

Милдред . Тогда расскажите только мне.

Фред делает глоток коньяка. Теперь он чувствует себя увереннее.

Фред . Идея совсем простая, сложность – в ее применении. Я разработал программу всемирного перераспределения запасов липидов посредством системы обезжиривания.

– Марко!

Кажется, произнесли мое имя. Я поднимаю голову. За окном темно. Каждый сидит за своим монитором.

– Тебе не нужно помочь, Марко?

Над головой Старика густое облако табачного дыма.

– Нет, спасибо. Вы можете идти, мне осталось совсем немного.

– У нас у всех есть над чем поработать. Тебе что-нибудь нужно?

– Может, осталось немного перцовки?

Я перечитываю последнюю фразу четыре, пять раз. Надо будет проконсультироваться с врачом или с экономистом. Или с кем-нибудь, кто разбирается и в том, и в другом.

Сидящие за столом снова переглядываются. Брюно стучит себя пальцем по лбу, Камилла с серьезным видом поворачивается к матери, остальные пребывают в растерянности. Только у Милдред расширяются глаза.

Милдред . Фред… Вы хотите сказать, что…

Фред . Да, я знаю, как пересадить жировую ткань, я проделал опыты на животных, у которых совершенно разные кровеносные системы. Отныне жир может стать универсальным сырьем!

Милдред . Это было бы слишком хорошо, Фред… Я верю в вас, но…

Фред . Я знаю, что вера тоже нуждается в доказательствах.

Он бросается в свою лабораторию и возвращается с котом, который выглядит очень стройным.

Все изумленно молчат.

Брюно . Но…он похож… на Улисса! Это Улисс!

Мария . Не может быть. Улисс пропал две недели назад, и к тому же он был толстым, как папа римский.

Камилла . Нет, это он, посмотри на белое пятно на правом боку!

Джонас . Мадам Жиру считала, что он погиб.

Фред открывает стоящую у его ног корзину. Оттуда выскакивает второй кот, круглый как мячик.

Все (хором). Султан!

Бросаются к нему, берут его на руки, ласкают.

Мария . Этот звереныш был таким рахитичным… Ничего не хотел есть, даже куриное мясо и почки. Казалось, он вот-вот умрет.

Фред (торжествующе). Излишки жира Улисса спасли Султана. Теперь понимаете?

Чувствуется, что присутствующие все еще с недоверием относятся к словам Фреда.

Фред . Да, вы не понимаете! Ладно! Раз так…

Он подходит к окну и смотрит вниз.

Фред (громко). Эвелин! Эвелин!

Мария . Фред, на этот раз ты заходишь слишком далеко!

Вальтер . Это женщина с нижнего этажа?

Брюно . Толстуха, которая уже не в состоянии передвигаться. Камилла покупает ей продукты.

Камилла . Наверное, она нашла кого-то другого, так как не обращалась ко мне уже месяца три.

Мария . Бедняга, она заболела булимией после смерти мужа. За несколько месяцев она так растолстела, что стала бояться появляться на людях. А раньше была такой кокеткой.

Звонят в дверь. Никто не двигается с места. Наконец Милдред открывает дверь. На пороге стоит красивая женщина, стройная и элегантная. Все ошеломленно взирают на нее. Она целует Фреда.

Эвелин (Фреду). Ты ведь просил меня держать все в секрете еще несколько дней…

Фред (со вздохом). Ты не представляешь, какие меня окружают невежды.

Мария (пораженная). Вы знакомы?

Фред . Мне нужно было… проверить мое изобретение на людях… Я знал, что у Эвелин есть проблемы, поэтому…

Эвелин . Я даже сама себе казалась чудовищем… И не могла не использовать этот последний шанс…

Все молчат.

Вальтер . Но… Ваш лишний вес, что с ним стало?

Эвелин не решается ответить и смотрит на Фреда.

Фред . Я ничего не ем вот уже девяносто шесть дней.

– Ты обрываешь сцену сразу после этой фразы, – говорит Старик, глядя через мое плечо. – Не хочешь сделать небольшой перерыв?

Я отрицательно качаю головой. Матильда спит на одном из наших новых диванов. Тристан смотрит какой-то фильм. Жером работает над 24-й сценой, той, где Камилла служит приманкой для Педро Менендеса «Белого». Я спрашиваю у Луи, каким эпизодом сейчас лучше заняться.

– Думаю, стоит вернуться к изобретению Фреда в следующей серии, это может быть начальной сценой.

– Серия 42, сцена 1?

– Да. У Фреда будет достаточно времени, чтобы продвинуть свои дела.

– Я могу продолжать, пока не потерял нить.

– Если тебе понадобятся статисты или новые декорации, не стесняйся.

Я не спрашиваю, который сейчас час, я и так знаю, что ночь близится к концу.

Сцена 1. Штаб-квартира Фреда. Павильон. День

Просторное рабочее помещение, где то и дело сталкиваются с десяток сотрудников. На стенах висят таблицы, графики и огромная карта полушарий. Фред, переполненный энергией, раздает указания. Его постоянно сопровождают два типа в белых халатах. Еще двое в военной форме что-то оживленно обсуждают перед картой. Один сотрудник принимает сообщение по факсу, другой, за столом, нервно щелкает мышью. Три телефонистки отвечают на звонки.

Фред (говоря в сторону). Где делегат от спонсоров?

Делегат (выбегая из глубины комнаты). Я здесь!

Фред . Вы связались с Нью-Йорком?

Делегат . ООН изучает досье. Скорее всего, ВОЗ не успеет. Они говорят, что им потребуется еще месяц.

Фред . Черт! Я же дал им детальный план, но я же не могу разорваться! Сколько у нас доноров на сегодня?

Делегату не удается сдержать смех, когда в зал врывается группа возбужденных толстяков. Один из служащих оттесняет их к выходу.

Делегат . Сейчас у нас в списках шесть тысяч человек, ждущих своей очереди.

Служащий за компьютером. Через неделю их будет втрое больше. Согласно расчетам, первые двести тонн липозы можно отправить до конца месяца.

Фред . Это недостаточно быстро, черт побери! Если учесть еще фазу гомогенизации, то мы не сможем начать раздачу раньше, чем через сорок дней!

Первый военный . Вероятно, вы правы, но если вспомнить, что некоторые страны ждут этого момента несколько столетий…

Служащий за компьютером . Вот именно, возникнет проблема приоритета.

Второй военный . Ну, этим мы займемся (улыбается). Месье Френель, я не могу не думать обо всех этих извергах, наживающихся на благотворительности, на этих пиратах, перехватывающих продовольственные грузы и остающихся безнаказанными. Теперь, когда у нас есть этот жир, им всем придет конец.

Фред . Липоза – единственное сырье, которое нельзя использовать в коммерческих целях.

Служащий за компьютером . Вот это да! Не иметь возможности разжиреть на жире!

Телефонистка . Месье Френель! С вами хотят поговорить из Министерства здравоохранения.

Фред (раздраженно). А что вы ответили Министерству иностранных дел?

Телефонистка . Перезвонить завтра утром.

Фред . Скажите этим то же самое.

Входят Эвелин и Мария. Фред быстрыми шагами направляется к ним.

Фред (обращаясь к Эвелин). Тебя наконец оставили в покое?

Эвелин . Они хотят сделать еще ряд анализов через неделю.

Фред . Но я же уже сделал все, которые только можно придумать. Ты, видимо, совсем устала?

Эвелин. Я горжусь этим…

Делегат (шепотом, обращаясь к Фреду). Скажите, профессор… Я хочу попросить вас о небольшом одолжении… Это все моя жена… Она не дает мне житья каждый вечер… хочет пройти без очереди… Ей нужно избавиться от пяти килограммов лишнего веса.

Фред, ошеломленный, возводит глаза к небу.

В конце концов я понял, что скрывается за исчезновением Шарлотты. Она просто решила посмотреть, смогу ли я понять, почему она ушла. Посмотреть, смогу ли я прожить без нее. Посмотреть, смогу ли я найти ее. Я приму ее вызов, как только закончится «Сага». Через несколько недель я с полным правом смогу заявить, что у меня есть профессия! Я слишком близок к цели, чтобы бросить все именно сейчас.

Все члены команды заметно нервничают, ожидая Старика, который отправился к Сегюре обсудить последние пять серий. С того момента, как наш дорогой продюсер вбил себе в голову, что должен руководить событиями, он почувствовал в себе призвание к профессии сценариста. Уже начало десятого, а Старика все нет. Тристана тоже нет, он очень подружился с Вильямом и сейчас сидит в монтажной.

– Тяжелее всего видеть, как братишка карабкается по лестнице, – вздыхает Жером. – Он напоминает мне дешевую куклу, у которой вывихнута лодыжка.

– Что он там делает, в монтажной?

– У Вильяма стоит сверхсовременная американская аппаратура. Здоровенный агрегат, который делает виртуальные штуки и синтезирует изображение. Я не очень разбираюсь в этой технике, но Тристана она просто завораживает. Ему нравится присутствовать при создании образов, а не смотреть на конечный результат.

Из коридора опустевшего здания до нас доносятся быстрые шаги Старика. Он вбегает в комнату и со вздохом облегчения садится на диван. Я хватаю его пачку «Голуаз» и прикуриваю ему сигарету. Жером протягивает ему пиво.

– Дети мои, можете не благодарить меня, хотя партия была трудной. Казалось, что я играю в шахматы против армии недоброжелателей, которые то и дело украдкой передвигают фигуры. Даже работа с Маэстро никогда не была настолько сложной. Сегюре очень не нравится история Камиллы и террориста, он хочет, чтобы мы изменили финал. А еще он хочет, чтобы мы сделали более понятной сцену, где Джонас в день своего тридцатитрехлетия терзается страхом, так как это «слишком иносказательно, слишком метафорично для утреннего зрителя». Кроме того, он считает, что липоза – это «оригинальный ход, но лучше не развивать тему возможных последствий». Он также не понимает, во что впутывается Милдред с тем, кого он называет дикарем. Он сделал мне несколько предложений, одно абсурдней другого: Существо учится говорить, начинает носить одежду и обнаруживает, что является незаконным сыном черт знает какого принца в изгнании…

– А он не желает, чтобы Существо сообщило номер своего страхового полиса и удостоверения на право голосования? – ухмыляется Жером.

Матильда с трудом сдерживает гнев, услышав, что Сегюре покушается на ее персонажей. Она способна воспринимать лишь осторожную критику, идущую от нас.

– И как вы отреагировали на весь этот идиотизм, Луи?

– Я сказал, что не может быть и речи, чтобы что-то менять. Думаю, он с удовольствием раскроил бы мне череп топором. В его глазах можно было прочесть: «Вы хотите поиграть в учеников чародея, однако я вам этого не позволю».

Жесточайшие схватки с Сегюре происходят все чаще. Нам приходится расшифровывать каждую его фразу, чтобы понять, что за ней кроется. Не слишком приятно искать скрытый смысл в словах единственного человека, который должен нас поддерживать.

– Мне осточертело целыми днями ломать голову, чтобы понять, почему люди так говорят и какие у них задние мысли, – бурчит Жером.

– Бесполезно бороться с обычной двусмысленностью языка, – вздыхает Матильда, – мы все то и дело лжем, даже не желая этого.

– Самое грустное – это засилье слов-паразитов, – говорит Старик, – что лишает речь остроты и естественности.

Лукавишь, любезничаешь, используешь дежурные перифразы, а в результате не можешь быть уверенным, что сумел донести свою мысль. Я даже размечтался о языке, на котором нельзя говорить туманными или цветистыми фразами. О языке, на котором не смогут общаться льстецы и подхалимы.

– Вместо того, чтобы заговаривать зубы, – говорю я, – достаточно четырех точных искренних фраз, чтобы выразить все, что думаешь.

– Представляю, какое тогда начнется светопреставление! Матильда, конечно, права, но я уверен в одном: искренность гораздо привлекательнее лицемерия.

– Всего четыре фразы…

– Четыре искренних фразы.

Никому не хотелось уходить. Весь вечер мы продолжали обмозговывать идею о четырех искренних фразах. К двум часам ночи, немного обалдев от разговоров, мы установили новое правило, которое гордо окрестили Четверть Часа Искренности. Отныне в каждой серии «Саги» будет Четверть Часа Искренности. Чтобы убедиться, что идея сработает, мы решили придумать эпизод до конца этой ночи. Старик достал диалог между Марией Френель и Вальтером Каллахэном. Решающий момент, когда они уже готовы переспать. Мы прочитали диалог вслух, чтобы вспомнить, о чем там шла речь. Матильда читала за Марию, Жером – за Вальтера. Я слушал их, занимаясь приготовлением кофе.

Сцена 31. Комната Марии. Павильон. День

Вальтер только что починил раковину в ванной комнате, расположенной рядом с комнатой Марии.

Мария . Обычно все в доме чинит Фред, но с тех пор, как он вбил себе в голову спасти мир, его невозможно заставить взяться за отвертку.

Вальтер выходит из ванной в грязной, распахнутой на груди рубашке, держа в руке разводной ключ и вытирая потный лоб.

Вальтер . Мне сейчас нужен хороший душ.

Мария . Пользуйтесь ванной комнатой, я принесу вам полотенце. Не стесняйтесь, это такие мелочи.

Вальтер . Вы же знаете, у меня тоже есть ванная комната, достаточно перейти лестничную площадку.

Мария . Как хотите…

Они молчат и смотрят друг на друга. Вальтер колеблется.

Вальтер . В конце концов, почему бы и нет. Тем более, что у Милдред появилось дурацкое увлечение – часами прихорашиваться в ванной. Мне кажется, она решила стать красивой.

Мария . У нее такой возраст… (Открывает шкаф, достает полотенце и протягивает его Вальтеру.) У меня есть ванильное мыло.

Вальтер (удивлен, но находит это забавным). Ладно, сойдет и ванильное…

Мария . Еще что-нибудь?

Вальтер . Нет, спасибо… Я недолго, одну-две минуты.

Исчезает в ванной комнате. Мария бросается к зеркалу, чтобы поправить прическу. Слышно, как шумит вода. Мария торопливо подкрашивает глаза.

Вальтер (из душа). Ваш душ тоже нуждается в небольшом ремонте.

Мария . В этом доме все надо ремонтировать!

Шум воды прекращается. Мария с непринужденным видом садится на край кровати.

Вальтер (из душа). Здесь действительно можно оставаться часами.

Мария . Бак с горячей водой опустошается за десять минут.

Входит Вальтер, застегивая рубашку.

Вальтер . А оно недурно, ваше ванильное мыло.

Мария . Есть еще и шампунь с таким же запахом..

Вальтер зашнуровывает туфли и подходит к ней. Молчание. Он осторожно берет ее за руку. Мария вздрагивает.

Мария (напряженно). Вальтер… Вы здесь так недавно.

Он садится рядом с ней.

Вальтер . Я был уверен, что никогда не смогу излечиться от любви к Лоли… С тех пор как она исчезла, я ни разу не взглянул на женщину так, как сейчас смотрю на вас.

Мария . С тех пор как умер Серж, меня не обнимал ни один мужчина.

Он пытается обнять ее. Она осторожно отталкивает его.

Мария . Не знаю, готова ли я…

Он обнимает ее и расстегивает несколько пуговиц на платье. Она перестает сопротивляться.

– Что вы об этом думаете?

– Их можно заставить пережить Четверть Часа Искренности, как вы считаете?

Сцена 31. Комната Марии. Павильон. День

Вальтер только что починил раковину в ванной комнате, расположенной рядом с комнатой Марии.

Мария . Я долго не решалась попросить вас починить кое-что в ванной комнате. Боялась, что вы подумаете, будто я заманиваю вас… в ловушку.

Вальтер (из ванной). Зато теперь мне не нужно ее искать.

Он выходит из ванной в грязной, распахнутой на груди рубашке, держа в руке разводной ключ и вытирая потный лоб.

Мария . Вам нужно принять хороший душ. Сейчас принесу вам полотенце.

Они молчат и смотрят друг на друга.

Мария . У меня есть ванильное мыло. Не отказывайтесь, я всегда мечтала почувствовать запах мужчины, смешанный с запахом ванили.

Вальтер . Гм, я буду рад, если от меня будет вкусно пахнуть…

Исчезает в ванной комнате. Мария бросается к зеркалу, чтобы поправить прическу.

Мария (громко). Еще что-нибудь?

Вальтер . Идите ко мне под душ.

Мария . Нет, этого я не люблю.

Она с любопытством смотрит в сторону ванной комнаты.

Мария . Зато мне очень хочется посмотреть, как вы моетесь.

Вальтер (из душа). Не надо, у меня эрекция, и я боюсь, что покажусь вам смешным.

Мария смеется, поправляя платье. Вальтер выключает душ. Мария садится на край кровати, скрестив ноги.

Вальтер . Наверное, мне не обязательно одеваться?

Выходит из ванной комнаты в плавках.

Мария . Я очень давно не занималась любовью и боюсь показаться немного неловкой.

Вальтер . Не беспокойтесь, я тоже не уверен, что окажусь на высоте – я так давно не занимался любовью, не выпив перед этим. Однако я думал об этом моменте с тех пор, как впервые увидел вас. В ваших глазах есть что-то порочное, что сводит меня с ума.

Они страстно обнимаются.

Мария . Мне сорок три года, и мне нужен мужчина, который сумеет разбудить мое тело. Любить хотя бы изредка. И ничего больше.

Вальтер . Для меня вы – идеальная любовница. Независимая, свободная, готовая попробовать вещи, на которые раньше не осмеливалась, и, в довершение всего, моя соседка.

Мария . Если в момент оргазма я скажу, что люблю вас, не верьте этому.

Вальтер . Вы можете говорить мне и более ужасные вещи, я все забуду, как только выйду отсюда.

Он снова обнимает Марию и начинает расстегивать пуговицы на ее платье.

В комнату, прихрамывая, входит Тристан. Прежде чем растянуться на диване, он внимательно всматривается в наши застывшие силуэты, освещенные настольными лампами.

– Такое никогда не пройдет, – говорит Жером.

– Для домохозяек, любительниц телемагазина еще сойдет, – замечает Луи, – но нужно учесть, что в это время детвора собирается в школу.

– Скажите честно, какая фраза может сильнее травмировать восьмилетнего ребенка: «О, Спектор, я приказываю тебе рассеять вирус, пожирающий мозг землян» или «Я всегда мечтала почувствовать запах мужчины, смешанный с запахом ванили»? – интересуется Матильда.

Разумеется, Сегюре скажет, что вторая. Не потому ли, что она травмирует самого Сегюре?

– А если бы спонсором сериала был продавец ванильного мыла? В конце концов, не стоит брезговать никакими средствами, если хочешь продать товар. По всей стране запускается реклама ванили, чей запах обладает возбуждающим эффектом и сводит с ума женщин. Вы можете представить себе метро, благоухающее ванилью в часы пик?

– Марко, тебе пора ложиться спать.

Мы единодушно решаем сохранить эту сцену, хотя и не сомневаемся, что потом нам за нее влетит.

Уже три часа ночи, и Луи предлагает подвезти нас на машине, но Матильда предпочитает пройтись пешком.

– Мне нужно проветрить мозги, иначе я ни за что не усну.

Я предлагаю немного проводить ее. Нельзя упустить возможность прогуляться на рассвете по Парижу под руку с красивой женщиной. Вот так романтизм берет верх над моей сексуальной неудовлетворенностью. Мы поднимаемся по авеню де Турвиль, направляясь к Дому инвалидов.

Тема для разговора у меня наготове, сейчас идеальный момент проконсультироваться у специалиста.

– Ваша гипотеза о том, что вам бросили вызов, не слишком удачна. Чтобы так поступить, нужно быть менее жизнерадостной, чем ваша Шарлотта. Исчезнув, она дает вам шанс. Но давайте разберемся по порядку.

Матильда с удовольствием играет роль семейного консультанта. И ее слова звучат убедительно.

– Вызов первый: Шарлотта хочет, чтобы вы разобрались в причине ее ухода, однако не дает ни малейшей подсказки. Вы размышляли над этим?

До головной боли. Как только я ложусь в нашу постель, то начинаю ломать голову, какую же совершил ошибку. Единственный правдоподобный ответ отнюдь не в пользу Шарлотты: она не смогла смириться с тем, что я наконец-то осуществил свою мечту и стал сценаристом.

– У меня есть роман на эту тему, – объясняет Матильда, – поэтому я имею полное право сказать: такая трактовка излишне психологична. Если верить вашему описанию, Шарлотта – полная противоположность женщине-наседке, боящейся, что ее подрастающий сын в один прекрасный день улетит на своих крыльях. Как и большинство из нас, она предпочитает бабочку куколке. Перейдем ко второму пункту.

Матильда действует так же решительно, как санитар на поле битвы.

– Она бросает вам вызов: попробуйте прожить без нее.

В этом вся Шарлотта! Считать себя незаменимой! И все только потому, что я однажды попросил ее выйти за меня замуж! Не знаю, что на меня тогда нашло. Мы как раз вышли из кинотеатра, где смотрели «Доктора Живаго». Было лето, мы пошли домой пешком, купив по бутылке пива. Неожиданно на улице Пети-Карро я попросил ее стать моей женой. У меня перед глазами все еще стоял последний эпизод фильма: Омар Шериф падает замертво, так и не сумев догнать свою ничего не заметившую Лару. Глупо, конечно, но я подумал, что женитьба – гарантия против подобного инфаркта. Не растерявшись, Шарлотта тут же ответила: «Ловлю тебя на слове»! Но мы так и не попали к мэру из-за дурацкой выписки из свидетельства о рождении, которую я не удосужился получить. Я всегда терпеть не мог «Доктора Живаго». Любимого фильма Шарлотты. Как только я смог прожить шесть лет с женщиной, которая обожает «Доктора Живаго»?

– В романе «Та, которая ждет» я подробно описала, к чему приводит исчезновение одного из любовников. Это история несчастной в любви женщины, инсценировавшей свою смерть. В результате у бросившего ее мужчины возникает ощущение невыносимой утраты. Чем больше проходит времени, тем больше их любовь кажется ему образцом совершенства. Пока время играет на нее, но как долго это будет продолжаться? Ведь он может забыть ее! Чтобы не погубить все дело, она вынуждена устроить за ним слежку.

Мы огибаем Дом инвалидов и выходим на площадь. Сколько влюбленных во всем мире мечтают в этот момент очутиться в Париже?

– Ваша Шарлотта совсем не такая, но и она надеется, что не слишком длительная разлука усилит ее очарование. Теперь перейдем к третьему вызову, самому главному. Как ее найти?

Я знаю, что сейчас не могу терять время, пытаясь разобраться в капризах и душевных порывах какой-то барышни, будь она даже девушкой моей мечты. «Сага» – прежде всего.

– Почему бы нам вчетвером не устроить сеанс мозговой атаки, как говорит Жером? Думаю, мы сумели бы обнаружить вашу красавицу гораздо быстрее, чем бригада частных детективов. Найти таинственно исчезнувшую любимую – разве это не прекрасный сюжет для фильма, заслуживающий, чтобы над ним поработали сверхурочно?

Еще немного – и я расцеловал бы ее прямо где стоял, недалеко от моста Александра III. Мне так нужно было поговорить о Шарлотте! И я никогда бы не смог найти лучшего собеседника. Обычно такая романтическая страсть, как у меня, встречается разве что в кино или в одном из любовных романов, которые всю жизнь писала Матильда.

– Вы не обидитесь, если я признаюсь, что не прочел ни одного романа, выпущенного издательством «Феникс»?

– Зачем терять время на чтение? Тем более на «розовые» романы.

– Однажды я из любопытства открыл один из них. Но в списке опубликованных издательством книг вашего имени не было.

С ее губ срывается хитроватый смешок. Она перегибается через парапет и смотрит, как течет Сена.

– С такой фамилией, как Пеллерен, я бы за всю жизнь не продала и десятка книг.

Мы идем дальше быстрее, чем мне хотелось бы. Похоже, что упоминание о ее прошлой жизни рассеяло все очарование этой ночи. Она опирается на мою руку и делает несколько бальных па. Я не вижу в этом жесте ничего, кроме проявления доверия.

– Восемь писательниц, появившихся на свет благодаря мне, сочиняли романы для одного мужчины.

Мы проходим мимо Гран-Пале, и она рассказывает мне о своем дебюте в женской литературе, о встрече с Виктором Эбраром, ставшим ее наставником, и о создании издательства «Феникс». К тому времени, когда мы оказываемся на Елисейс-ких полях, я уже знаю все, что произошло за двадцать лет ее жизни. Двадцать лет страданий и преданности негодяю, выбросившему ее, как сломанную игрушку.

– Хотите, я набью ему морду?

Она немного грустно улыбается. Наверное, я похож на вечно опаздывающего и не слишком надежного рыцаря.

– Вы прелесть, Марко, но мне не хотелось бы, чтобы вы его искалечили. Он должен быть в форме, чтобы перенести то, что я собираюсь с ним сделать.

– У вас уже есть идея?

– Пока очень смутная. Господин Мститель дал мне весьма ценный совет.

Теперь понятно, почему Матильда предпочитает завтракать наедине с Жеромом.

– Несмотря ни на что, я должна отдать должное Виктору. Если бы не он, я никогда бы не познакомилась с вашей троицей. И никогда бы не написала ни строчки. Недавно я подсчитала: 9600 страниц, посвященных любви. Первую половину своей жизни я провела в теоретических изысканиях, и теперь у меня появилось твердое намерение применить их на практике.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я собираюсь вести себя так, как вели себя героини моих романов: любить, спать с мужчинами, изменять. И я не собираюсь больше страдать, часами просиживая перед молчащим телефоном и глупо мечтая о счастье.

Спать с мужчинами… Знала бы она, что ее духи вот уже полтора месяца возбуждают мою чувственность! Достаточно было бы одной искренней фразы, одной-единственной. Но искренние фразы невозможны в реальной жизни.

– Не представляю, что вы способны кому-то изменить, Матильда.

Проходя мимо Сен-Филипп-дю-Руль, она смотрит на меня со сдержанным огорчением, и я чувствую себя так, словно меня вот-вот отругают. Совершенно случайно я задел ее за живое, а для нее это очень важно.

– Измена?.. Но, Марко… Измена… Это вся моя жизнь!

Всего-навсего.

– Измена – эпицентр любви. То, что придает страсть законной любви и повышает ценность любимого. Измена – самый щекотливый вопрос в семейной жизни, как ад в Библии. То, что заставляет людей стремиться к недостижимому. Вы же знаете, что глубина чувств у всех у нас разная. Есть люди более одаренные, чем другие.

– Ваша теория потрясающе аморальна…

– Ничего подобного. Во всяком случае, мне бы не хотелось, чтобы это выглядело так. Послушайте внимательно речи тех, кто так рьяно отстаивает верность. Вы уловите в них нотки страха, может быть, даже крик неудовлетворенности. Но в любом случае вы почувствуете, что они смирились со своей участью.

Лично я сейчас чувствую, что она горячая, как уголь. Стоит мне подуть на нее, как она совсем раскалится.

– Это всего лишь слово. Измена… Вам не кажется, что оно звучит очень красиво? Я даже посвятила ей одну из своих книг.

– Что?

– Если когда-нибудь вам попадется роман «Полуночная фуга», прочтите посвящение на первой странице. Там написано: «За измену и благодаря измене. Кто сказал, что самые красивые слова не обозначают самые красивые вещи?»

– Вы совершенно ненормальная, но в этом ваше очарование.

– У вас не кружится голова, когда вы думаете об измене?

Я ничего не отвечаю. Фонари на улице Фобур-Сент-Оноре бросают красивые отблески на ее лицо.

– Именно это заставило меня начать писать любовные романы. Вы можете назвать более волнующие истории?

– Что касается любви с первого взгляда, то с этим еще можно согласиться, но большинство связей – это все же на восемьдесят процентов постельные истории, извините за такое обобщение.

– Вы кажетесь мне слишком самоуверенным, молодой человек. Все мужчины на свете были когда-то влюблены в соседку, недоступную сотрудницу, жену приятеля или в продавщицу из книжного магазина. Что же касается того, что вы называете постельными историями, то мне известны такие, которые заканчивались страстной любовью, а вот большинство законных супругов предпочитают со временем находить развлечения на стороне.

Черт возьми… Ведь она пытается втолковать мне, что существование Шарлотты ее ничуть не смущает.

– Но вы, несомненно, правы, Марко. Я наверняка свихнулась, если нахожу романтичными телефонные разговоры вполголоса, встречи в гостиничных номерах во второй половине дня, невероятные алиби, вымышленные имена, предательские духи. И все же каждый час, который удается урвать и провести с любимым человеком, уже небольшая победа. А самая короткая из любовных ночей – триумф.

Нам этого не нужно, Матильда, вы живете всего лишь в трехстах метрах отсюда, а меня никто не ждет.

– Возьмите, к примеру, Жерома. Что его больше всего привлекает в идее насилия?

– Месть?

– Вот именно. Он считает, что месть – обратная сторона насилия, а я считаю, что измена – обратная сторона любви.

– Вы загнали меня в тупик, Матильда. Наверное, я недостаточно сентиментален или не слишком злопамятен, чтобы уловить вашу мысль.

– В основе измены и мести лежит страсть. Пламя, в котором смешались наши злые и добрые намерения. Гордость и желание в одном костре. Две непреодолимые силы, толкающие нас в одну и ту же пропасть – любви к самому себе.

Неужели я с самого начала ошибся в Матильде? Куколка, которую мы с Жеромом представляли мирно живущей в своем гнездышке, не имеет ничего общего с этой страстной натурой, у которой в сердце бушует огонь.

Я спрашиваю ее, что такое боль. Боль, которая пожирает тебя так же, как и желание.

– …Боль? Та, которую чувствуешь, кусая до крови руку и представляя, как любимое существо трахается в новой позе с другим?

– Да, именно такая боль.

– Если ваша выходка заставляет кого-то страдать, это значит, что вы недостойны жить.

Словно разгневавшись, она ускоряет шаг, заходит в ворота, набирает код на замке, машет на прощание мне рукой и исчезает в подъезде.

По дороге домой у меня появляется ощущение, что я открыл для себя что-то новое.

Медицинский университетский центр, Поль-Брусе,

Вильжюиф, отделение «Нарциссы», 3 этаж

Господа!

Старики из соседнего отделения пробудили в нас интерес к вашей «Саге». Уже несколько серий подряд мы отмечаем некоторые моменты, на которые, как нам кажется, должны срочно обратить ваше внимание.

1. Милдред – фантазерка, что подтверждает все ее поведение. Она легко манипулирует Брюно, который, скажем, выглядит немного дебильным. На первый взгляд, ее цели не совсем ясны, но, если разобраться, вполне очевидны. Как, по-вашему, почему она во что бы то ни стало хотела примерить свадебное платье своей покойной (или предположительно покойной) матери? И почему в тот вечер, когда Мария Френель отдается Вальтеру, она пытается узнать адрес Педро Менендеса?

2. Вам не кажется странным, что неизвестный поклонник Марии Френель всегда присылает ей букеты из девяти красных роз и двух белых лилий (серии четырнадцатая и двадцать девятая). Обратитесь к языку цветов, и вы поймете, что в этом таится какая-то угроза.

3. Как получилось, что «ящик с черным светом», о котором Фред говорит в пятой серии, так больше и не появился?

4. Серж, якобы скончавшийся муж Марии Френель, на самом деле жив. Пока еще рано раскрывать истинные причины его исчезновения, но можно не сомневаться, что он не умер.

Просим вас учесть наши замечания. Всегда к вашим услугам, чтобы обсудить их.

Ваши бдительные поклонники

– Ну что, разве параноики не более тонко воспринимают действительность?

– Такое письмо ни в коем случае не должно попасть в руки Сегюре, – говорит Луи. – Он тут же помчится в Вильжюиф, чтобы заключить с этими типами контракт, и нам придется распрощаться с «Сагой».

– Что меня смущает в случае с паранойей, – заявляет Жером, – так это страх, с которым к ней относятся. Хотелось бы обратить такую подозрительность в шутку.

Вообще-то, умственная деятельность сценариста мало чем отличается от умственной деятельности параноика. Оба – специалисты в области предположений, оба проводят время, прогнозируя события, воображая худшее и видя жуткие драмы за происшествиями, кажущимися безобидными всем остальным людям. Оба должны уметь отвечать на любые вопросы и предвидеть реакцию собеседника, чтобы не попасться в ловушку. Если мы избежим тюрьмы, то после «Саги» можем вполне оказаться в психушке.

Это письмо присоединится к другим – теперь уже почти вся стена похожа на белую мозаику. Иногда я смотрю на эти письма, чтобы убедиться в том, что мы работаем не только для себя. Возможно, мне на улице встречаются люди, мучающиеся вопросами: кто же окажется тайным поклонником Марии Френель, примкнет ли Камилла к организации Педро Менендеса, чтобы стать террористкой. Еще немного, и я начну завидовать тому, что они могут спокойно ждать продолжения.

Мы только что закончили 60-ю серию. Мне удалось протолкнуть в ней историю о последней мании Фреда – помочь самым обездоленным. Накормив голодных, он решил обеспечить светом тех, у кого нет электричества. Для этого Фред придумал очень простую систему превращения мускульной энергии в электрическую. Исходное сырье? Усилия тысяч любителей спорта, занимающихся в гимнастических залах и спортивных клубах. При малейшем движении на гимнастических снарядах, при поднятии тяжестей выделяется некоторое количество внутренней энергии, которая преобразуется в электрическую и подается в дома тех, где нет света. Бодибилдинг и аэробика переживают второе рождение.

Уже полдень, и Жером предлагает нам спуститься в бистро и съесть по порции телячьей головы под соусом грибиш[7].

– Мне нужно похудеть, – говорит Матильда. – Я набрала несколько лишних килограммов липозы и поэтому остаюсь работать.

– Работа над сценарием – единственная работа в мире, которую можно делать стоя, лежа, сидя перед экраном телевизора или уплетая телячью голову под соусом грибиш.

Спустя десять минут Жером больше не твердит о телячьей голове под соусом грибиш, потому что уплетает эту самую голову под соусом грибиш. Старик заказал дежурное блюдо, и я последовал его примеру.

– Вы еще не думали об убийце? – спрашивает он.

– О ком?

– О таинственном убийце, который наводит ужас на остальных героев. В каждом сериале есть убийца. Все задаются вопросом, кто же он, и в конце концов начинают подозревать друг друга.

Жером проглатывает кусок телятины и поднимает палец.

– Убийцы – это по моей части. Если хотите, можно придумать убийцу, но только совершенно необычного. Какого еще никто не видел.

– …Но о каком мечтает каждая женщина, – вставляет Матильда. – Убийца, который мстит за все наши мелкие ежедневные унижения. Убийца, достойный того, чтобы стать выше закона. Современный городской Робин Гуд.

– Только не это! Только не правдолюбец! Мы же сказали: убийца. Настоящий убийца.

– Тогда… Наемный убийца?
– Нет. Наш убийца не будет убивать за деньги, он выше этого.
– Психопат? Серийный убийца? Маньяк?
– Почему маньяк? Почему бы, наоборот, не уравновешенный тип.
– И кого же он будет убивать?
– Почему обязательно «он»?
– Ладно, пусть это будет барышня.
– Почему женщина?
– Если это не мужчина и не женщина, я умываю руки.
– Мальчишка?
– Ну нет…
– Почему обязательно человек?
– Собака?
– Уже было.
– Ласка, землеройка, страус… вам еще не осточертело?
– Почему обязательно живое существо?
– …?
– Привидение?
– Бог?
– Робот?
– Вирус?
– Инопланетянин?
– Понятие.
– Что?
– Что ты понимаешь под понятием?
– Идею, принцип, состояние духа, что угодно…
– Ты знаешь много понятий, которые убивают?
– Фанатизм, расизм, тоталитаризм…
– Капитализм, прогресс…
– И множество других.
– Дайте мне неделю, – просит Жером.

Большую часть обеденного перерыва я разглядывал официантку. Сексуальное воздержание иногда вызывает ощущение легкого опьянения: все женщины кажутся желанными, а любые уголки – пригодными для секса. Но я сразу же перестал пялиться на официантку, когда заметил через два столика от моего трех новых посетительниц. Три подруги по работе – спешащие, болтающие, смеющиеся. Три обычные женщины. Впрочем, похоже, они давно забыли, что они женщины, хотя каждая из них заслуживает того, чтобы ей об этом напомнили.

По дороге из кафе я разглядывал всех встречных женщин. И мне хотелось крикнуть каждой из них: «Я здесь!»

Я вернулся в контору, рассчитывая, что окажусь в безопасности, но именно там меня ожидала угроза.

Откуда в нашем коридоре такая лавина блондинок?

Я услышал зов джунглей и увидел тысячи гордых красавиц, сжигающих все на своем пути, двигающихся как пантеры, давно забывшие вкус крови. Нимфы, озаряющие все вокруг своей красотой и выставившие напоказ, словно боевые медали, свои груди. Было поздно хвататься за оружие, оставалось лишь спрятаться и следить за ними издали.

– А, это идет набор актрис для «Тривиального», – объяснил Старик, усаживаясь перед монитором.

– Но ведь такие женщины не встречаются в обычной жизни, – сказал Жером.

– Никогда не понимала, как такие девицы могут нравиться мужчинам, – бросила Матильда. – А что вы скажете, Марко?

Мы еще пили по первой чашке кофе, когда раздалось жужжание факса. В такое раннее время это мог быть только Сегюре.

«Как вам должно быть известно, вчера утром передавали 45-ю серию. Если хоть кто-нибудь из вас смотрел ее, он может засвидетельствовать перед тремя остальными, что пресловутая сцена „объяснения „между Марией и Вальтером была снята точно так, как написана, со всеми эротическими подробностями. Мне хотелось бы, чтобы вы поняли, как дорого могут обойтись всем нам подобные сочинения, даже если этим утром у нас был самый высокий рейтинг. Чтобы оправдать ожидания зрителей (от которых с каждым днем приходит все больше и больше писем), я в настоящее время работаю над перечнем замечаний, чтобы определить точное место «Саги‟ и, соответственно, рамки, за которые нельзя выходить. Сколько раз я настаивал, чтобы мы наконец раскрыли, кто такой таинственный поклонник Марии? После сцены с засорившейся раковиной (!!!) это стало первейшей необходимостью. Я ожидаю соответствующий эпизод в ближайшие дни. К тому же я больше не могу идти на уступки, касающиеся отдельных сцен, которые не одобряются некоторыми руководителями канала. Я имею в виду прежде всего странный эпизод в той же 45-й серии, когда Камилла рассказывает о своем мистическом кризе (???). Подобное «отклонение сюжета‟ совершенно не соответствует общему тону сериала и особенно характеру Камиллы. Буду честен до конца и скажу, что нахожу текст довольно слабым и несколько вычурный. Вы приучили нас к лучшему.

Пользуясь случаем, сообщаю, что мы начинаем повторную трансляцию сериала в ближайший понедельник в 12 часов 30 минут. Двадцатишестиминутный формат кажется нам наиболее удобным для сети вещания.

Не забывайте, что главное – сохранить дух команды».

Торжественным жестом Старик отправляет послание в корзину для мусора.

– Сегюре явно не понял, что такое искренние фразы. Если бы у него хватило мужества рискнуть на Четверть Часа Искренности, он бы обошелся двумя строчками: «Сага» движется по накатанным рельсам, поэтому ничего не меняйте. Если удастся, сделайте хуже. Я уже ничего не понимаю».

Как он осмелился написать: «Сколько раз я настаивал, чтобы МЫ наконец раскрыли, кто такой таинственный поклонник Марии»?

Разрываясь между нами и публикой, Сегюре скоро свернет себе шею, и я первый стану тому свидетелем. Кстати, «мистический криз», о котором он упоминает, ни о чем мне не говорит. Старик сдержанно ухмыляется.

– Сцена с пастырем? Я думал, что, как и вы, никто не обратит на нее внимания.

Мы перемещаемся к дивану, на котором Тристан мирно досматривает утренние сны. Жером берет верхнюю кассету из стопки. Он ежедневно добросовестно записывает каждую серию «Саги». Старик останавливает кассету в нужном месте.

– Я напомню вам, что случилось с Камиллой, иначе вы ничего не поймете. Бедная девочка не может найти смысла ни в своей жизни, ни в своей смерти. Она решает поговорить об этом с первым встречным пастырем.

– Почему с пастырем?

– А почему не с ним?

– Но ведь эта девчонка НЕ ВЕРИТ в Бога.

– Вот именно.

Появляется изображение. Камилла сидит в правом углу, пастырь – напротив нее, возле старой каменной стены. Актеру, который играет пастыря, лет пятьдесят, он кажется необычайно серьезным и внушает доверие.

– Вы давно думаете о самоубийстве?

– Не знаю… Да… давно…

– Вы были у врача? У вас все в порядке со здоровьем?

– Да.

Зловещее молчание. Пастырь подносит скрещенные руки к лицу, но не для того, чтобы помолиться, а чтобы собраться с духом и заговорить.

– Четыре года назад умерла моя жена. Я очень любил ее. Мне казалось, что жизнь моя кончена. Смерть меня не пугала. Ничто не удерживало меня в этом мире. И все же я жил. Не ради себя, а ради людей. В молодости у меня были большие мечты и амбиции. Я ничего не знал о зле. Когда я принял сан, то был наивным как ребенок. Потом все пошло очень быстро. Шла война в Испании, и меня назначили в Лисабоне капелланом на военный корабль. Я перестал что-либо видеть. Что-либо понимать. Отказывался воспринимать действительность. Мой Бог и я жили в замкнутом мире. Видите, как пастырь я ничего не стою.

Мы с Жеромом ограничиваемся взглядами. Старик слушает как-то отстраненно, словно знает диалог наизусть. Удастся ли ему когда-нибудь избавиться от тоски по своей жене?

– … Я глупо верил в какого-то доброго Бога. Бога-отца, который любит всех пас и, прежде всего, меня. Вы понимаете, как я ужасно ошибался? Я был таким эгоистом, таким трусом… Я просто не мог быть хорошим пастырем. Вы можете представить мои молитвы и моего такого удобного и отзывчивого Бога ? Когда же я рассказывал Ему о том, что творится вокруг, он становился отвратительным. Богом-пауком, чудовищем. Поэтому я ограждал Его от прихожан. Держал подальше от жизни. Только жена могла видеть моего Бога…

Кадр не меняется. Тип выдает свой монолог, оставаясь в том же плане.

– Она поддерживала меня, вселяла уверенность, заполняла пустоту…

Молчание.

Неожиданно Камилла, смущенная, встает.

– Мне нужно идти.

– Нет! Я должен объяснить вам, почему так много говорю о себе! Должен объяснить, какой я жалкий тип! Нищий духом!

– Я ухожу, иначе моя семья начнет беспокоиться.

– Еще минутку!

Лицо Камиллы крупным планом. Она в нерешительности, не знает, что делать: уйти или остаться. Она не может остаться, но и не в состоянии уйти.

– Мы должны поговорить спокойно. Я выражаюсь недостаточно ясно. Но все происходит в моей голове. Далее если Бога не существует, это не имеет значения. Потому что у жизни есть смысл. А смерть – это всего лишь отделение души от тела. Жестокость людей, их одиночество, их страхи – все это объяснимо! Очевидно! В страдании нет смысла! Творца не существует! Спасителя нет! Нет идеи, ничего нет!

Молчание.

Лицо Камиллы становится таким же серьезным, как и лицо ее собеседника. Словно он подтвердил все, о чем она думала и сама. Она уходит. Камера крупным планом показывает лицо оставшегося в одиночестве пастыря.

– Господи… Почему Ты покинул меня?

Следующий эпизод переносит нас в гостиную Френелей, где Брюно мило болтает с Милдред, обгладывая куриную ножку. Старик останавливает кассету

– Неплохо, – говорит Жером, как и я, сбитый с толку. – Это совершенно не то, что мне нравится, однако довольно мило.

– Похоже на Хичкока, – добавляю я. – Есть драматизм, тревожное ожидание. Невольно задаешься вопросом: сможет ли пастырь за три минуты доказать, что Бог существует. И вдруг поворот на сто восемьдесят градусов – сам пастырь предстает в образе бунтаря.

– Я понимаю неудовольствие Сегюре, – вступает в разговор Матильда, – но какого дьявола он считает, что текст…

– «Слабый и немного вычурный»? – ухмыляется Старик. – Когда – я думаю, что это диалог между Гуннаром Бьёрнстрандом и Максом фон Сюдовым из «Причастия» Ингмара Бергмана… Надо же, «слабый и вычурный»!

– Только не говори, что списал диалог!

– Списал. Не мог отказать себе в маленьком удовольствии.

– Вы не видели этот фильм? Пожалуй, он самый странный из всех, что я знаю. Мы прокручивали его с Маэстро по нескольку раз подряд, когда во время работы нас тоже охватывали сомнения. Вы только представьте подобное саморазоблачение: пастырь, один в церкви, пытается отречься от своей веры. Вроде бы, ничего существенного, но в действительности это то, что я называю сценарной необходимостью. В фильме расстроенный Макс фон Сюдов приходит к Бьёрнстранду. И знаете зачем? Он прочитал статью, где говорится, что китайцы приобрели Бомбу. А это народ, которому нечего терять.

– И что потом?

– После беседы с пастырем Макс фон Сюдов идет на берег реки и пускает себе пулю в лоб.

– Это можно понять.

– Ингрид Тулин безумно влюблена в пастыря, но он презирает ее, потому что у нее на руках экзема. Когда она молится, он с трудом сдерживает позывы к рвоте.

– И чем все кончается?

– Он служит мессу в пустой церкви. Молчание.

Недоуменное молчание.

– Что на тебя нашло, Луи?

– Вам не кажется заманчивым запустить Бергмана в восемь утра тысячам еще не совсем проснувшихся зрителей. Разве у них нет права посмотреть Бергмана? Обычно такие фильмы крутят после полуночи, когда большинство людей спит сном праведника.

– Больше всего тебе показалось заманчивым поиздеваться над Сегюре и руководителями канала.

Вместо ответа Луи кривится, как старая провинившаяся обезьяна.

– А если кто-нибудь заметит это? Какой-нибудь чокнутый киноман?

– Он воспримет это как дань уважения Бергману. В конце концов, во всем виноват Сегюре и его шефы. Не нужно было позволять нам делать все, что угодно.

Впервые у меня появляется странное ощущение, что я занимаюсь опасной профессией. Похожей на терроризм. Действительно, чем мы отличаемся от типов, считающих себя вправе швырять бомбы в невинных людей?

Вчера я поймал себя на том, что думаю о ней в прошедшем времени.

Я сказал себе: «Шарлотта терпеть не могла драмы…»

Действительно, она ненавидела драмы. Обычно девушки считают, что нет ничего надежнее ссоры, чтобы убедиться в том, что тебя любят. Шарлотта, наоборот, переставала уважать человека, если он в ее присутствии повышал голос. Я никогда не видел ее плачущей. Даже в тот день, когда она почистила два килограмма лука, чтобы приготовить провансальскую пиццу. Уверен, ее просто не научили плакать, когда она была маленькой. Не представляю, где она сейчас находится. Может, мы расстались уже навсегда? Или она иногда смотрит «Сагу», чтобы иметь хоть какие-то новости обо мне?

С тех пор как утром стали повторно показывать «Сагу», в моей бесцветной жизни многое изменилось. Словно телевидение решило продемонстрировать мне свое могущество. Мама часто звонит мне с работы, и я слышу, как коллеги засыпают ее вопросами, на которые я не способен ответить: «Прикончит ли Брюно Существо, чтобы вновь завладеть Милдред?», «Что было в завещании Сержа Френеля и почему он исчез?», «Куда следует обратиться, чтобы сдать липозу для оказания помощи странам третьего мира?»

Нам пришлось поменять бистро, хозяин которого знал, что мы – сценаристы «Саги», и поэтому обед обычно заканчивался настоящим допросом. Мои соседи по площадке – парочка моего возраста – постоянно бросают в мой почтовый ящик записки. «Это гениально – „язык влюбленных", мы решили перейти на него! В то же время мы не в восторге от иллюзиониста, его намерения слишком очевидны, что порочит его как мага! Целуем».

Словно случайно, люди, которых я давно не видал, стали напоминать о себе. Шеф нашего канала захотел пригласить нас на обед, но у Старика хватило нахальства заявить, что мы завалены работой. Никто не осмелился возразить.

Скоро уже девять вечера. Матильда и Луи ушли домой, Тристан отправился к своему приятелю-монтажеру, а Жером уговорил меня остаться, чтобы посмотреть «Рокки-1». С пивом и сэндвичами, как в дежурном отделении полиции. Мы никого не ждем, как вдруг замечаем, что по полутемному коридору бродит какая-то маленькая женщина. Она прижимается лбом к стеклянной двери и замечает нас.

Ее лицо кажется мне знакомым. Жером считает, что у нее назначена поздняя встреча с Линой, и машет ей рукой в направлении «Примы». Однако она открывает дверь в нашу комнату.

– Месье… Луи Станик?

– Он ушел. Вам что-нибудь нужно?

– Я ищу группу сценаристов сериала «Сага». Конечно, я должна была договориться о встрече заранее, но мне сказали, что здесь всегда можно кого-нибудь застать.

– Мой друг Марко и я работаем сегодня в ночную смену. Только никому не говорите, что мы смотрим телевизор в рабочее время. Как вас зовут?

– Элизабет Реа.

– …?

– Вы лучше знаете меня как Марию Френель.

Мадам Пластырь! Мадам Пластырь собственной персоной! Один метр шестьдесят пять сантиметров ростом, карие глаза, сногсшибательная улыбка. Это она! У нас!

– Простите. Мы не привыкли видеть актеров не на телеэкране.

Я пододвигаю ей стул. Она садится и с любопытством оглядывается. Мы предлагаем ей чашечку кофе. Ну кто бы смог узнать ее в этих джинсах, свисающем до колен свитере, с распущенными волосами, падающими на плечи. В жизни она выглядит лет на десять моложе, чем мать семейства, которую играет в сериале.

– И кто же из вас меня создал?

Кто, кроме сценариста, может ответить «я» на столь приятный вопрос?

– Все действующие лица «Саги» появились на свет в результате нашей совместной работы и не принадлежат ни одному из авторов.

Молчание.

Какой-то странный визит.

– Для нас, актеров, вы – настоящая загадка. Я часто спрашивала у Сегюре, можно ли встретиться с вами, но он всегда отвечал, что вы очень малообщительные люди, прячущиеся в башне из слоновой кости.

– Технократия в действии, – объясняет Жером. – Разделяй и властвуй. Сегюре уверен, что если будет возводить преграды между людьми, то сможет управлять ими.

Я, наверное, ответил бы точно так же, но нельзя не признать, что ни у одного из нас четверых ни разу не появилось желание поприсутствовать на съемках. Словно это было уже не нашим делом.

– По правде говоря, мы все немного теряемся, когда приходит очередная часть сценария. Никогда не угадаешь, куда вас занесет воображение. Одни шутят, а у других поджилки трясутся от страха. Признаюсь, я иногда играю сцену, не понимая, что вы хотели в ней сказать. Надеюсь, вы не чувствуете себя слишком обманутыми.

У кого из нас двоих повернется язык, чтобы признаться, что в последнее время мы смотрим сериал разве что для того, чтобы освежить в памяти тот или иной момент. Сегодня утром, к примеру, мне пришлось быстро прокрутить последнюю серию, чтобы вспомнить, какого цвета волосы у Брюно. Это было связано с игрой слов, которую я обязательно хотел вставить в сценарий. Брюно, Милдред, Вальтер и другие персонажи существуют только в нашем воображении и на наших жестких дисках. Луи следит, чтобы всякие неурядицы не мешали игре нашего воображения и свободе творчества. Все, что происходит со сценарием после того, как он покидает нашу комнату, нас совершенно не интересует. Только такой ценой мы еще можем получить некоторое удовольствие от написания двенадцати последних, предусмотренных контрактом серий.

– Если бы вы знали, какие драмы иногда разыгрываются на площадке. Как-то мы играли с Александром…

– С кем?

– Это актер, играющий Вальтера. Сцена, где я падаю в его объятия! Позволю себе заметить, что удовольствие было ниже среднего. Попробуйте понять, почему ему потребовалось столько времени, чтобы сказать: «Мария, в ваших глазах есть что-то порочное, что сводит меня с ума»! И попробуйте убедить себя, что мужчина, от которого несет жасмином, на самом деле пахнет ванилью, чем вызывает у вас эротические фантазии…

И точно! У нее в глазах действительно есть что-то порочное! Именно поэтому Вальтеру было так трудно сказать ей об этом.

– Или возьмите Жессику, девочку, которая играет Камиллу. Вы ее так напугали манией самоубийства, что она действительно свихнулась и с каждым днем сходит с ума все больше.

Я прошу ее рассказать подробнее.

– Камилла постоянно на грани того, чтобы пустить себе пулю в лоб, и Жессика чувствует, что рано или поздно она исполнит свою угрозу. Поставьте себя на ее место. Разве это не ужасно – быть на грани самоубийства в течение нескольких месяцев?

– Успокойте ее, она останется в живых и даже превратится в национальную героиню.

Элизабет так улыбается, что сразу хочется в нее влюбиться. Я бы дорого дал, чтобы увидеть, какие у нее ноги, но ее джинсы не оставляют на это никакой надежды. Я даю себе слово, что специально напишу для нее жаркую сцену, где она будет танцевать обнаженной при дневном свете. Раз это единственная возможность увидеть ее ноги. А пока она не говорит, зачем пришла. Похоже, хочет сохранить мотивы своего визита в тайне. Краем глаза я вижу, что на экране пошли заглавные титры «Рокки», но без звука. На сэндвичах застывает майонез.

– Так или иначе, но я хочу поблагодарить вас за то, что вы создали Марию. Если бы я с ней не встретилась, в моей судьбе все осталось бы по-прежнему. Это была удивительная встреча.

Здесь что-то не так. Вряд ли она явилась сюда для того, чтобы выразить нам свою благодарность. Да и говорит она о своей роли, словно о подруге, которую только что похоронила.

– Может, устроить вам с Вальтером небольшое свадебное путешествие? – предлагает Жером. – Вы вдвоем, без детей, на одну-две серии?

Она чувствует, что Жером искренен и расплывается в улыбке, но ее мысли где-то далеко.

– Я пришла попросить вас, чтобы вы убрали Марию. – Не обязательно убивать ее. Это было бы слишком. Просто сделайте так, чтобы она… исчезла.

Чувствуется, что она тщательно выбирала эти словечки – «убрать», «исчезла».

Жером повторяет их раз десять на разные лады, пытаясь понять, что за ними скрывается.

Неловким жестом она открывает сумочку, достает из нее рукопись и протягивает ее нам с таким видом, словно это Ветхий Завет. Рукопись называется «Лучшее в ней» и принадлежит какому-то Гансу Кёнигу. Кажется, нас ожидают крупные неприятности.

– Это первый фильм молодого немецкого режиссера. Он видел одну из серий «Саги» и хочет дать мне главную роль. Прочтите, и вы поймете. Нужно быть сумасшедшей, чтобы согласиться, но я буду выглядеть еще более сумасшедшей, если откажусь.

– «Сага» скоро закончится, вы освободитесь через два месяца. Ваш маленький Орсон Уэллс вполне может подождать.

– В Дюссельдорфе уже начались съемки. Пока он снимает все сцены без главной героини, но если я немедленно не дам согласия, он отдаст эту роль другой актрисе.

Для нее – это сказка, а для нас – кошмар. Ликвидировать Марию – все равно что вырвать единственный оставшийся во рту здоровый зуб. Я спрашиваю, что об этом думает Ссгюре.

– Он ни о чем не знает. Сегюре – сволочь, а его канал финансирует этот фильм Ганса. Ему достаточно поднять трубку, чтобы помешать мне получить эту роль.

И в довершение всего она внезапно разражается слезами. Настоящими слезами. Я беру салфетки, в которые были завернуты сэндвичи, и протягиваю ей.

– Не поддавайся на эти штучки, Марко! Черт возьми, это же комедиантка! Ее профессия – рыдать по команде! Мадам Пластырь слишком хитра и хочет не запятнавшись выйти из сериала, поскольку вообразила себя Марлен Дитрих! Все они готовы перешагнуть через твой труп, лишь бы приобрести известность.

Не знаю, кто прав. Тристан, самый незаметный человек в мире, входит в комнату и ковыляет к своему дивану, не обращая ни на кого внимания. Через несколько секунд он выпрямляется и кричит, вытаращив глаза:

– Мадам Пластырь?

Рыдания нашей гостьи достигают апогея. Раздраженный таким шумом, я снимаю трубку и набираю номер.

– Алло? Да, я знаю, что сейчас поздно, но у нас срочное дело.

Через час наш штаб в полном сборе. Матильда и Луи очень быстро сообразили, в чем дело. Странно, но они даже не пытаются возражать против отъезда Элизабет Реа в Германию. Матильда находит это безумно романтичным, а Луи признается, что на ее месте, не задумываясь, тоже бросил бы сериал ради фильма. Жером, раздраженный таким проявлением сочувствия, надувшись сидит в своем углу. Реа в ожидании приговора скорчилась на стуле с чашкой кофе в руке и наброшенным на плечи пледом. Вряд ли бы она выглядела более убедительно, если бы я попросил ее сыграть жертву кораблекрушения. Поскольку все пришли к согласию, Жером просит, чтобы ему разрешили убрать Марию. Он собирается придумать садиста, который будет пытать ее с применением разных острых предметов, пока не наступит смерть. Эта идея не слишком нравится Старику, но Жером упорствует.

– А если она отравится газом, и в результате взорвется все здание? Или выбросится из окна? Или… ее переедет асфальтовый каток, как у Текса Эвери?

Элизабет Реа пожимает плечами и вытаскивает очередную салфетку из пакета, который я стащил из конторы «Примы».

– Кто-нибудь помнит сериал «Пейтон Плейс»? – спрашивает Старик.

«Пептон Плейс». Одно название действует на меня как услада. Старый черно-белый американский сериал с такими актерами, как Райан О'Нил и Миа Фэрроу, ставшими впоследствии знаменитостями. Как же там звали главную героиню?..

– Эллисон! – восклицает Тристан, ничего не упускающий из разговора. – Она исчезла в одной из серий, и никто так и не узнал почему.

Нет, узнать все же удалось, но гораздо позднее. На Эллисон держался весь сюжет, но все пошло кувырком, когда Миа Фэрроу встретила Фрэнка Синатру, игравшего на соседней площадке. Никого не предупредив, актриса собрала монатки и отправилась вслед за ним. Элизабет Реа далеко не первая.

– И как же выпутались сценаристы? – спрашивает Матильда.

Застигнутые врасплох, они придумали черт знает что. Эллисон исчезает ночью в лесу, все жители деревни отправляются на ее поиски и как-то утром находят какую-то молодую дикарку, потерявшую память и смутно похожую на Эллисон. Кто она? Откуда пришла? Известна ли ей тайна исчезновения Эллисон? Или она и есть Эллисон? Весь мир задавался этими вопросами, но так как сценаристы не смогли дать внятных ответов, сериал постепенно истощился.

– Нужно учиться на ошибках наших предшественников, – говорит Старик. – Мы не будем убивать Марию, но ее исчезновение не должно внести сумбур в повествование. Завтра я отправлюсь к Сегюре и объясню, что сериал только выиграет, если Мария внезапно исчезнет. Что там собираются снимать завтра, Элизабет?

– Сцену, когда Милдред сообщает Марии, что у нее будет ребенок от Существа.

– Когда вы хотите уехать?

– У меня самолет в субботу, утром.

– Суббота, утро! – вопит Жером. – У нас остается всего сорок восемь часов! Эта красотка свихнулась!

Луи считает, что сорока восьми часов вполне достаточно. Если написать эпизод сегодня ночью, то его вполне можно отснять завтра. Сегюре не раз заставлял нас все менять в последнюю минуту. У Элизабет должно сложиться совсем иное представление о команде сценаристов «Саги». Луи ожидает от нас предложений.

– Она отправляется в Африку с грузом липозы.

– Встречает Бога вместо Камиллы, которая никак не может его найти, и уходит в монастырь.

– Или отправляется на поиски своего якобы покойного мужа, который, может быть, жив.

Матильда предлагает самый простой и самый действенный вариант: Мария уезжает с любимым мужчиной, вот и все. Но им не может быть ни Фред, ни Вальтер, ни любое другое действующее лицо, необходимое для продолжения сериала.

– А если это самый подходящий момент, чтобы ввести на сцену тайного поклонника Марии? – спрашивает Жером.

– Потрясающе! – восклицает Старик. – Это должно понравиться Сегюре, который уже несколько недель донимает нас. В конце концов, мне тоже интересно, кто этот тип. Чья это была идея?

Матильда поднимает руку, словно провинившаяся школьница.

– Значит, вы единственный человек, знающий, кто скрывается под маской тайного поклонника?

– Беда в том, что у меня нет ни малейшего представления об этом.

– Что-что?

Я так и думал! Тайный поклонник – это абстракция, нечто среднее между арлезианкой и снежным человеком.

– Вы все такие странные… Вначале у меня были кое-какие соображения, но потом все серьезно запуталось. Вы постоянно твердили: «Оставьте этого тайного поклонника, мы разберемся с ним позже», «Это связано с тайным поклонником, мы не будем сейчас раскрывать его личность», «Еще придет время вывести на сцену тайного поклонника». В итоге он превратился в привычного персонажа, в «постоянный фон», как говорил Сартр.

– А чем он занимается, черт возьми! Никто не думал о том, чем он занимается? – восклицает Луи.

– Матильда права. Мы все пользовались им, когда возникала необходимость, – говорит Жером. – Он был идеален, пока являлся абстрактным персонажем.

– Мне кажется…

– Я сама должна найти выход из этой ситуации, – говорит Матильда. – Просижу здесь всю ночь, но завтра утром и Сегюре, и вся Франция узнают, что Мария наконец нашла свое счастье. Элизабет сможет спокойно уехать.

Мы все аплодируем ей.

Первые утренние лучи проникают через окно. Я распахиваю его и порыв свежего воздуха врывается в комнату. Жером спит, его брат беспрерывно переключает каналы. Элизабет и Старик прошептались всю ночь, чтобы не мешать Матильде, которая все еще набирает на клавиатуре, не замечая, что уже начинается новый день. Я готовлю всем кофе.

– Подумать только, что я ухожу из сериала в тот момент, когда вот-вот стану звездой, – вздыхает Реа.

– Что вы имеете в виду?

– Разве Сегюре не говорил вам? Они собираются показывать «Сагу» в самое смотрибельное время.

– В девятнадцать тридцать? Как раз перед новостями?

Луи ошеломлен. Видимо, этот подлец Сегюре здорово злится на нас, если никогда не сообщает о своих планах. Жером открывает глаза. Кажется, он узнает нас, хотя совершенно забыл, почему мы еще торчим здесь в такое время.

– Кто говорил о лучшем смотрибельном времени?

Матильда гасит свою сигариллу, делает глоток кофе и нажимает на клавишу, включающую принтер. Почти незаметный жест, который, однако, обрывает все разговоры. Я первый спрашиваю, кто же этот тип, из-за которого мы провели бессонную ночь.

Матильда томно потягивается, сияющая, как после ночи любви.

– Тайный поклонник?

Сцена 47. Гостиная Френелей. Павильон. Ночь

Мария Френель с грустным видом смотрит в окно. Затем кладет руку на телефон, колеблется, наконец снимает трубку и набирает номер.

Мария . Алло?

Голос за кадром (нейтрально). Служба психологической помощи слушает. Добрый вечер.

Мария . Я хочу поговорить с человеком, у которого такой теплый и в то же время сухой голос… как у влюбленного шпиона.

Голос за кадром . У нас у всех такие голоса. Но мне кажется, что вы говорите обо мне.

Мария . Вы помните меня?

Голос за кадром . Разве можно вас забыть? Вы – та женщина, которая звонит сюда на протяжении целого года и которая предпочитает разговаривать только со мной. Могу я спросить, почему со мной?

Мария . Даже не знаю… ваш голос – самое приятное, что мне нравится слушать, если не считать тишины.

Голос за кадром . Вам, наверное, мог бы подойти и диктор радио.

Мария . Больше всего мне нужен человек, которому я могу рассказать о своих проблемах.

Голос за кадром . Возможно, вам нужен психоаналитик.

Мария (слегка задетая). Я отнимаю у вас время? Вам, наверное, звонят и другие люди, находящиеся на грани жизни и смерти, нуждающиеся в срочной помощи, и теперь вы недоумеваете, с какой стати эта женщина, мать семейства, жалуется на свою судьбу.

Голос за кадром . В прошлый раз мы говорили о том, что вы страдаете из-за того, что вас слишком сильно любят.

Мария . Спасибо за прямоту, но я полагала, что ваша работа заключается в помощи тем, кто в ней нуждается.

Голос за кадром . Это не работа. Но скажите, что у вас не ладится?

Мария . Мне нужен спутник жизни.

Голос за кадром . И вы не можете его найти?

Мария . У меня четверо претендентов.

Голос за кадром . Вот видите, у меня хорошая память.

Мария . Не смейтесь. Все не так просто. Они очень сильно влюблены в меня, но я знаю, что если выберу одного, то остальные будут несчастны.

Голос за кадром . Дайте им мой номер телефона.

Мария . Сегодня вы способны только язвить. Наверное, нам лучше прекратить разговор…

Голос за кадром . Нет! Не вешайте трубку. Расскажите мне о них.

Мария . Один живет у меня. Это брат моего пропавшего чужа, он давно обосновался в моей квартире. Я знаю, что он влюбился в меня еще в тот день, когда я пришла познакомиться с их семьей. Он совершенно чокнутый и очень похож на брата – нежный и…

Голос за кадром . Это не ваш герой. Переходите к следующему.

Мария . Но что вы о нем знаете?

Голос за кадром . Не заставляйте меня говорить очевидные вещи, вы просто сочувствуете ему, не больше. Если бы вы знали, насколько он далек от вас! Стоит ему начать возиться с приборами, и он тут же о вас забывает. Стремление изменить мир для него важнее всего. Он никогда не предавался мечтам, глядя на ваши синие глаза.

Смущенная, Мария не знает, что сказать.

Голос за кадром . Расскажите мне о втором.

Мария . Я познакомилась с ним недавно, это мой сосед по площадке, он поселился в соседней квартире несколько месяцев назад. Американец, очень забавный, мои дети его обожают. Вдовец…

Голос за кадром . Здесь вас соблазняет легкость общения. Но вы никогда его не полюбите.

Мария . Но…

Голос за кадром . Это алкоголик. Без хорошей порции виски он не решился бы даже ухаживать за вами. Утром вы чувствуете себя симпатичной соседкой, не более, а вечером превращаетесь в практичную мамочку: достаточно снести перегородку – и у вас будет одна дружная семья.

Мария растеряна и не знает, что ответить.

Голос за кадром . Теперь расскажите о третьем!

Мария . Третий – это всего лишь воспоминание, но я знаю, что он жив, и если отправлюсь па его поиски, все может начаться снова.

Голос за кадром . Ваш муж? Вы все еще думаете об этом призраке?! В то время как где-то рядом живой человек с трепещущим сердцем и горячей кровью ждет от вас только знака! Черт побери, да расскажите же мне о четвертом!

Мария . Это… тайный поклонник… Он дарит мне цветы… Но я боюсь его… Я даже не знаю…

Голос за кадром (в бешенстве обрывает ее). Неужели вы до сих пор не поняли, как глубоко этот человек любит вас! Единственный, кто просто любит вас! Я начинаю думать, что вы его недостойны! Он сходит с ума с тех пор, как впервые услышал ваш голос! Готов на любые безумства, о которых вы и понятия не имеете! Мечтает вырвать вас из жалкого мирка домохозяйки и увезти как можно дальше отсюда! К счастью, он терпелив и хорошо разбирается в ваших переживаниях. И так давно ждет, когда вы наконец осознаете, что он действительно существует!

Потрясенная Мария теряет дар речи.

Голос за кадром . А если бы он предложил вам уехать, уехать немедленно, сегодня вечером, бросить все ради него!

Мария . Не знаю…

Голос за кадром . Что бы вы ответили? Ну, скорее!

Мария . Я бы ответила: «Да».

Мы поздравляем друг друга. Старик говорит, что должен сходить домой и принять душ, прежде чем отправляться на схватку с Сегюре. Он договаривается с Элизабет о встрече на съемочной площадке и советует ей разыграть полнейшую невинность, когда Сегюре, терзаемый угрызениями совести, сообщит ей о том, что она уволена. Матильда, безумно усталая, говорит, что хочет пойти домой пешком. И одна. Старик предлагает подвезти меня до дома. Жером протягивает руку Элизабет в знак примирения, и она просит больше никогда не называть ее «Мадам Пластырь». Жером обещает. Она целует его на прощание.

По дороге домой мы с Луи молчим, глядя на разбивающиеся о лобовое стекло капли дождя. Потом он говорит:

– Мы с Маэстро всегда мечтали написать историю, в которой нет никаких драм. Не немой фильм, а историю без слов. Только рассказы о счастье. Действие должно происходить в мире, достигшем вершины развития, где никто никому не приносит страданий. Приключения безмятежных людей.

Я сажусь в автобус, которым обычно езжу на работу. Через несколько остановок какая-то женщина выходит, и никто не претендует на освободившееся место. Я занимаю его и оказываюсь рядом с небольшой компанией, не обращающей на меня никакого внимания.

– Ну и наломала же Милдред вчера дров!

– Ты имеешь в виду ее встречу с частным детективом?

– Черт побери! Парень говорит, что знает прошлое Существа, а она выставляет его вон! Мало того, уничтожает все свидетельства и даже не хочет узнать, кто этот дикарь, от которого она ждет ребенка!

– А ведь такая умная девушка…

– Скажу вам, эта история с террористом и Камиллой плохо кончится.

– Я тоже давно твержу об этом. А Рене не верит.

– Знаете, что хуже всего? Моя дочурка Селина, которой нет еще и двенадцати, решила поступать на философский. Она влюблена в Камиллу и хочет во всем ей подражать.

– А моя жена, как только увидит Вальтера, сразу начинает вздыхать.

– Это чтобы тебя подразнить, Жан-Пьер.

– Имей в виду, я бы на твоем месте поостерегся. С тех пор как Мария уехала, ему необходима подружка.

– Она бы не смогла жить с человеком, который постоянно поддает.

Вот и моя остановка. У выхода – две подружки-школьницы.

– Так ты обо всем догадалась, Эвелин?

– Еще бы, похудев, она похорошела и влюбилась в Фреда.

«Сагу» так и не стали показывать перед вечерними новостями, как обещали. По решению какого-то высокого начальства сериал идет теперь по четвергам в двадцать часов сорок минут. В самое лучшее смотрибельное время, как они говорят. Двенадцать последних серий будут показывать по одной в неделю. При таком ритме последняя серия выйдет двадцать первого июня. Мы все с нетерпением ждем наступления лета.

В газетном киоске покупаю «Ле Нувель Экономист». Он понадобится мне для работы над диалогом между Фредом и миллиардером из Гонконга. Нужно выискать подходящие термины, так как я ничего не смыслю в мире финансов. Я должен обратить на это больше внимания, так как уверен, что мой банкир городит всякую чушь о дурацкой игре на бирже. Он просто одержим ею. Может, я тоже стану богатым. Не знаю.

– Мсье Марко, я поспорил с приятелями, что бывшая жена Вальтера появится на свадьбе Джонаса. Скажите, я прав? Ну хоть намекните…

С тех пор как этот парень из газетного киоска увидел в каком-то журнале мою фотографию, он стал для меня идеальным пресс-атташе. Я отвечаю, что он может удвоить ставку. Совершенно счастливый, он разворачивает передо мной «Теленеделю», показывая пальцем на рекламный вкладыш в форме звезды: «Тест. Вы Каллахэн или Френель?». Кроме того, разыгрываются билеты для желающих поприсутствовать на съемках. Жессика – малышка, играющая Камиллу – позирует на обложке журнала «VSD». Под фотографией, на которой она снята в бикини, подпись: «Камилла вновь пробудила во мне вкус к жизни». Жессику трудно узнать. Я даже не подозревал, что у нее такая грудь. Киоскер спрашивает, какова она в обычной жизни, и я честно отвечаю, что никогда ее не видел.

Сверху доносится пронзительный крик… Поднимаю голову. Матильда, свесившись из окна нашей конторы, энергично жестикулирует. Она хочет, чтобы я купил для нее все дурацкие журналы с фотографиями задниц звезд и пышных свадеб. Несмотря на все мое уважение к Матильде, не могу понять, что привлекательного она находит в сплетнях о сливках общества, когда они уже давно никого не волнуют. «Это мой тайный сад! Это мой тайный сад!» Она упрямо твердит эти слова, когда мы с Жеромом пытаемся расколоть ее. Этот тайный сад представляется мне порядком запущенным, полным диких цветов и неискоренимых сорняков. Хотя, вполне возможно, что она черпает там вдохновение для работы над «Сагой». Даже не поздоровавшись со мной, Матильда набрасывается на журналы и достает большую общую тетрадь, куда она вклеивает вырезанные фотографии и статьи. И этой женщине скоро исполнится сорок лет!

Жером потягивает кофе, просматривая сегодняшнюю почту. Когда он натыкается на забавное или оригинальное письмо, то зачитывает его вслух. Сегюре еще не появлялся. У него вошло в привычку приходить к нам утром по пятницам, чтобы сообщить о результатах последнего рейтинга и о новых указаниях, касающихся «Саги». Это не человек, а неиссякаемый гейзер директив. Он говорит о целях и смысле сериала, о рейтинге и даже о рыночных долях, что мне нужно объяснять на пальцах, так как я в этом слабо разбираюсь. Испытывая и волнение, и гордость, он объяснил мне, что «Сага» по рейтингу обошла фильм, показанный в воскресенье вечером. На следующей неделе она дала фору чемпионату Европы по футболу. Сегюре уже продал сериал всей Европе, а теперь и американцы заинтересовались приобретением прав на создание своей версии «Саги». Они собираются сделать все наоборот: типичная французская семья Френелей поселяется рядом с квартирой Каллахэнов. Съемки будут проходить в Лос-Анджелесе, и упоминание об этом городе заставляет меня и Жерома размечтаться. Лос-Анджелес… Мы представляем «Сагу» под американским соусом: солнце, небоскребы, кинозвезды, грохочущая музыка, блондинка с силиконовой грудью, играющая Камиллу, взрывы, трюки каскадеров и так далее! Даже то, что рассказывает Сегюре, уже достаточно впечатляюще, но я все же не в состоянии оценить истинный успех сериала. И поэтому пытаюсь представить девятнадцать миллионов зрителей, которые не в силах оторваться от происходящего на экране. Я пытаюсь представить их всех, тесно прижавшихся друг к другу в бесконечном пространстве, с взглядами, устремленными в звездное небо, где каждый персонаж достигает размеров Большой Медведицы, а каждая серия транслируется далеко за пределы Млечного Пути. Но это видение быстро улетучивается, как только Сегюре замолкает. Он стал влиятельным лицом на канале, не говоря о бабках, которые теперь загребает. Он – чудо-продюсер французского телевидения, киногений, объединивший «животрепещущие темы и ультрамодерн, усложненность задач и молниеносность исполнения». Он дает интервью так же часто, как и актеры сериала; какой-то «негр» пишет за него книгу («Сага» или «Кино на пороге нового тысячелетия»), его приглашают на семинары в разные страны, где просят раскрыть тысячам профессионалов секреты постановки сериалов. Сегюре – король везде, где ни появляется.

Везде.

Только не на тридцати пяти квадратных метрах нашей комнаты, где нам хватает нескольких минут, чтобы у него появилось непреодолимое желание побыстрее смыться. Впрочем, Сегюре каждый раз держит удар. Он забивает нам голову своими теориями и чем больше старается выглядеть убедительным, тем больше его речь наполняется пафосом. Он считает себя Христофором Колумбом, покоряющим новый мир, хотя в действительности он всего лишь бравый маленький юнга, драющий палубу «Титаника». Сейчас девять утра и минут через десять нас ждет новая встреча с ним.

– Да, Матильда, я видел в витрине книжного магазина одну из ваших книг. Знаете, что на обложке под вашей фотографией стоит надпись: «Принадлежит перу автора „Саги"?

– Он переиздал, не предупредив меня, двенадцать книг из серии об Эксель Синклер.

Этот мерзавец Виктор, ее бывший издатель, конечно же не упустил возможности сделать подобную рекламу. После успеха «Саги» господин вспомнил, что Матильда когда-то отдала ему свою душу.

– Он приглашает меня пообедать, но я еще не готова.

– Не готова к чему? К тому, чтобы этот негодяй в энный раз надул вас? Вы что, совсем ослепли?

Похоже, я поспешил с выводом, так как Жером и Матильда обмениваются заговорщическими взглядами. Все ясно, Господин Мститель уже выступил консультантом по этому делу.

– Успокойтесь, Марко, любовь действительно сделала меня слепой, но не полной дурой. В любом случае, это переиздание предоставит новый шанс Эксель Синклер.

– А какая она, Эксель Синклер?

– Сложная натура, из тех, кто стремится ничем не омрачить свое счастье.

– А вот и он! – восклицает Жером и прячется за монитором при виде Сегюре.

Пора по местам, сейчас начнется перекличка. Сегюре входит с сосредоточенным видом, снимает пальто и ставит на край стола бутылку с минеральной водой. Жером уже приготовился к спектаклю. Сегюре косо поглядывает в сторону Тристана, спящего сном праведника. Он не осмеливается ничего сказать, но мы чувствуем, что за все эти месяцы он так и не привык к привидению, сутками валяющемуся перед телевизором на диване. Сегюре приветствует нас, чтобы наконец нарушить молчание.

– Хотите знать вчерашние результаты?

Если соблюдать ритуал, то мы должны ответить утвердительно.

– 67 процентов – акции и 38 – аудитория. Во время президентских выборов последний опрос перед вторым туром показал только 31 процент. Речь не о том, чтобы мы с вами поняли этот феномен. Руководство канала решило создать что-то вроде следственной комиссии, – главным образом из социологов, – чтобы найти ответ. Если даже мы его не получим, в сериале больше, чем когда-либо, должна сохраняться логичность. Я знаю, что та свобода, которой вы сумели воспользоваться, когда писали сериал, сыграла большую роль в его сегодняшнем успехе. Я даже признаю, что, несмотря на наши расхождения, вы были правы, сохраняя верность поставленным целям. Все руководство канала и я, в том числе, благодарим вас за это. Не скажу ничего нового, если напомню, что осталось двенадцать серий в девяностоминутном формате, которые должны быть показаны до начала летних отпусков. Небольшая комедия положений, созданная из того, что было под рукой, и запущенная в октябре месяце, больше не существует. «Сага» – не просто самая дорогостоящая из всех французских постановок, – сейчас я руковожу командой из восьмидесяти пяти человек и имею почти неограниченный бюджет, – но и, прежде всего, дело государственной важности.

– Государственной важности, вы совершенно правы, – прерывает его Старик. – Кажется, в палате депутатов кто-то сказал с трибуны: «Ваш законопроект не выдержал бы Четверти Часа Искренности».

– И теперь весь народ забавляется, – говорит Жером. – «Канар аншене» пишет, что на профсоюзных сборищах особым шиком считается вставлять в выступление искренние фразы. Наступает конец эре дубового языка.

– Это дело государственной важности, – продолжает Сегюре, который, как и все крупные шишки, не любит, когда его перебивают. – И это обязывает нас добиваться продукции, ориентированной на согласие и сотрудничество, продукции, которая объединяет. Вот именно, объ-еди-ня-ет! Один из аспектов вашей задачи, который вы с каким-то злорадством оставляете в стороне.

Вот уж чего мы никогда не делали!

Старик с удрученным видом подносит руку ко лбу и закрывает глаза. Матильда, чувствующая себя намного непринужденнее, читает украдкой статью о венецианском дворце, который приобрела какая-то принцесса, обожающая загорать в одних трусиках. Объ-еди-нять?.. Мы с Жеромом обмениваемся коротким телепатическим диалогом.

– Слушай, парень, что это значит: объ-еди-нять?

– Это значит, что истории, которые мы придумываем, должны нравиться всем.

– Такое возможно?

– Это как в лагерях. Военнопленных во время войны заставляли жрать всякое дерьмо. И начальник лагеря говорил: «Не давайте им ничего другого, они и так все съедят до крошки».

– И не смейте мне возражать! До сих пор вы думали о своем удовольствии. А о домохозяйке из Вара вы подумали? Домохозяйке из Вара, которая должна кормить семью и бороться с кризисом и которая позволяет себе лишь минутную передышку, чтобы посмотреть сериал. Скажите мне, какое ей дело до переживаний пастыря, который больше не верит в Бога? И до Эдипова комплекса Камиллы? Разве ей это о чем-то говорит? Или возьмите рабочего из Рубе, который в один прекрасный день поцеловал закрытые ворота своего завода. Телевизор для него – единственная отдушина, единственное, что его поддерживает. Вместо того чтобы смотреть шоу, он оказывает нам доверие и выбирает «Сагу», и что же ему предлагают? Антителевизионную тираду, не оставляющую никаких сомнений: этот ящик следует выбросить в окошко! Демагогические речи и к тому же устаревшие. А рыбак из Кемпера… О, я едва осмеливаюсь упомянуть о нем. Его вы с самого начала занесли в черный список. Чего он только не пережил: вначале призывы к анархии, потом к разгулу. Все это ведет нас прямиком к пышным похоронам Морали. Вот что я хотел сказать. Указания руководства каналом ясны: отныне, еще до съемок, каждый кусок сценария будет просматриваться и одобряться комиссией. Знаю, что подобная формулировка слишком резка, и я попытаюсь смягчить ее, но попрошу и вас, со своей стороны, подумать немного о других.

Он выпивает залпом полбутылки воды. Явно один из приемов дипломированного администратора. Говорят, их учат разным хитроумным трюкам, чтобы держать в узде небольшие группы людей; даже незначительный жест имеет определенный смысл.

Он ждет несколько секунд, скрестив на груди руки и меряя нас взглядом.

Никто не реагирует. Мы сражены. Похоже, Сегюре удивлен.

Все молчат.

Тристан поворачивается во сне на другой бок, устраиваясь поудобнее. Все молчат.

– … Что вы на это скажете?

Все молчат.

– Луи?

– С самого начала нашей работы вы почему-то убеждены, что я своего рода лидер, а все остальные, подавленные моим авторитетом, не пытаются высказывать свое мнение. Чтобы доказать, насколько вы ошибаетесь, я предлагаю вам следующее. Каждый из нас возьмет лист бумаги и напишет все, что думает – немедленно, ничего ни с кем не обсуждая, чтобы это не повлияло на его решение.

Сегюре, понемногу утрачивая свою спесь, усаживается на стул.

Менее чем через три минуты записки готовы. Сегюре читает их с ужасающей медлительностью.

«Господин Сегюре, у вас есть сорок восемь часов, чтобы найти десять лучших парижских сценаристов. Подпишите с ними потрясающе выгодный контракт и прикажите не опускаться ниже, не знаю какого, вашего драгоценного рейтинга. Буду сидеть перед телевизором по вечерам каждый четверг до двадцать первого июня».

«Не стоит резать курицу, несущую золотые яйца, парень. Выгонишь нас – и через две серии выгонят тебя».

«Будьте добры считать настоящую записку моей просьбой об увольнении».

«Я очень дружу с домохозяйкой из Вара, она обожает наш сериал. Неужели вам никогда не говорили, что коней на переправе не меняют? Даже дворник из Национальной школы администрации знает это».

Сегюре молча встает, полный достоинства. Надевает пальто. Бросает на нас последний взгляд перед уходом.

– Когда вы, четверо жалких писак, первый раз вошли в эту комнату, то были готовы лизать мне ботинки, лишь бы получить работу. Не забывайте, что это я дал вам последний шанс. Последний.

Во второй половине дня я предлагаю посмотреть еще раз записанную накануне серию. Просто так, из чистого любопытства. Все соглашаются, хотя еще не отошли от визита Сегюре. Ни у кого больше нет желания зубоскалить, как это обычно бывало, когда на экране появлялся очередной актер. Обстановка почти торжественная, словно ты наконец признался в подлинных чувствах тому, кого до сих пор не упускал случая задеть. Пожалуй, я впервые серьезно смотрю «Сагу». На протяжении девяноста минут у меня сохраняется ощущение, что все движется, жизнь героев идет своим чередом и конец неизбежен. Я наконец осознаю, что у Вальтера действительно рак; мне нужно было увидеть эти сцены, чтобы получить доказательство: идея сработала. Актер перестал делать акцент на своем увлечении рок-н-роллом и стал играть человека, боящегося узнать результаты анализов. Доктор не решается выложить ему правду, а Вальтеру нужна искренняя фраза, одна-единственная. Мне нравится, как он ведет себя в этот момент. Узнав, что у него рак легких, он выходит на улицу, еле держась на ногах. Смотрит на прохожих. Настоящих. Режиссер позаботился о том, чтобы снять людей, идущих по улице и ни о чем не подозревающих. У одного мужчины Вальтер просит закурить. Он держит сигарету пальцами и смотрит на нее так, словно видит впервые. И он действительно держит ее впервые. Делает затяжку, кашляет, как мальчишка, затем со слабой улыбкой просит еще одну. Ему ничего не нужно говорить, на его лице можно прочесть: «Это вовсе не так уж плохо, не понимаю, почему я так долго без них обходился». Вернувшись домой, он встречает Фреда, который обещает ему найти радикальное средство от быстро прогрессирующего рака. Это будет его очередной крестовый поход.

В соседней комнате лежат, обнявшись, Милдред и Существо. В этой сцене практически тоже нет слов. Впрочем, Существо и знает-то не больше двух. Он по-прежнему обнажен, она – все такая же эффектная. Существо стягивает майку с ее плеча, приоткрывая обнаженную кожу, и утыкается в нее лицом. Милдред рассказывает стихотворение какой-то американской поэтессы, и он, разумеется, ничего не понимает. Он хватает стакан воды, но не пьет. Она

кладет руку на свой уже округлившийся живот. Мне кажется, что в своей жизни я не видел ничего более трогательного. В комнате даже воздух пропитан любовью, и я не знаю, как этого удалось достичь. Несомненно, здесь есть что-то и от глубокой тоски, и от надежды, что-то такое, что Матильда пронесла в себе и что режиссеру удалось востребовать от актеров. И теперь эта странная алхимия возвращается как бумеранг сюда, на экран. Старик останавливает кассету и спрашивает у Матильды, можно ли сделать так, чтобы ребенок родился до двадцать первого июня.

– У меня мало опыта в этой области, но почему бы и нет?

– Это доставило бы большое удовольствие Сегюре.

– Иногда я не понимаю, почему именно эта парочка вызывает такую симпатию, хотя я создала столько других… Одна студентка-психолог собирается посвятить ей диссертацию. Она задает мне идиотские вопросы о влиянии друг на друга человека разумного и дикаря, о потерянном рае, разрушительном действии времени, о человеческой природе и интеллектуальном сексе. Я отвечаю, что не стоит копать так глубоко, просто мне захотелось предложить современный вариант сказки о Красавице и Чудовище, только чтобы никто не понял, кто есть кто. Это ее ужасно огорчает. Я попыталась объяснить ей, что всю жизнь рассказываю одну и ту же историю о мужчине, который встречается с женщиной и в конце концов ложится с ней в постель, но вначале они причиняют друг другу страдания и преодолевают множество социальных барьеров и табу. Сочинив историю Милдред и Существа, я просто воспользовалась редкой возможностью послать к черту всю психологию. Честно говоря, их история – это рассказ о лихорадочной, всепожирающей и неугасимой страсти. Когда я состарюсь и оглянусь на прожитые годы, то скажу: да, всего один-единственный раз за свою жизнь я описала стопроцентную чистую любовь.

На экране снова сменяются кадры. Камилла выглядит все более привлекательной. Разумеется, здесь не обошлось без Сегюре. Теперь актриса, играющая Камиллу, позирует в модных журналах и делится советами по уходу за кожей. Она успокаивает журналистов: «Нет, Камилла не покончит с собой». Сейчас мы видим ее на экране вместе с Педро Менендесом «Белым», террористом-кафкианцем, в баре какого-то роскошного отеля. Воспользовавшись моментом, когда Педро отдает приказания по телефону, она поправляет микрофон, который Джонас прикрепил ей между грудей. Она якобы принимает Менендеса за крупного экспортера. Он считает ее высокооплачиваемой девицей по вызову. Они беспечно болтают, потягивая коктейль, когда Менендес неожиданно спрашивает, приходилось ли ей видеть мертвецов.

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Отвечайте.

– Нет, никогда не видела.

– Даже умершего дедушку, даже человека, погибшего в автокатастрофе?

– Нет.

– Жаль. Невозможно представить, что такое внутреннее спокойствие, если никогда не держал в руках мертвеца. Тем не менее, как вы знаете, я противник идеи смерти. Я считаю, что люди должны просто исчезать, испаряться, растворяться в природе.

– Пантеистское видение смерти?

Она настолько непроизвольно перебивает Менендеса, что тот не может прийти в себя от изумления. Камилла не знает, как исправить свою оплошность.

– Я забыл, что во Франции даже шлюхи имеют образование.

Он бросает быстрый взгляд на часы и говорит:

– Выбирайте: или вы идете в бар и приносите мне еще стаканчик, или садитесь рядом, чтобы я мог ласкать вашу грудь.

Взволнованная, Камилла прижимает руку к груди, где у нее спрятан микрофон, но затем все же придвигается к Педро. Тот сильно обнимает ее и прижимает к спинке сиденья. Через секунду раздается оглушительный взрыв и несколько изувеченных тел ударной волной относит в разные стороны. Камилла остается невредимой.

– Для этого взрыва я потребовал три лишних трупа, – говорит Жером.

– Тебе не на что жаловаться, еще месяц назад за такую сцену с твоей зарплаты удержали бы стоимость эластичных бинтов.

– Нам еще далеко до американских спецэффектов, но я должен признать, что взрыв выглядел впечатляюще. Они даже устроили трюк с каскадером, когда Мордекай бросается с башни.

– Мордекай? Разве мы не отправили его на тот свет в 30-й или в 31-й серии?

– Он невероятно богат. С таким состоянием можно выпутаться из любой ситуации, даже избежать смерти. Во всяком случае, никто еще не пожаловался, снова увидев его на экране.

Иногда меня мучает именно эта проблема. Что будет дальше, если Сегюре лишит нас такой безграничной свободы. Сколько всего произошло с того легендарного дня, когда он бросил: «Делайте все, что угодно!». Сегодня я сам пытаюсь найти границы дозволенного. Наверняка они существуют. Нельзя же безнаказанно нарушать законы, заражая своим безумием девятнадцать миллионов телезрителей и рассчитывая, что тебя не остановит никакая цензура. Я спросил об этом Старика. С грустью в голосе он ответил:

– Боюсь, что единственная граница – это наше воображение.

Я давно грозился сделать это. И вот наконец в последнюю серию мы ввели персонаж Бога. Настоящего Бога.

Он соответствует облику, который приписывает ему большинство верующих.

– Луи, ты считаешь, этого достаточно для описания Бога?

– Покажи-ка… Вернувшись с утренней пробежки, Брюно встречает величественного старца, облаченного в белое одеяние. Его прекрасное лицо с впалыми щеками вызывает смесь трепета и ликования… Вполне достаточно.

Лине, «охотнице за актерами», придется потрудиться, чтобы найти типа, взгляд которого вызывает смесь трепета и ликования. Даже когда искали актера на роль Существа, и ради этого ее агентов послали в Венгрию, в какую-то актерскую коммуну, сколько было шума. В конце концов, пусть Лина выпутывается, а ее эмиссары оправдывают свою зарплату.

– Кстати об актерах, – говорит Жером. – – Им нужно найти девушку на роль Дюны.

– Напомни, кто такая Дюна.

– Крошка, удравшая из секты язычников. Ей лет двадцать пять-тридцать, она довольно красива, вот и все.

– Все? – спрашивает Матильда. – Двадцатипятилетняя красотка, и это все, что приходит вам в голову?

– Женщины никогда не были его коньком, – ухмыляется Тристан. – Под его внешностью скрывается робкий тип. Подростком он пытался завлекать девушек домой, обещая показать им «человека-кушетку». Помнишь ту, рыженькую?

– Мог бы и помолчать, – бурчит побагровевший Жером.

– И догадайтесь, кто изображал «человека-кушетку»?

– Когда я описываю красивого парня, – говорит Матильда, – то черпаю вдохновение в своих воспоминаниях. Им может стать как сосед по площадке, так и голливудская звезда.

– Неужели нет ни одной актрисы, которая бы тебе нравилась? Говорят, они готовы на все, лишь бы попасть в «Сагу».

– Не уверен…

– В таком случае ее нужно придумать, – предлагает Луи. – Опиши нам свой идеал женщины.

Просто удовольствие наблюдать, как Жером теребит пальцами, вперившись в свои кроссовки. И это он, кто издевается надо мной каждый раз, когда какая-нибудь девица проходит по коридору. Он, для кого женщины – услада для воина, если только сами они не Рэмбо в чулках в сеточку. Через несколько минут мы узнаем, что Жером на редкость сентиментален.

– Перестаньте на меня пялиться. Я никогда не задумывался над этим.

– Брюнетка или блондинка?

– А может рыжая? – хохоча спрашивает Тристан.

– Скорее, брюнетка. С длинными волосами, жесткими, как проволока.

– А глаза?

– … У нее должны быть синие глаза и матовая кожа с легким медным оттенком, как у индианок, и потом…

– Что потом?

– … Улыбка… неуловимая, как у гейши. Ноги от ушей, небольшая грудь. Тоже с медным оттенком.

– А психологический портрет?

– Очаровательная шалунья?

– Роковая женщина?

– Только не это. Каждый ее жест говорит об искренности, ее лицо – открытая книга, а смех напоминает журчание ручейка.

– У нее будут какие-нибудь пристрастия?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, не знаю… теннис, прыжки на батуте, чечетка…

– Она должна говорить на разных языках. Мне нравятся женщины, которые говорят на разных языках. По-французски говорит с небольшим акцентом. В определенных ситуациях, по неизвестной причине, переходит на японский. Иногда цитирует Шекспира. Кроме того, она должна уметь бросать бумеранг…

Луи прерывает наступившее молчание, вырывая страничку из своего блокнота.

– Кажется, я ничего не забыл. Посмотрим, сколько им понадобится времени, чтобы найти Дюну.

– Такой девушки не существует! – орет Жером.

– Лина разошлет своих агентов по всему свету, даст объявления на всех пяти континентах, но найдет ее!

Старик прав. Пока мы обладаем властью, надо ее использовать. Двадцать первого июня нас вышвырнут за дверь, но до этого мы еще им себя покажем!

– Мне сорок лет, – говорит Матильда, – то есть, мне понадобилось дожить до сорока лет, чтобы наконец найти человека, удовлетворяющего все мои капризы. Его зовут Сегюре, и я использую его на всю катушку, как это делают танцовщицы, доводящие до разорения своих любовников-банкиров.

Я наливаю всем перцовки, и мы пьем за здоровье Дюны, с которой должны вскоре познакомиться. Жером пожимает плечами, он думает, что Луи над ним издевается. Матильда смотрит на часы и первой уходит домой. Тристан берет костыли и отправляется на вечернюю прогулку в монтажную.

Луи говорит, что хотел бы составить ему компанию и посмотреть, как работает Вильям.

– Отлично, вы поможете мне открывать двери, – с улыбкой отвечает Тристан.

Они уходят. Я ищу куда-то подевавшуюся бутылку водки, Жером споласкивает стаканы. Внезапно начинает работать факс, но в такой поздний час это не сулит ничего хорошего.

– Если этот козел Сегюре снова хочет подкинуть нам работенку, то пусть катится ко всем чертям.

Жером отрывает полоску бумаги и читает текст. Я замираю, ожидая худшего.

– В студии вечеринка.

– Когда?

– Сегодня вечером.

– Как это любезно – предупреждать нас в последнюю минуту.

– Они решили приурочить день рождения Джонаса к окончанию съемок 67-й серии.

– Тебе это интересно?

– Мы же никого там не знаем. И как будем выглядеть?

Глубоко задумавшись, мы молча сидели в такси, которое везло меня домой, а Жерома – в контору.

Мы порядком накачались шампанским. Сегюре вихрем пронесся мимо, не заметив нас. Никто нас не узнал, никто не спросил, что мы тут делаем, и никто ни разу к нам не обратился.

– Девушка, что играет Эвелин, выглядит симпатягой. Стол был роскошным, шампанское отличным, а повара приготовили на горячее легкие блюда.

– Кто этот тип, который лишь сморщился, когда у него спросили, что он думает о последней серии?

– Тот, что похож на Вальтера?

– Да-да.

– Это и был Вальтер.

Перед началом пиршества я поприсутствовал на окончании съемок. Я и не подозревал, что увижу необычный балет, вальсирующие декорации и десятки кружащихся вокруг них типов. Потом забрел в настоящий музей современного искусства, полный картин и скульптур. Недавно мне захотелось устроить встречу Брюно с невестой именно в таком месте, и я даже начал придумывать ради потехи произведения. Гиперреалистическая фигура обнаженной женщины у радиатора, композиция из тарелок и фотографий Дали, пирамида из сломанных ксероксов, разорванный оранжевый лист. Я разошелся вовсю на своем компьютере, придумывая новые концепции и невероятные сочетания красок, будучи уверенным, что режиссер, не задумываясь, отправит все эти тщательные описания в мусорную корзину и купит несколько бездарных репродукций на толкучке в Сент-Уэн. Так вот! Они сделали все по моему описанию! Моя ню у радиатора – настоящее чудо! А моя пирамида из ксероксов достойна того, чтобы ее выставили в Бобуре! Оказывается, я настоящий художник! Художник!

– Ты слышал, какую они придумали игру?

– Нет.

– Они собираются пустить в продажу игру «гусек» с персонажами «Саги».

– Шутишь.

– Ничуть. Представь себе: вы продвигаетесь на три клетки, и Милдред проверяет ваш умственный коэффициент. Если он ниже ста, вы отступаете на пять клеток. Чтобы не стать

жертвой покушения Педро Менендеса, вам надо перескочить сразу через четыре клетки. И так далее.

– И ты думаешь, на этом можно заработать?

– Кто знает.

Мне понравилась речь одного из владельцев канала. Он сказал, что «Сага» – это большая семья, и стал одного за другим благодарить всех ее членов. Список был длинный, начиная с актеров главных ролей и кончая самыми мелкими техническими работниками, включая, естественно, все руководство канала. Отдельно был упомянут и наш общий отец – Ален Сегюре. И лишь ни один сценарист не был назван. Он пожелал Джонасу счастливого дня рождения и начал раздавать подарки. Это был самый большой сюрприз: коробка с четырьмя кассетами, на которых собраны первые двенадцать серий «Саги». Гром аплодисментов. Мне удалось стащить одну коробку, а вот Жерому не повезло.

– До завтра, парень.

Когда я нырнул в постель, у меня все еще шумело в голове от шампанского, и я заговорил с Шарлоттой, словно она была рядом.

– Знаешь, сегодня я ввел в сценарий Бога.

– Я так и знал, что ты это скажешь, но представь себе, что я больше не знаю, то ли это Бог, о котором все говорят, то ли я сам Его создал.

– Да, завтра он поговорит с Брюно. Может, Бог произносит только искренние фразы.

– Возможно, но только не сразу. Сначала мне нужно устроить ему встречу с беднягой пастырем, который сомневается в его существовании. А что нового у тебя на работе?

Сегодня, еще до десяти часов утра, Вальтер попал в автомобильную катастрофу. Жером подошел к делу исключительно серьезно: машина врезалась в телефонную будку, три раза перевернулась в воздухе и рухнула в бассейн. Луи полагает, что Сегюре еще может согласиться на падение, но только не на гибель Вальтера. Отъезд Марии и так переполнил чашу терпения. Но Жером уперся как бык. Он готов вступить в схватку с Сегюре и всей шайкой распорядителей, если не удовлетворят его требования.

– Вальтер будет лежать в коме по меньшей мере две серии, до моего нового распоряжения. Видел бы ты вчера его рожу! С каким высокомерием в окружении почитателей он рассуждал о сценарии.

– Видите ли, ему не понравилась сцена, где он на коленях умоляет призрак Лоли не преследовать его, – вставляю я.

– Зато теперь пусть заткнется! С сегодняшнего дня будет лежать в больнице, подключенный к аппарату искусственного питания, который в любой момент можно отключить, если не принять все меры предосторожности. Пусть кто-нибудь объяснит этому козлу, что его ждет.

Это сказал Господин Мститель. А Луи, старая каналья, добавляет с ехидной ухмылкой:

– Зрители будут в восторге. Представляете, таинственный призрак бродит по больнице с ножницами в руке.

Когда мы собираемся вчетвером, то шумим намного больше, чем все болельщики на стадионе Парк-де-Прэнс. Это здорово, дух команды!

В конце дня мы позволяем себе совершенно расслабиться. С тех пор как мы пишем по шесть дней одну серию в девяносто минут, то все чаще устраиваем себе перерывы, чтобы побездельничать и посмеяться. И, конечно же, не упускаем возможности подышать свежим воздухом в небольшом сквере в конце авеню.

Солнце светит в окно.

– «Сага» умрет естественной смертью с наступлением лета, – говорит Луи, – но это не повод, чтобы следовать за ней в могилу. Что вы собираетесь делать дальше?

Он застал нас врасплох, словно до этого никто и не думал, что когда-нибудь нам придется расстаться. Но неожиданно ответы сыплются один за другим, будущее каждого из нас обрисовывается несколькими словами. Какой-то американский телеканал предложил Жерому должность «консультанта», чтобы сохранить дух французского сериала, когда начнутся съемки «Саги». Как они угадали, что из нас четверых только Жером мечтал о работе в Америке?

Если бы он захотел, то мог бы отправиться туда уже сегодня, но он предпочитает дождаться двадцать первого июня вместе с нами. Затем, если все пойдет по плану, Жером все лето проведет на какой-то вилле в Санта-Монике, где к нему будут приезжать местные Сегюре для уточнения концепции Четверти Часа Искренности (которую он уже называет High Quality Frankness).

Матильда пока выбирает между двумя проектами, один из них – сериал, показ которого планируется на будущее лето. История о любви и сексе на примере трех поколений, всего восемь серий. Обычно, когда летний сериал умеет успех, он регулярно потом повторяется, что гарантирует Матильде стабильный заработок. Кроме того, ей предлагают написать книгу по ее сценарию, то есть, вернуться к роману. Когда же я спрашиваю ее о втором проекте, она сразу же, словно улитка, прячется в раковину, отвечая, что речь идет о се тайном саде, и больше она об этом пока ничего не скажет.

Я же рассказываю о режиссере, предложившим мне поработать над сценарием его будущего фильма. Мне очень понравилась его предыдущая работа, «Игорный дом», да и перспектива писать для кино ужасно соблазнительна. На этот путь меня подталкивает и Старик.

– Кино – это уже другое занятие. Самое прекрасное из всех. Кино врезается в нашу память, а телевидение позволяет на минуту забыться. Нельзя работать в кинематографе, не будучи убежденным, что делаешь самый прекрасный фильм в мире. У этого занятия есть название – любовь.

Солнце светит в окно.

– А ты, Луи? Что будешь делать после «Саги»?

С необычайной гордостью во взгляде он сообщает, что возвращается в Италию.

– Я нужен Маэстро, а я никогда не мог ему отказать.

Восемь часов вечера. Каждый четверг в это время я ищу, куда бы податься, все равно куда, лишь бы забыть, что сейчас девятнадцать миллионов людей уставились в одну и ту же точку. Оставаться дома – невыносимо, телефон звонит беспрерывно, как только появляются первые титры. И его нельзя отключить – может позвонить Шарлотта. На работе – еще хуже, братья весь вечер торчат у Вильяма и возвращаются очень поздно. Сегодня вечером я согласился поужинать у друзей, с которыми не общался несколько месяцев. Надеюсь, семейная атмосфера подействует на меня благотворно, за мной начнут ухаживать, угощать спагетти и подливать в бокал красного вина, как это частенько бывало раньше. Может, от них я узнаю что-нибудь о Шарлотте. Но они меня ни о чем не расспрашивают. Впервые я чувствую себя холостяком. – Немного пунша на аперитив, Марко? Чарли и Жюльетта заботятся обо мне, словно о вернувшемся из армии сыне. Я с удовольствием болтаю о погоде, цвете занавесок и о приятном аромате кэрри, доносящемся из кухни. Беатрис и Огюст приходят с бутылкой шампанского. Пылкие объятия. Я очень давно не видел Беатрис. Она рассказывает, что теперь работает в магазине пластинок. Оггост по-прежнему возит какого-то министра. Все говорят о работе, о чьей угодно работе, только не о моей, и у меня появляется ощущение, что после нескольких месяцев ссылки я вернулся к нормальной

жизни. Чарли жалуется на перегруженность классов в своем лицее, Жюльетта – на то, что совсем выбилась из сил, поскольку в их магазине проходит распродажа одежды. Как я их всех обожаю! Мне интересно все, о чем они рассказывают: о решении ректора лицея, противовзломных системах в больших магазинах, цене новой модели «сафрана» – все кажется мне занимательным. Я слушаю, задаю вопросы, иногда выражаю сочувствие. Я – весь внимание. Вот настоящие люди, живущие настоящей жизнью, и мне плевать, однообразна она, правдоподобна или реалистична. Общаясь с ними, я тоже чувствую себя нормальным, расслабляюсь, подливаю себе пунша, который слегка ударяет в голову, и начинаю вспоминать кое-какие истории из нашего прошлого, словно Шарлотта сидит вместе с нами. Жюльетта, нагнувшись, протягивает мне чашечку из акажу, и я не могу удержаться, чтобы не бросить взгляд на ее декольте. Она всегда волновала меня. И мне казалось, что она готова ответить взаимностью. Я вспоминаю Филиппа, дружка Джонаса, который…

– Марко!

… А если Камилла влюбится в Менендеса? Тогда не нужно будет устраивать встречу с Филиппом, тем более, что Джонас скрывает кое-что от ФБР по его поводу.

– Эй, Марко! Вернись к нам!

– Извините, – бормочу я, доставая записную книжку, – я совершенно забыл поздравить отца с днем рождения, нужно сделать себе пометку, иначе снова забуду…

Я знаю, что будет с Камиллой… Знаю! Необходимо немедленно записать эту мысль.

Беседа возобновляется. Беатрис очень хочет завести второго ребенка, но Огюст не решается, остальные пытаются его убедить. Второй ребенок… Мы говорим о настоящей жизни! Важнейшее решение, недели надежды, месяцы беременности, суматошные приготовления, моральная и психологическая нагрузка – и все для того, чтобы на свет появился новый человек. Этот человек может надеяться в среднем на семьдесят пять лет жизни. И эта жизнь будет состоять из обычных событий, хороших и плохих. И никаких страшных тайн, никаких приключений – просто нормальная жизнь. Вот что такое рождение человека. Один только крик ребенка будет более реальным, чем весь вздор, порождаемый моим воображением.

– Вначале уложим детей, а потом сядем за стол.

– Марко, не хочешь ими заняться?

– Что?

– Не каждый вечер у нас дома сценарист. Я уже просто не знаю, что им еще рассказать, чтобы они поскорее заснули.

– Давай, придумай какую-нибудь историю! Для тебя же это пустяк.

Все четверо забавляются от души.

– Да я не умею. У меня нет никакого опыта общения с детьми.

Ну и дурацкий же у меня вид…

Меня насильно тянут в детскую. Я оказываюсь на краешке кровати, в полумраке, в компании двух белокурых малышей с широко раскрытыми глазами.

– Мы ждем тебя к закускам, – шепчет Жюльетта, закрывая за собой дверь.

Я в ловушке. Роюсь в памяти в поисках принцесс, поросят, больших злых волков и ничего не могу вспомнить. Лес? Замок? Интересует ли это современных детей? Белокурые локоны делают их похожими на ангелочков, которые только и ждут, чтобы раскрыть рты от удивления. На самом деле это свирепые существа, потрошащие плюшевых мишек, разбирающие японскую электронику, готовые к схваткам в третьем тысячелетии. Принцессы сейчас интересуют только мою приятельницу Матильду. Но, может, у меня есть еще шанс обмануть их, выдать старое за новое и не скомпрометировать себя. Я почти уверен, что эти детки пока не смотрели «Основной инстинкт».

– Я расскажу вам историю про прекрасную белокурую даму, жившую в шикарном замке на берегу моря…

Невероятно медленно закрываю за собой дверь и бесшумно спускаюсь по лестнице. Похоже, я с честью вышел из трудного положения. Шэрон Стоун превратилась в колдунью, которая сводит с ума всех, кто к ней приближается. Нож для колки льда стал волшебным кинжалом, а полицейский Майкла Дугласа – отважным рыцарем, заворожившим колдунью.

Из гостиной доносятся женские голоса. Надеюсь, я заслужил свою порцию курицы с кэрри и стаканчик красного. Лестница поскрипывает под ногами, и я стараюсь ступать очень осторожно, чтобы, не дай Бог, не разбудить уснувших детей. Тогда мне придется рассказывать им «Механический апельсин». Кажется, внизу веселье идет полным ходом.

– На этом сериале он должен был заработать кучу бабок.

– Никто так и не знает, почему исчезла Шарлотта?

– Он выглядит совсем измученным.

Я застываю на месте. Одна нога на ступеньке, другая в воздухе.

– Вы молодцы, что пригласили нас вместе с ним.

– И именно в четверг.

– Это мой единственный свободный вечер, и знаете почему? Министр остается дома, чтобы не пропустить очередную серию. Завтра утром мы будем обсуждать ее в машине.

– А вы бы видели, как сейчас продается Бах! Люди спрашивают уже не «Искусство фуги», а музыку, которая звучит в сериале. Мы даже устроили специальный стенд.

– В нашем магазине то же самое. Почти все дамы хотят такие же платья, как у Эвелин! А девчонки, подражающие Камилле, требуют куртку с бахромой в стиле семидесятых и черную ленту.

– А, помню-помню, наши бабушки носили такую на шее.

Я осторожно сажусь на последнюю ступеньку.

– У нас в лицее настоящий дурдом. Завтра утром мне потребуется минут пятнадцать, чтобы успокоить учеников. Причем старшеклассники еще хуже пятиклассников. Все желают знать свой коэффициент умственного развития и все считают себя вундеркиндами. Мне даже пришлось прочитать лекцию о сюрреализме, так как Камилла процитировала одну фразу Бретона, не помню уже какую…

– «Вы, кто не видит, подумайте о тех, кто видит».

– Этого нет в программе и мне пришлось импровизировать на ходу.

– Реклама заканчивается!

– Сделай погромче, солнышко.

– Чем он там занимается наверху?

Мне удалось незаметно взять свою куртку и бесшумно добраться до прихожей. Я закрыл за собой дверь в тот момент, когда квартиру заполонила музыка Баха.

Незнакомый запах витает в нашем бюро. Возле компьютера меня ждет завернутый в бумагу подарок. Парфюмерный набор «Сага» для мужчин: лосьон после бритья, туалетная вода, мыло, гель для душа. И все с ароматом ванили. Жером пользуется туалетной водой вместо аэрозоли, чтобы уничтожить табачный запах, на который мы давно не обращаем внимания. Потребление ванили во Франции с января этого года выросло в три раза, сообщает нам надпись на визитке, нацарапанная Сегюре. Ее добавляют в йогурт, в крабовые палочки, в мороженое и даже в жевательную резинку. Если мы будем и дальше использовать

в сериале сей драгоценный аромат, никто не станет жаловаться, особенно мы, заключает Сегюре. Я задумываюсь. Неужели это я создал мир, пахнущий ванилью? Вот прекрасный пример того, что называют эффектом бабочки. Бабочка взмахивает крылышками в Токио, а на Лос-Анджелес обрушивается потоп. Ничтожная причина – разрушительные последствия. Если сегодня все импортеры, промышленники, крупные и мелкие коммерсанты потирают руки, если вся Франция благоухает одним ароматом, то все это лишь потому, что слово «жимолость» кому-то из нас показалось слишком длинным.

– Знаешь, я вчера смотрел «Сагу», – обращается ко мне Жером.

– И как?

– Слишком слащаво.

– Слащаво?

– Будь у меня «Магнум» 44-го калибра, я, не задумываясь бы, разнес вдребезги этот паршивый телевизор… Страшно недостает насилия и секса! Зрители требуют, чтобы их было больше! Американцы давно это поняли! Именно потому они опережают нас и именно потому я еду к ним.

Четверть Часа Искренности? Нет, что-то совсем противоположное. В словах Жерома горечь и бессилие, и я, кажется, понимаю, что довело его до подобного состояния.

– Посмотрите, что пользуется наибольшим успехом: кровавые сцены, секс, чуть ли не порнография. Герои – настоящие людоеды, а кинозвезды только и делают, что раздвигают ноги.

С «Сагой» у нас появилась уникальная возможность показать то, что нам хочется, но мы этим так и не воспользовались.

Пресса официально сообщила о начале съемок «Борца со смер-тъю-2». Фантастические расходы, обилие звезд, и опять этот мерзавец Совегрэн купается в лучах славы. Сколько раз поздними вечерами Жером, как последний пьяница, рассказывал мне эту историю. Сколько ночей мы ломали голову, чтобы найти безотказный способ отомстить этому мерзавцу, используя сценарные приемы, разрабатывая интригу и неожиданный финал. Мы работали над этой проблемой так, словно зрители уже собрались в зале. Нет, Ивон Совегрэн заплатит за все. И скоро.

Луи кладет руку Жерому на плечо, стараясь его успокоить.

– Американцы уже выиграли сражение. Я просто хочу, чтобы именно ты, Жером, нанес последний удар нашему грёбаному кинематографу, который сам себе вырыл могилу. Но если там, в Америке, ты будешь иногда вспоминать, кем был здесь, среди нас, не забывай, пожалуйста, правило: количество идей никогда не заменит качества. Всегда найдется кто-то, кто пойдет дальше тебя, сделает лучше, чем ты. Но никто лучше тебя не сможет изобразить Жерома Дюрьеца. Помни об этом на своей вилле в Пэсифик Пэлисейд.

Телефонный звонок прерывает наше затянувшееся молчание. Луи снимает трубку и уединяется в углу комнаты. Жером включает компьютер, Матильда наливает себе кофе и садится просматривать почту. Я возвращаюсь к 33-й сцене 72-й серии.

Фреду так и не удалось прийти в себя после отъезда Марии. Чтобы спастись от тоски, он как одержимый работает над виртуальной реальностью, синтезом изображений и голограммами. В душе у него – ужасающая пустота. Чтобы заполнить ее, он должен воссоздать Марию. Всего-навсего.

Эта идея не дает покоя Луи с тех пор, как он заинтересовался работой Вильяма в монтажной. Он в восторге от беспредельных возможностей техники, которая в случае с «Сагой» используется на десять процентов. Кроме того, она позволяет повторно просматривать не вошедшие кадры, пробы и сцены, которые раньше не монтировались. Их можно прокрутить в обратную сторону, поменять местами, размножить. Можно переписать

звуковые дорожки, диалоги и наложить на любое изображение. Луи утверждает, что подделку заметить очень трудно. «Именно техника должна быть на службе у писателей и халтурщиков». Это его главная теория. Мария может вернуться, для этого достаточно извлечь из мусорной корзины выброшенные куски пленки и наложить на них звук, чтобы получить новые диалоги из написанных ранее. Я наивно спрашиваю, зачем все это, и Жером отвечает вместо Луи:

– Ты никогда не мечтал посмотреть, как Мерилин Монро устраивает стриптиз в трех измерениях для тебя одного, в твоей комнате? Ты никогда не думал о римейке «Великолепной семерки» с Лоуренсом Оливье, Брюсом Ли, Марчелло Мастроянни, Жераром Филипом, Орсоном Уэллсом, Робертом де Ниро и Аленом Делоном? А Шекспир? Шекспир, являющийся к тебе во плоти, чтобы почитать свой сонет, когда ты хандришь?

– Я знал, что водка рано или поздно ударит тебе в голову.

– Он почти не преувеличивает, – говорит Старик. – Я умру раньше вас, но если жизнь будет продолжаться, вы еще станете свидетелями великих событий. Американцы уже возрождают кинозвезд, используя их в рекламе, что порождает проблемы деонтологии, не говоря о юридических головоломках. Как только они сумеют соединить все это с голографией, вот тогда начнется настоящий цирк! Это уже будет не тройное наложение силуэта Марии на видеокартинку, которое нас пугает, милый Марко. Вильям даже сейчас делает невероятные вещи, а что будет в третьем тысячелетии…

Возрождение Марии началось.

Чем все это закончится?

Продолжая висеть на телефоне, Старик просит Жерома сходить в агентство «Прима» за каким-то досье – он явно желает от него избавиться. Матильда, кажется, поняла, в чем дело. Лина с другого конца света жалуется, что не может найти Дюну. Но Старик не хочет ничего слышать.

– Никаких девиц из Шри Ланки, черт возьми! Нам нужна индианка из Северной Америки! Да, с кожей с медным оттенком!

По секрету он сообщает, что Лина разыскала великолепную индианку из племени шайеннов, но та не говорит по-японски.

– Об этом не может быть и речи! – бросает Матильда.

– Не может быть и речи! – рычит Старик в трубку. – Скажи своим агентам, чтобы они поторопились. Дюна нужна нам на следующей неделе!

Поздно вечером мы с Жеромом устраиваемся перед телевизором, чтобы посмотреть «После работы» Мартина Скорсезе. Поставщик доставил нам разные деликатесы, а я откупорил бутылку пинара, которая обошлась мне в стоимость переделки одной из интриг. Мы уже приготовились насладиться этим недолгим счастьем, когда в коридоре мелькнул чей-то силуэт.

– В такое время это может быть только актер.

Я жестом приглашаю незнакомца войти, но он лишь едва просовывает голову в приоткрытую дверь. Я тут же узнаю его, но не могу вспомнить настоящее имя, для меня он всегда был Вальтером.

– Мне сказали, что…

– Да, это здесь.

Актер держится совсем не так прямо, как на том легендарном празднестве, где он так рисовался. Одет более скромно, а глаза не прикованы к зеркалу, которое отражает его в лучах славы. Мы знаем, почему Вальтер здесь, а он еще не догадывается, что мы это знаем.

На то мы и профессионалы, чтобы узнавать раньше всех задние мысли людей. Я не такой садист, как Жером, и поэтому предлагаю гостю стул, стакан вина и улыбку. Он соглашается на все.

– Уже две серии я живу только благодаря аппарату искусственного дыхания. Друзья звонят к нам домой и спрашивают, не стало ли мне лучше. У моей жены скоро начнется депрессия. Мой портрет должен был появиться на фирменной марке одной из фирм грампластинок, но мне сообщили, что они не могут подписать контракт с человеком, находящимся в коме. Мои дети интересуются, встану ли я с больничной койки или умру.

Люди, встречающие меня на улице, с трудом удерживаются, чтобы не перекреститься.

Я испытываю некоторую неловкость, но Жерома прямо распирает от радости. На прошлой неделе мы ради хохмы решили ответить на вопросы, которые когда-то задал Прусту один журналист. На вопрос: «Какой недостаток вы считаете наиболее простительным?», Жером ответил: «Злопамятность».

– Все это еще ничего, – продолжает Вальтер. – Больше всего меня страшит странный персонаж, появившийся в 70-й серии и грозящийся перекрыть мне кислород.

Идея Луи, но Жером настоял на том, чтобы самому описать этого типа.

– Я не собираюсь морочить вам голову. Я здесь, чтобы умолять вас… умолять, у меня нет другого слова.

Даже Лоуренс Оливье не смог бы изобразить такой страх. Никаких дрожащих рук, ни капли пота, только замогильный голос и пустой взгляд. Внутренний страх. Даже Господин Мститель впечатлен и готов уступить.

– Возможно, этот тип не собирается перерезать шланг, – говорит он. – Вам не стоит доводить себя до такого состояния.

– Хотел бы я видеть вас в моем положении! С кислородной маской на лице, принужденный к молчанию… Беззащитный. Если вы уберете этого типа, я сделаю все, что вы захотите! Все!

Мне достаточно одного взгляда, чтобы понять: Жером на него больше не злится.

Чистосердечное раскаяние – и Господин Мститель первым готов все забыть. Он медленно провожает Вальтера до дверей.

– Успокойте свою семью, мы навсегда избавим вас от злодея. Считайте, что вы вне опасности. И потом, кто знает, может, вы раньше выйдете из комы, чем предполагалось.

– …Правда?

– Мы способны на чудо.

– От имени всех моих родных, спасибо!

Мы смотрим, как он выходит из здания в темную ночь. Жерому не хочется злословить по этому поводу, мне тоже. Я наполняю стаканы, он включает кассету.

– Что это у вас такие мрачные физиономии?

Луи вырывает из рук Жерома письмо.

Старая сволочь!

Ты последуешь в могилу вслед за своей шлюхой. Ты, а затем и ее дубина-муж, этот дерьмовый актеришка, которому я собирался дать лучшую роль в театре. Эта стерва Лиза должна была меня слушаться. Я расправился с ней, расправлюсь с тобой и ее мужем. Лиза останется моей.

Сегодня утром, не обратив внимания на фамилию на конверте, я машинально распечатал письмо, адресованное Луи. Сейчас он долго читает эти несколько строчек. Никто не верит его небрежной усмешке.

– Надо показать его полиции, Луи.

– Они опять устроят мне допрос, который ничего не даст. Это уже не первое письмо.

Письмо отпечатано на лазерном принтере, каких тысячи, да и текст не содержит ничего нового.

– Но он угрожает вам смертью, – говорит Матильда. – Луи, доставьте мне удовольствие, отправляйтесь немедленно и без разговоров в комиссариат.

– Мерзавец, написавший это письмо, не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к смерти Лизы. Это психически больной человек, читающий слишком много газет. Вам не кажется странным, что он появился в тот момент, когда «Сага» добилась успеха?

– Похоже, что он хорошо информирован.

– Это все из-за того придурка-актера, который дал интервью.

Луи никогда не называет его по имени, только «актером».

Если бы Лизу увел наемный убийца, бухгалтер или мануальный терапевт, Луи никогда бы не проявил столько презрения. Поскольку Матильда продолжает настаивать на том, что нужно предупредить полицию, он уходит в плохом настроении, держа в одной руке письмо, а в другой – плащ. Мы молча беремся за работу, словно реальный мир внезапно обрушился на нас. Из-за того, что мы постоянно скрываемся за стенами вымысла, в мире, где являемся абсолютными хозяевами, мир реальный кажется нам невероятно далеким. И диким. Он не подчиняется никакой логике, никаким законам драматургии. С точки зрения правдоподобия, реальность не вызывает никакого доверия, но никто ничего не делает, чтобы хоть что-то изменить в ней. Нужно, наверное, специально подобрать сценаристов, чтобы они придумали нашу будущую историю.

Тем не менее…

Учитывая то, что я способен сейчас родить, я только ускорю приближение хаоса. Даже не знаю, граничит ли то, что я пишу, с абсурдом или просто с бредом. Матильда и Жером иногда задаются вопросом, не поехала ли у меня крыша. Старику нравится все, что я пишу. Он считает, что «Сага» должна нестись на всех парусах, преодолевать сумасшедшие бури и в один из июньских вечеров оказаться в порту назначения. Если то, что я пишу, зависит лишь от границ моего воображения, то я со злорадным удовлетворением раздвигаю их, чтобы они не мешали мне действовать. В трех последних сериях у меня появлялся и говорил сам Бог, я воссоздал пропавшую героиню и всерьез подумываю высадить на Землю нескольких инопланетян. Это будут не зеленые человечки с огромными глазами и антеннами на макушке, а существа, похожие на людей, ничуть не страшнее, чем обычный человек с улицы. Мои инопланетяне будут добродушными и человечными. Старик находит эту идею слишком экстравагантной и даже рискованной. Но, как всегда, одобряет ее. «Больше у нас никогда не будет такой свободы», – не устает повторять он.

Оказывается, владыки мира сего тоже способны проливать слезы. Очевидно, сказывается накопившаяся усталость. Я открыл шкаф, чтобы достать чистую рубашку, и неожиданно громко разрыдался, просто так, сам не знаю почему. Через несколько минут я успокоился, глубоко вздохнул и все снова стало нормальным. На моем автоответчике мигает цифра 41, это сегодняшний урожай звонков. Я прослушиваю сообщения на тот случай, если Шарлотта решила за хорошее поведение смягчить мне наказание. Но на пленке ее голоса нет.

Как всегда вечером по четвергам не знаю, чем заняться. Мне не хочется оставаться дома, но и не хочется видеть людей, которые будут говорить со мной о «Саге». Наша контора – единственное место в мире, где после работы никто не говорит о сериале. Но сегодня, в чудный весенний вечер, мне хочется побродить одному по опустевшим улицам.

Авеню Опера. Я останавливаюсь возле каждой витрины туристических агентств, предлагающих любые путевки. Остается только выбрать. Токио. Остров Маврикия. Вера-Крус. Рим. Нью-Йорк. Множество стран, где вас ждут живописные пейзажи, сказки, легенды. Однако название Осло на рекламной афише не вызывает у меня полета фантазии. Я просто представляю место, где люди живут спокойно и никогда не лгут. Место, где люди говорят «да», когда хотят сказать «да». Здания, не загораживающие панораму. Бары, где можно безопасно проводить время. Женщину, думающую только о настоящем. Чистый и светлый номер в гостинице. Может, на будущий год я туда съезжу.

Прохожу мимо касс Лувра и присаживаюсь у пирамиды.

Вдали уже закрывают вход в Тюильри.

Иду дальше вдоль Сены.

В нескольких шагах от Нового моста четверо бродяг расположились перед витриной большого магазина. Я замедляю шаг. проходя мимо них. По одному огромному телевизору демонстрируют художественный фильм, по другому – документальный, но все взгляды прикованы к тем светящимся экранам, где снуют немые персонажи «Саги». Парни отпускают непристойные шуточки, потягивая дешевое красное вино.

На улицах очень мало автомобилей.

Не могу поверить, что отчасти это из-за меня.

Сам, не заметив как, оказываюсь на левом берегу Сены. Площадь Одеон словно вымерла. Только билетерши из кинотеатров прохлаждаются у рекламных щитов.

Кафе на бульваре Сен-Жермен полно людей. Захожу, чтобы выпить пива. Официант откупоривает бутылку, не сводя взгляда с экрана, и ставит ее на стойку, не глядя на меня. Мордекай только что оплатил все аттракционы на ярмарке и собирается развлекаться на них один.

В том, как он садится на карусель, которая работает для него одного, есть что-то трогательное. Тысячи разноцветных лампочек горят для него одного. Какой-то клиент, стоящий рядом со мной, замечает вполголоса:

– Все-таки здорово иметь толстый кошелек!

В следующей сцене во второй раз за весь сериал появляется Фердинанд.

– А это кто такой?

– Приятель Брюно, подопытный кролик Фреда.

Сидя в одиночестве в какой-то богемной квартире, Фердинанд пишет письмо любимой женщине. Голос за кадром.

«Я не знаю, где ты, и поэтому вижу тебя повсюду. В метро, в которое сажусь, за дверями, которые распахиваю, на улицах, по которым хожу. Если бы ты знала, как это жестоко – видеть, как разветвляется улица и бояться выбрать не ту. Когда я звоню одной из твоих подруг, то уверен, что она лжет, что ты знаками ей показываешь, чтобы она не проговорилась. Когда я звоню какому-нибудь приятелю, то представляю, что ты в его постели, в нескольких метрах от телефона. Иногда я боюсь, что тебе плохо, но чаще всего боюсь, что тебе хорошо. С тех пор, как ты исчезла, я каждый день, прожитый без тебя, отмечаю на стене своей комнаты палочкой, и сейчас написал: ОТСУТСТВИЕ НЕХВАТКА НЕДОСТАЧА ЛИШЕНИЕ ОШИБКА ЗАБВЕНИЕ УПУЩЕНИЕ ПРОБЕЛ УДАЛЕНИЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПРОПАЖА ДЕФИЦИТ. У меня осталось два или три синонима, чтобы продержаться еще несколько недель. Мне бы хотелось просто узнать, где ты, Шарлотта. Я так люблю тебя».

– А кто она?

– Говорят тебе, его подружка.

– Подлей-ка нам немного «Кот-дю-рона», Рене.

– А с тобой такого не случалось?

– Как же, было.

– Чего тогда спрашиваешь…

Иду пешком до Монмартра. У владельца бензоколонки на улице Асса тоже включен маленький телевизор. Мелькают последние кадры «Саги».

Жизнь входит в обычное русло, террасы кафе заполняются людьми, машины несутся по бульвару. Пытаюсь убедить себя, что это такой же вечер, как и остальные, даже если по пути к авеню де Турвиль я слышу обрывки разговоров, знакомые имена и слова, вышедшие из-под моего пера.

Тристан, похоже, скучает в одиночестве. Мне даже вначале показалось, что он выключил телевизор. Жером пошел в магазин за сахаром. Я спрашиваю у Тристана, что он думает о последней серии.

– Ваша четверка опять меня удивила. Иногда смотришь фильм как загипнотизированный, иногда думаешь: «Это черт знает что», но никогда не скажешь, что это нудно или прогнозируемо.

Я спрашиваю, как он воспринял появление Марии, сцены с которой смонтированы из старых кадров, хотя для него это не сюрприз, поскольку он тоже присутствовал при монтаже.

– То, что это подделка, совершенно не заметно, веришь, что она действительно вернулась. Потрясающе!

Для небольшого эпизода такой трюк подходит, но мы не должны злоупотреблять этим приемом, в конце концов, зритель поймет, что к чему. Было бы идеально, если бы настоящая Элизабет согласилась приехать и сыграть одну сценку, совсем небольшую. Она могла бы стать для нас «Special guest star»[8], как говорит Жером.

– Кроме того, сериал пора завершать, – продолжает Тристан. – И завершать, пока он пользуется успехом. Было бы идиотизмом растянуть его еще на один сезон.

Об этом можно не беспокоиться, у Сегюре такая идея даже не возникала.

– Шоколад, эскимо. Я взял порцию и для тебя, Марко.

Я предлагаю Жерому позвонить Элизабет Реа, чтобы узнать, как у нее дела. Луи записал номер телефона ее отеля.

Дело обстоит следующим образом. Фред больше не может довольствоваться мимолетными приездами Марии, ему нужно видеть ее рядом, живую, дотрагиваться до нее, иначе он грозит прекратить все исследования, что означает миллиарды потерянных жизней. Как-то ненастным вечером Фред превращается в доктора Франкенштейна и создает клон своей горячо любимой невестки. Он не сумел овладеть настоящей Марией, зато теперь у него есть ее копия, которая во всем ему подчиняется. Кто из нас не мечтал о чем-либо подобном? У Элизабет появился двухдневный перерыв в съемках фильма, и она с восторгом согласилась приехать и сыграть эпизод. Только ради нас и, конечно, ради девятнадцати миллионов поклонников. Сегюре едва не расцеловал нас, узнав, что Мария возрождается из пепла. Благодаря его поддержке, мы провернули операцию за несколько дней. Даже у НАСА не получилось бы быстрее. Эпизод, продолжительностью двенадцать минут, был отснят сегодня. Фреду в его лаборатории удается склонировать женщину, которую он всегда любил. Это существо из плоти и крови, как две капли воды похожее на оригинал. Единственное отличие: новая Мария по характеру очень послушна и не строит из себя недотрогу. Едва только клон

превратился в женщину, как Фред тут же заперся с ней в своей комнате, чтобы предаться безумствам, о которых мечтал столько лет. Потом он расскажет Камилле и Брюно, что Мария вернулась и они заживут вчетвером еще более счастливо, чем до появления Каллахэнов. Готов поспорить, что эта история с клонированием приведет зрителей в восторг, а журналисты используют ее как «бомбу». Не избежать, конечно, анафемы ханжей и злой критики интеллектуалов. Было бы забавно развить идею о превращении любимых существ в рабов, но у нас нет на это времени, так как Элизабет должна улететь сегодня вечером. Перед отъездом она захотела пообедать с нами.

– Съемки фильма Ганса продлятся еще три недели, а мне уже сделали новое предложение. Вы возродили меня не только в «Саге», но и вернули вкус к жизни, к моей профессии. Я больше не мадам Пластырь. Не знаю, как вас благодарить.

Она смотрит на часы, не проявляя никакой нервозности. Видя, как она смеется и двигается, Матильда, Жером, Старик и я приходим к одной и той же мысли: мы дали возможность человеку почувствовать, что такое счастье.

Однако у счастья, как известно, короткий век.

Элизабет перестает улыбаться.

– Впрочем, я знаю, как вас отблагодарить, но, можете мне поверить, я бы предпочла сделать это по-другому. С самого начала обеда я хожу вокруг да около.

Внезапно она становится похожа на врача, который консультировал Вальтера и не знал, как сообщить, что у него рак.

– Думаю, вам никто не говорил о втором сезоне «Саги». – …?

– Втором… Что?

– Шесть основных исполнителей уже подписали контракт о том, что будут сниматься в продолжении сериала, но все остальные пока не в курсе. Я знаю об этом, так как Сегюре предложил мне вернуться. Они набрали вторую команду сценаристов, которая будет работать все лето, и о возвращении «Саги» объявят сразу после летних отпусков. У Жессики уже есть сценарий первой серии. Могу вас заверить, что все держится в строжайшем секрете, особенно от вас. Но раз мне нужно кого-то предать, то я предпочитаю предать Сегюре. Простите меня за такую неприятную новость.

Элизабет встает, смотрит на часы и берется за чемодан.

Даже не решается нас поцеловать.

– Они вас ненавидят, всех четверых.

Повернувшись, она выходит из ресторана.

На следующий день мы прекратили работу. Пока Луи не разузнает побольше об этой истории, нам нельзя ничего предпринимать. Каждый из нас захотел пережить этот первый удар в одиночку, и я провел весь день дома, в кресле.

В нашем контракте обусловлено, что никто, кроме нас, не имеет права работать над восемьюдесятью сериями «Саги», но ничто не мешает дирекции выставить нас за дверь и запустить продолжение сериала. Как мы могли быть настолько наивны, чтобы поверить в желание Сегюре завершить «Сагу»!

Да мы самые никудышные сценаристы в мире, раз не смогли предвидеть подобного поворота событий.

Ну и кретины же мы!

Придурки!

Сами во всем виноваты!

Позвонил Старик и сказал, что ему нужен еще день. На этот раз я несколько часов подряд просидел на скамейке в сквере. Хотя я и атеист, однако поплелся в церковь, надеясь найти там немного покоя.

Вся троица уже на месте. У Тристана на ушах наушники. Старик сидит на краю стола, и мы не в силах оторвать взгляд от рукописи в его руке.

– Как ты ухитрился раздобыть ее, Луи?

– Как мелкий воришка. Поздно вечером зашел в производственный отдел, подождал, когда все разойдутся, а потом несколько часов рылся повсюду, пока не нашел дискету в столе Сегюре. Сделал копию, а дискету положил на место.

Я спрашиваю, прочитал ли он первую серию.

– Конечно, я не смог сдержаться. Сделайте себе копии, и мы поговорим об этом через час.

Мы с Жеромом закончили читать одновременно и молча стали ждать Матильду. Никому не хочется заговаривать первым.

– Не скажешь, что читается с трудом, – произносит она. – Одно очко в их пользу.

– Даже более гладко, чем у нас, – говорит Жером.

– Профессионально.

– Выверено.

– Без сбоев.

Можно сказать и так.

При чтении этой серии я понял, что кража персонажей не самое страшное, что может случиться со сценаристом. Гораздо хуже, когда кто-то другой пытается идти по твоим следам и тщетно оставаться тебе верным. То же самое, что просить прощения за ошибки, которых не совершал.

Джонас становится своего рода героем, сознательным полицейским, и в два счета отправляет Менендеса в тюрьму.

Мордекай отдает все свое состояние бездомным детям.

Существо отправляют в центр реадаптации.

У Милдред случается выкидыш, но она быстро приходит в себя и возвращается в Штаты, собираясь сделать блестящую карьеру в университете.

Вальтер излечивается от рака, а Фред отныне занимается разработкой экономичного и экологически чистого двигателя.

Камилла вновь обретает вкус к жизни. Она мечтает о ребенке от Джонаса.

Увы, не все так прекрасно в этом лучшем из миров – пока в нем еще не удалось уничтожить всех отрицательных героев (надо же все-таки положительным героям с кем-то сражаться, чтобы продлить жизнь сериалу).

Брюно становится банковским грабителем. Это трагедия для Френелей и психологическая драма для Джонаса, вынужденного охотиться за своим шурином.

Эвелин превращается в настоящую стерву. Она невероятно ревнива и всю свою энергию тратит на то, чтобы поссорить большую и дружную семью Френелей и Каллахэнов.

Переизбыток новых персонажей. Некий Тед, известный программист, общается с Милдред через Интернет. Можно предвидеть, что это будет идеальный жених. Кристина – подружка Брюно, дрянная девица, несущая несчастье – балуется героином. Кроме них, есть еще: бойкий приятель Джонаса, делающий карьеру политика; красавица-принцесса из Ганы,

ищущая любовь; неудачливый крупный промышленник, страдающий бессонницей, и многие другие.

– А как вы находите диалоги?

– Диалоги?

– Они немногословны.

– Удачны.

Удачны, как выстрел из ружья, когда все остальные аргументы уже исчерпаны. От диалогов несет искусственностью, все эти люди говорят на мертвом языке – языке бесцветном, фальшивом и плоском, который выражает все, что угодно, кроме того, что нужно. Искренность превращается в наивность, а наивность – в дебильность. Любая, немного возвышенная фраза становится высокопарной, а уличный жаргон превращается чуть ли не в мат. Резкость выглядит вульгарной, нежность – слишком слащавой.

– Что вы думаете об оригинальности?

– Оригинальности?

– Трудно сказать…

Нет, вовсе не трудно; Они кастрировали боевого быка и сделали из него рабочего вола. Во время чтения меня не покидало ощущение, что авторы старательно зашлифовали все острые углы наждачной бумагой. Нет ни одной неровности, предмет настолько гладок, что выскальзывает из рук. Пытаюсь представить этих несчастных, получивших приказ: «Только не делайте то, что вам взбредет в голову! Только не делайте то, что вам взбредет в голову!». В том современном мире, который они нам показывают, никогда не было Фрейда и Маркса, его равновесие не нарушал сюрреализм, он не истекал кровью при фашизме и уж, конечно, не ввергнет нас в великий хаос в конце этого века.

Я не уверен, что наша «Сага» намного лучше, но мы хоть пытались что-то сказать.

– Больше вам нечего добавить? – спрашивает Луи.

Нет, нечего или, наоборот, слишком много. Можно кричать, что это подлость, предательство, можно разыгрывать mater dolorosa[9]. Можно переходить от возмущения к огорчению и от огорчения к презрению. Но на самом деле все испытывают отвращение.

– Юридически мы бессильны. Наши права распространяются только на серии, предусмотренные контрактом. Это моя ошибка, – говорит Луи.

– Ничего подобного. Разве кто-нибудь из нас мог предвидеть в тот день, когда мы впервые здесь встретились, что станет с «Сагой»?

В конце концов, «Сага» выполнила свою роль: помогла нам завоевать положение и даже принесла денег. Мы отлично развлеклись, и у нас появилась работа на два года вперед. Позднее, когда мы станем старыми и больными, нам достаточно будет посмотреть хоть одну серию «Саги», чтобы вспомнить часть своей юности.

– Вы снова сочтете меня сентиментальной, но больше всего мне жаль наших героев. Все, кого мы любили, станут мерзавцами.

– Можете назвать меня циником, – говорит Жером, – но попытайтесь представить, как они теперь наживутся.

– Знаю, что сойду за обычного демагога, – говорю я, – но мне больше всего жаль девятнадцать миллионов телезрителей, веривших нам до сих пор. Вы когда-нибудь видели сериал «Миссия невыполнима»?

До чего же разная реакция: от тоскливого ворчания Тристана до категорического «нет» Матильды.

– С каким напряжением я смотрел в детстве тридцать первых серий. Мне казалось, что внутри у меня все переворачивается, когда я слышал музыкальную заставку, и я бы убил

отца и мать, если бы они помешали мне смотреть телевизор. Именно из-за этого сериала я и захотел стать сценаристом. И вот как-то сентябрьским вечером начали транслировать четвертую часть. Та же музыка, та же интрига, те же актеры, и в то же время все другое. Какое-то дерьмо. И никто не смог объяснить бедному мальчугану, куда пропало то волшебное зрелище, которое он считал самым прекрасным в мире. Много лет спустя я где-то прочитал, что право на сериал перекупил «Парамаунт» и, воспользовавшись тем, что постоянная команда сценаристов ушла в отпуск перед началом четвертого сезона, все изменил. Машина сломалась, хотя это не помешало им снять несколько десятков серий, о которых теперь никто не вспоминает.

Тристан аплодирует моей маленькой речи, не переставая следить за метеосводкой.

– За время своей работы я получил столько оплеух, – говорит Старик, – что теперь меня ничем нельзя пронять. Но на этот раз у меня сложилось впечатление, что мы нашли своих учителей.

– … ?

– Что?

– Луи! Ты действительно считаешь, что это хорошо?

– На первый взгляд это обычный дурацкий сценарий, который и выеденного яйца не стоит. Но когда в нем обнаруживаешь хорошо замаскированную идеологическую базу, то хочется рукоплескать их гениальности.

В наших рядах воцаряется растерянность. Но Луи и не собирается шутить.

– Можно сказать, что они работают на уровне подсознания.

– Как 25-й кадр?

– Вот именно. В безобидные перипетии сюжета они заложили зачатки идей, распознать которые невозможно, но которые действуют на подсознание зрителя.

– Луи, ты свихнулся! Это от шока…

– Хотите примеры? История Кристины – чистой воды пропаганда о вреде наркотиков в наименее раздражающем виде. Новые исследования Фреда показывают, что любые экологические законы имеют свои пределы. Страдающий бессонницей промышленник – это попытка оправдать безработицу и возможность восстановить репутацию пошатнувшегося либерализма.

Мне немного трудно следить за его мыслью. Но Луи, кажется, убежден в своей правоте.

– А вы заметили, как они обыграли «дробление» населения?

– Что?

– Дробление – это явление, заключающееся в изоляции людей. Человек заказывает обеды домой, болтает с подружкой по Интернету, все время проводит у телевизора, живет как улитка в раковине, что считается чуть ли не главной добродетелью, и боится выходить из дома, так как улицы полны опасностей.

– Ты смеешься, Луи. Я не заметил ничего подобного.

– Именно этого они и добиваются, но я считал вас более проницательными. Только не говорите, что вы не оценили по достоинству типа, окончившего Институт политических наук.

Совершенно не представляю, о чем он говорит.

– Вначале я даже не понял, зачем они его ввели, но потом догадался, что его значение будет постепенно расти. За три серии из него сделали ответственного руководителя – амбициозного, но в то же время бескорыстного. Всего за три серии! И обыграли это настолько талантливо, что я позавидовал. Он обладает и чувством юмора, и небольшими недостатками, делающими его человечным, и моральными принципами – в общем, отличным

парнем. Если этот персонаж был создан не для того, чтобы примирять массы с политикой властей, то остается только пожалеть об этом.

– Бред! Бред-бред-бред-бред!

Я тоже хотел бы присоединиться к Жерому и сказать, что это бред, но в примерах Луи есть что-то тревожащее. То, каким образом Сегюре пытается отобрать у нас «Сагу», не имеет ничего общего с рейтингом или большими деньгами. Давно известно, что телевидение – главное оружие власти, и нет ничего удивительного в том, что государство вмешивается в творческий процесс, когда политика уже давно никого не интересует.

– Можете считать меня параноиком, но я уверен, что на роль бывшего студента они возьмут актера, чья внешность соответствует представлению об идеальном кандидате в президенты.

Поскольку Жером продолжает считать, что Луи несет чушь, тот безжалостно наносит ему последний удар:

– Если мне скажут, что сценарий 81-й серии был написан во время последнего заседания Совета министров, я ничуть не удивлюсь.

Жером хватается за грудь, словно его пронзили стрелой, и падает навзничь на диван. Я не совсем понимаю, что ему так не нравится в доводах Луи, если не считать вполне естественных преувеличений, как у любого человека, чье воображение слишком разыгралось.

– Девятнадцать миллионов зрителей, дети мои, девятнадцать миллионов!

– С тобой мы уже ничему не удивляемся, Луи, однако слышать от тебя о государственной пропаганде, сказках Биг Бразера и телевизионном оболванивании – это уже слишком! Прямо политический триллер пятидесятых годов!

– Я понял этот текст именно так и никому не навязываю свое мнение. Очевидно одно: мы породили чудовище. А будет ли оно служить теперешней власти, торговцам ванилью или спровоцирует новый кризис, не имеет значения. Из этого дерьма нам уже не выбраться.

Молчание.

Матильда, стараясь не привлекать к себе внимания, закуривает сигариллу. Взглядом она спрашивает меня, что я об этом думаю, и я гримасой отвечаю, что ничего не понимаю.

Тристан по-прежнему смотрит телевизор. Жером интересуется, что же теперь делать.

Вопрос повисает в воздухе. Нам остается только что-то придумать, поскольку это наша профессия.

Все принимаются ломать голову, словно речь идет о решающем эпизоде «Саги».

– Если у кого-нибудь есть идея…

Идея, черт возьми! Единственная идея, чтобы помочь нам выбраться из ловушки, в которую мы сами себя загнали. Идея, чтобы показать, кто на борту хозяин.

– Я кое-что придумал, – не разжимая губ, произносит Луи.

Делая вид, что ничего не случилось, мы покорно принялись за работу. Ален Сегюре, с каждым днем становящийся все доброжелательнее, попросил нас особенно тщательно сделать пять последних серий. Он хочет, чтобы конец сериала произвел фурор и навсегда остался в памяти народа. «Сага» умрет естественной смертью, но эта смерть будет достойной!» – сказал он. И добавил, что квоты на французские постановки перевыполнены, цель достигнута и дело закрыто. Он восхищает меня своим потрясающим апломбом, своей великолепно скрываемой двурушностью. У него даже хватило наглости заявить, что если у кого-либо из нас есть предложения по поводу нового сериала, то он с удовольствием рассмотрит их во время отпуска. Думаю, следует воздать должное его скрытности:

продолжение «Саги» почти готово, но узнать эту тайну намного сложнее, чем ограбить Французский банк. Даже если порой Сегюре и ведет себя как домохозяйка из Вара, он никогда не забывает о блестящем будущем, обещанном ему в Национальной школе администрации.

Чтобы удовлетворить его желания и показать, что тоже заботимся о качестве, мы изменили свой стиль работы, максимально пользуясь массой средств и временем, предоставленным в наше распоряжение. Мы исписываем в два раза больше страниц, чем нам нужно для каждой серии. Любой эпизод разрабатывается в трех-четырех вариантах, и все они снимаются, чтобы было что выбрать при монтаже.

Сегюре и Старик, трудясь рука об руку, целыми днями просиживают у Вильяма, обсуждая каждый кадр и стараясь отобрать лучший. Сегюре, удивленный тем, что вновь контролирует «Сагу», в конце концов пристрастился к творчеству. Как настоящий сценарист он теперь умеет обосновать, почему выбирает ту или иную из предлагаемых ситуаций. Например, Фред разработал новое изобретение, которое способно:

1. Спасти мир.

2. Низвергнуть его в хаос.

Сегюре склоняется к первому варианту, объясняя, что апофеоз вовсе не означает Апокалипсис. Первая ситуация приводит нас к новой альтернативе.

Чтобы спасти мир, Фред должен:

1. Пожертвовать дорогим ему существом.

2. Заключить союз с оккультной силой, которая предоставит ему необходимые средства для исследований.

Сегюре возмущен. Пожертвовать дорогим существом? Об этом не может быть и речи! Никто бы не поступил так, чтобы спасти миллиарды неизвестных людей. Несмотря на риск, принимается вариант 2. Оккультная сила, это:

1. Сверхмогущественная политическая организация, стремящаяся усилить противоречия между Севером и Югом.

2. Секта милленаристов, которая хочет во что бы то ни стало подготовить человечество к великому хаосу 2000 года.

3. Сказочно богатый Мордекай, пытающийся придать смысл своей жизни.

4. Лобби защитников Высшей Мудрости, которое хочет навести ужас на местную власть.

5. Экономическое сообщество, тоскующее по холодной войне.

6. Объединение фанов ролевых игр, считающих Землю театральной сценой.

Во имя домохозяйки из Вара, рыбака из Кемпера и безработного из Рубе единственным приемлемым вариантом признается 3, и именно он затем снимается. Так же тщательно Сегюре проверяет и другие интриги, считая теперь, что нам повезло заниматься таким интересным делом.

76-я серия побила все рекорды по рейтингу, установленные на французском телевидении даже в те времена, когда зритель смотрел всего один канал. В эпоху, когда все превращается в культ и миф, «Сага» тоже не избежала подобных ярлыков. Еще до того, как была показана последняя серия, уже появилась книга о сериале. В ней рассказывается о нашей четверке, и хотя там нет ни слова правды, такое внимание показалось нам лестным. Помимо исторического экскурса и портретов каждого действующего лица, в книге есть глава, посвященная анализу типичного Человека «Саги». По мнению автора, благодаря «Саге» возникли «новый характер», «образ жизни» и «отношение к миру». Человек «Саги» близок всем, поэтому у него нет идеалов, и однако все его мысли могут быть выражены одной фразой: кто был ничем, тот станет всем. Он ищет в любой ситуации юмор, и это, пожалуй, лучше всего его характеризует, поскольку драмы и проблемы пробуждают в нем стремление

к убийству. Однако он не переносит циников. В повседневной жизни часто исповедует сюрреалистические идеи, которые мы слишком быстро похоронили. Человек «Саги» убежден, что в конце этого века подлинно революционным может быть только счастье. Он не сторонник моногамии. Пьет много чая и умеет готовить прекрасные овощные блюда. И, разумеется, пользуется духами с запахом ванили.

Я не мог не испытывать волнения при чтении этих страниц, но не представлял, стоит ли нам гордиться, что мы породили подобное детище. Возможно, в этом есть доля правды, но я всегда захожу в тупик, когда мне нужно что-нибудь анализировать или синтезировать. Так было и в детстве – на уроках французского я всегда получал 18 баллов за сочинение и 2 балла за анализ текста. Что касается «Саги», то я один из четырех типов, находящихся в самом невыгодном положении, чтобы ее оценивать.

Недели проносятся с бешеной скоростью, серии 77, 78 и 79 прошли одна за другой, и я даже не обратил на это внимания. В ожидании освобождения, которое должно наступить двадцать первого июня, я безропотно подчинил себя «Саге», начиная с того, что забыл о своей личной жизни Шарлотта так и не откликнулась на мой призыв, хотя я не знаю, услышала ли она его? Может, она сейчас далеко, в стране, где нет телевидения, спутниковых антенн, телефона, или там, где жизнь похожа на ту, которую показывают в рекламе. Совсем недавно я даже начал молиться, чтобы она вернулась. А потом задумался, почему я так поступил? Мне показалось, что после того, как Бог стал одним из моих главных героев, у меня с ним возникла некоторая близость (я ведь очень старался, когда писал для него диалоги – Бог не может говорить лишь бы что). Я попросил его вернуть мне Шарлотту или указать путь к ней, взамен я пообещал сделать его элегантным, изящным и исключительно современным в глазах всех девятнадцати миллионов зрителей. Он бы от этого только выиграл: разве можно сравнить число его поклонников, посещающих воскресную церковь, и число моих, смотрящих сериал вечером по четвергам.

Сегодня я уже сожалею, что торговался с ним как бродячий торговец. Он не только не сделал ничего, чтобы привести меня к женщине, которую я люблю, но, боюсь, решил еще больше отдалить ее от меня Я сделал все, чтобы превратить ее отсутствие в шутку, но эта шутка меня больше не забавляет. А после двадцать первого июня Шарлотта будет нужна мне как никогда. Утром двадцать первого я сойду на незнакомый берег, стану наконец сценаристом, но какой ценой?

Решив не сдаваться, я применил радикальный способ, чтобы предупредить выходки моего либидо. Сам Сегюре не нашел бы столь блестящего выхода из положения. Я рассмотрел два возможных варианта:

1. Мастурбация.

2. Половой акт.

Вариант первый, на первый взгляд наиболее подходящий, лишь заглушил бы чувство неудовлетворенности и, следовательно, заставил бы потерять драгоценное время. Вариант второй сразу же требовал уточнений:

а) со старой знакомой;

б) со случайно встреченной женщиной;

в) с профессионалкой.

Я как-то уже попробовал вариант «а», и больше у меня нет никакого желания к нему возвращаться. Поскольку я сценарист, то с величайшей осторожностью отношусь к случаю, поэтому вариант «б» отпадает сам собой.

– Только не говори, что пойдешь к проститутке!

– А вот и пойду!

– Но… Даже в шестидесятых годах перестали ходить к проституткам.

Жером не может прийти в себя от изумления. Он смотрит на меня как на:

а) тоскующего по временам, навсегда канувшим в лету;

б) стыдливого извращенца;

в) героя.

Или как на смесь всех трех сразу, ни на мгновение не веря, что мною движет профессиональное любопытство.

– Послушай, а если тебе придется описывать падение Римской империи, ты что, напялишь на себя тогу?

– Быть с проституткой – совсем другое дело. Это, пожалуй, самая отработанная ситуация в мире. Подмигиваешь, договариваешься, узнаешь тариф, поднимаешься в какую-нибудь квартиру, где тебя ждут отстающие от стен обои, бесчувственные губы, разочарование после коитуса. Затем кладешь купюру на край стола и сматываешься.

– Не похоже, чтобы ты ходил к проституткам.

– И однако ходил.

– Ну и как?

– Все происходит достаточно естественно, но поражает психология действующих лиц. Я не почувствовал себя потом настолько мерзко, как рассказывают, но и не представлял, что меня начнут мучить угрызения совести, как только я выйду из комнаты. Внезапно я понял, что во всем этом грязном действе было немного и альтруизма, доброжелательности к клиенту. Несмотря на банальности, которые говорила эта девица, ей удалось внушить мне, что она занимается этим ради меня. Ради нас, парней. Выполняет своеобразную миссию. Через это надо пройти, чтобы поверить, но я говорю, чистую правду. Если бы я в каком-нибудь эпизоде описал великодушную проститутку, мне бы никто не поверил. Тем не менее это так.

– Слишком неправдоподобно.

– Поэтому я и не стану об этом писать. Пусть проститутки хранят свой секрет для тех бедолаг, кто постучит в их дверь, а все остальные об этом никогда не узнают.

Я махнул рукой на свою личную жизнь, в конце концов осталось ждать не больше двух месяцев. Да и вообще, так ли уж важно иметь личную жизнь, когда тебе доверяют и следуют за тобой девятнадцать миллионов зрителей. Доверяют… Доверяют… Это доверие смущает меня. Я не тот человек, которому можно доверять. Очевидно, именно мысль о доверии пугает меня, когда я представляю себя в роли отца. Бесконечное доверие ребенка. Это такое чистое чувство, что ты перестаешь спать по ночам, боясь совершить ошибку. Я никогда никого не просил доверять мне.

За эти два месяца нам пришлось пережить одно приятное событие. Потрясающее событие. Одно из тех, ради которых стоило браться за «Сагу». Все началось как дурная шутка, и никто не может сказать, чем все закончится. Это случилось в день святого Марка, двадцать пятого мая, но подарок достался не мне, а Жерому.

Накануне я поехал в аэропорт встречать Дюну, хотя Лина и недоумевала, почему столько шума вокруг третьестепенного персонажа. Тем не менее Сегюре без малейшего возражения незамедлительно оплатил все расходы, убежденный, что это наш последний каприз. Когда я увидел Дюну, выходящую из самолета, то понял, что она и есть воплощение нашего каприза. Потрясающе красивая. По дороге из аэропорта моя рука, сжимавшая рычаг передач, задела ее бедро, и я получил доказательство, что рядом со мной существо из плоти.

И что на самом деле она не каприз, не мираж, а самый настоящий соблазн. Женщина-соблазн.

– Вы… гм… Я хочу сказать… Вы… Вы говорите по-французски?

– Я постепенно забываю его с тех пор, как уехала моя соседка по квартире. Она была родом из Германтов и говорила длиннющими фразами. Забавно, не правда ли?

Я понимающе хихикнул, недоумевая, что же тут забавного. Этим же вечером я заглянул в словарь. Похоже, ее слова имели отношение к Прусту.

– Так вы актриса?

– О, нет. Я заканчиваю диссертацию по японскому языку в университете штата Монтана. Подруга одной моей подруги увидела объявление вашего агентства по найму актеров. Там говорилось, что ищут актрису на какую-то роль во французской мыльной опере. Подруга сказала мне: «Оона, им нужна именно ты!». Она тоже из племени хопи, но агентство выбрало меня. Честно говоря, я даже не пыталась понять, почему им была нужна такая девушка, как я, но согласилась, так как мне обещали заплатить столько, сколько я получу за два года, подрабатывая в пиццерии. Я честно предупредила их, что я не актриса, но они ответили, что это не имеет никакого значения. Главное, что я существую.

– Нам всем очень хотелось, чтобы вы существовали…

– В вашем сценарии есть фразы на японском?

– Вряд ли.

– А эта Дюна действительно должна уметь бросать бумеранг?

– Уверен, вы это умеете.

– Никому не расскажете?

– Клянусь.

– Я сказала, что умею, но на самом деле научилась позднее, раз уж это необходимо для роли. Впрочем, я не жалею. Это очень чувственный жест и прекрасное развлечение в одиночестве!

Пока она принимала душ и переодевалась во что-нибудь «более европейское», я ждал ее в холле отеля. Перед тем как отвезти ее на студию к Сегюре и режиссеру, я спросил, не хотела бы она встретиться со сценаристами.

– Почему бы и нет? В конце концов, они больше всех знают о Дюне.

– Особенно Жером, это он придумал вашу героиню.

– Вы считаете, что я… как это вы говорите по-французски «сделаю дело»?

Матильда и Луи с нетерпением ожидали нас, сгорая от любопытства, как дети. Увидев Дюну, Тристан шепнул мне, что его брат не устоит. Да и мы все подумали то же самое.

А потом вошел и он, нагруженный бумажными пакетами, с двухдневной щетиной на лице, в дырявой куртке и жутко вытертых джинсах.

– Этот поляк совсем свихнулся. Двадцать монет за коробку «Смеющейся коровы»[10], а литр кагора стоит у него как коньяк! Продолжая ворчать, он поставил пакеты, не глядя по сторонам.

– Во Франции тоже есть «Смеющаяся корова»? – с любопытством спросила Оона.

Жером обернулся. К ней.

Наступила абсолютная тишина.

Скорее брюнетка. С длинными волосами, жесткими, как проволока.

– Оона, познакомься с последним членом нашей команды. Это Жером.

– Очень рада, – сказала она, протягивая руку. – Если я правильно поняла, то именно благодаря вам появилась Дюна, а я очутилась здесь. – … ?

У нее должны быть синие глаза и матовая кожа с легким медным оттенком, как у индианок, и потом…

– Ты не хочешь поздороваться с Ооной, Жером?

– … Оона?

Улыбка… неуловимая, как у гейши. Ноги от ушей, небольшая грудь. Тоже с медным оттенком.

– Я подхожу на роль Дюны? – … ?

– Скажи ей, что она будет потрясающей Дюной, Жером.

Каждый ее жест говорит об искренности, ее лицо – открытая книга, а смех напоминает журчание ручейка.

– Кто-нибудь может показать мне сценарий? Я его еще не читала.

– Вам нужно будет заехать на студию после обеда, а затем вы сможете целый вечер учить к завтрашнему дню диалог.

– Подумать только, что еще вчера я разносила гамбургеры и, улучив свободную минутку, переводила хайку, а сегодня я в Париже и собираюсь играть в Катрин Денёв! Поистине, наши мечты материализуются.

По-французски говорит с небольшим акцентом. В определенных ситуациях, по неизвестной причине, переходит на японский. Иногда цитирует Шекспира. Кроме того, она должна уметь бросать бумеранг.

– Я отвезу вас на студию, – сказала Матильда.

Дюна пошла вслед за ней, но перед дверями с улыбкой обернулась.

– Только не бросайте меня одну в Париже! Если ни у кого нет желания заниматься Ооной, позаботьтесь о Дюне!

Затем они ушли.

Такой девушки не существует…

Жером сел на диван.

– Сколько людей на этой чертовой планете?

– Шесть миллиардов.

– Знаете, у нас лучшая в мире профессия.

Если не считать истории с другом, встретившим девушку своей мечты, за эти два месяца не произошло ничего особенного. Но кто не утрачивает представления о времени, когда начинает обратный отсчет?

Чтобы никто об этом не забывал, Старик отмечал каждое утро мелом на дверях количество дней, отделявших нас от двадцать первого июня. Съемки 80-й серии закончились за восемнадцать дней до двадцать первого числа, но я пришел в себя только сегодня, когда остается всего три дня.

Несмотря на поздний час, Луи и Сегюре все еще в монтажной, им нужно уладить последние разногласия по поводу 21-го эпизода, в котором Брюно должен умереть. Сегюре не желает, чтобы кто-нибудь умирал, он считает, что это запятнает репутацию «Саги». Негодяй забывает добавить, что все актеры уже подписали контракты на второй сезон и Брюно должен стать одним из главных героев.

В три часа утра я вижу, как Сегюре проносится по коридору, даже не заглянув в нашу комнату. Старик и Вильям вскоре присоединяются к нам. Луи вымотан до предела, он

потягивается, затем ополаскивает лицо холодной водой. Вильям устало вздыхает и закуривает сигарету.

– Он терзает нас с этой чертовой 80-й серией вот уже две недели, – говорит Старик. – А точнее, шестнадцать дней. Маэстро был более великодушен. Из всех вариантов Сегюре выбирает самый бледный, самый бессмысленный, самый комильфо.

– Вы закончили монтаж?

– Коробка почти заполнена, – говорит Вильям.

– И на что похожа эта коробка?

– На здоровую видеокассету. В следующий четверг в 20.40 ее поставят в аппарат – и поехало…

– Это будет конец путешествия, – замечает Луи.

Конец путешествия. Мы часто говорили об этом, но только сейчас эти три слова вплотную приближают нас к реальности.

Матильда уже вернулась домой. Жером набивает своими вещами большие спортивные сумки. Сегодня вечером они с Тристаном переезжают отсюда. Жером решил поселить брата в более комфортабельном месте, пока он будет готовить их переезд «туда». Я уже начинаю скучать по братьям Дюрьецам.

– У нас с Вильямом еще есть работенка, – говорит Луи. – А вы можете завтра отдохнуть.

Мы договариваемся встретиться здесь послезавтра, двадцать первого июня, в тринадцать часов, чтобы еще до вечера посмотреть, что получилось из 80-й серии.

Старик и Вильям возвращаются в монтажную. Мы с Жеромом немного наводим порядок, чтобы привести помещение в божеский вид. Еще никогда мы не двигались так быстро, еще никогда столько не молчали. Больше мы никогда не придем сюда ночью. Никогда не достанем из холодильника водку, не свесимся из окна со стаканом в руке, вслушиваясь в тишину. Никогда. Я подметаю пол, Жером вытряхивает пепельницы и завязывает мешок с мусором. Мне не хочется встречаться с ним взглядом, как, впрочем, и ему.

Я помогаю Жерому поставить на ноги полусонного Тристана. Он спрашивает, куда они направляются, и Жером отвечает:

– В отель «Георг V».

Перед тем как выйти в коридор, Тристан в последний раз бросает взгляд на свой диван и на мерцающий экран телевизора.

Четверг, 21 июня. 14 часов 30 минут.

Наша комната опустела. Больше нет ни компьютеров, ни столов, ни стульев, ни диванов, ни кофейного автомата – ничего нет. Осталась лишь видеоаппаратура. Запах жавелевой воды смешивается с запахом фиалок.

Девяносто минут 80-й серии проходят в полной тишине. Никто не произносит ни слова. Только Жером аплодирует в конце, заглушая музыкальную заставку. Матильда, сидящая на полу, украдкой вытирает слезу в уголке глаза. Старик спрашивает, что мы думаем об увиденном, но никто не осмеливается ничего сказать. Серия снята очень близко к тому варианту, какой мы придумали все вчетвером во время наших тайных собраний. Зачем говорить что-то еще после столь ужасного зрелища.

Мы договариваемся встретиться на прощание в нашем кафе в половине девятого, прямо перед началом сериала. Это уже будет настоящее прощание. А перед этим каждого из моих коллег ждет сведение счетов. Логическое завершение многих недель мозговой атаки. После чего они с легкой душой разъедутся кто куда. Поскольку мне одному нечего делать днем, я предлагаю Матильде проводить ее или хотя бы подождать в кафе.

– Вы очень любезны, Марко, но будет лучше, если я пойду одна. Вечером расскажу, как все прошло.

– Только не дайте ему заморочить вам голову, – предостерегает ее Жером. – Я прямо чувствую, как у вас дрожат ноги.

– Не беспокойтесь, Жером, партия, которую мне предстоит сыграть, мелочь, по сравнению с вашей.

– Мне абсолютно нечего делать. Теперь на сцену выходит сам Мститель.

Сколько раз мы переписывали эту безумную пьесу, которая будет разыграна в ближайшие часы. Места в партере стоят дорого, и я жалею, что не посмотрю ее. Как и Матильда, Жером хочет самостоятельно закончить свою партию.

Оказавшись на улице, мы расходимся в разные стороны. Некоторое время я иду рядом с Луи по направлению к Дому Инвалидов. Спрашиваю, в каком часу отправляется его поезд. Он достает билет, чтобы проверить.

– В 21.15. В Риме я буду ровно в десять утра.

Завидую, что он покинет корабль еще до того, как тот подойдет к пристани. Заметив второй билет, торчащий у него из кармана, интересуюсь, едет ли он один.

– А, этот? Это билет в театр.

– В театр?

– Спектакль начинается в половине восьмого. Я пробуду там не больше десяти минут, а потом присоединюсь к вам в кафе.

Мы молча пересекаем эспланаду и расстаемся перед зданием Палаты депутатов.

– До вечера, Марко!

– Не будьте с ним слишком суровы!

Но он уже меня не слышит.

Я остаюсь на набережной Сены в полном одиночестве, не представляя, чем заняться до вечера. Если бы мне удалось отыскать до завтрашнего утра Шарлотту, то все последующие дни были бы не такими мрачными. Остается надеяться лишь на случай. А я ненавижу случай. Что делать, профессиональный недостаток.

КАК БУМЕРАНГ

1. Жером

Сколько оставляют на чай парковщику в «Рице»? Вот вопрос, который Совегрэн все еще задает себе, хотя сам же находит его смешным, так как с некоторых пор стал стоить более шести миллионов долларов. Так и не разрешив сомнений, он протягивает типу в ливрее пятьдесят франков, входит в отель и останавливается у стойки администратора.

– Месье Сталлоне у себя?

Администратор снимает трубку с вежливой улыбкой на губах.

– К месье Сталлоне посетитель… ваше имя…

– Ивон Совегрэн.

– Все в порядке, – говорит администратор, опуская трубку. – Вас проведут.

Он делает знак дежурному по этажу. Совегрэн следует за ним к лифту, поднимается на второй этаж, идет по коридору. Через несколько секунд он впервые встретится с ним. Мужчина лет шестидесяти встречает его с широкой улыбкой.

– Присаживайтесь. Я секретарь Слая, он выйдет через минуту.

Совегрэну знаком этот голос, секретарь несколько раз звонил ему из Лос-Анджелеса в Париж, чтобы договориться о встрече. Совегрэн делает ему комплимент за безупречный французский.

– О, я говорю далеко не так хорошо, как хотелось бы. Я всегда обожал Париж и готов на все, чтобы чаще бывать здесь. Кстати, вы в курсе, что Слай ни слова не говорит по-французски?

– Ничего страшного. Месье Сталлоне долго пробудет во Франции?

– Он собирается обсудить один проект со Стивеном Спилбергом, у которого сейчас съемки в Версале. Слай решил воспользоваться этим, чтобы объявить французским журналистам о «Борце со смертью-2». Именно поэтому он пожелал встретиться с вами. Мы благодарны, что вы можете уделить нам несколько часов.

– Ну что вы, это мелочь.

В комнату заходит сияющий Сталлоне, застегивая на ходу рубашку. Он в маленьких круглых очках и бежевых брюках. Пожав руку Совегрэну, предлагает ему бокал вина, разыгрывая из себя хозяина дома. Кивком головы дает понять секретарю, что хочет остаться наедине с гостем. Совегрэн хорошо понимает по-английски все, что говорит Сталлоне, так как тот медленно произносит слова.

– Я уже давно хотел встретиться с создателем Мстителя, но вы знаете, как это бывает. Механизм запускается – и кроме фильма ты уже ни о чем больше не думаешь. Скажите, вы были на премьере в Нью-Йорке?

– Да.

– И мой секретарь не организовал нашу встречу?

– Вы были очень заняты рекламой фильма.

– Ба-ба-ба… Все нужно делать самому. Примите мои извинения, месье Совегрэн.

Они снова обмениваются рукопожатием, на этот раз более теплым.

– Мои сценаристы закончили работу над «Борцом со смертью-2», надеюсь, он вам понравится. Съемки начнутся через месяц. Калькутта, Лос-Анджелес и, может быть, сцена с Леди Либерти.

– В Нью-Йорке?

– Мы подумываем над одним трюком – прыжок с… как вы ее называете во Франции?

– Статуя Свободы.

– Вот будет забавно, не правда ли? С контрактом все в порядке? Вам заплатили?

– Сейчас мой агент занимается этим.

– Вы правильно сделали, что продали нам эксклюзивные права на использование вашего замысла. Так ситуация более определенна. В последующем вы будете получать четыре процента от прибыли как создатель персонажа. Не думаю, что мы станем снимать «Борца со смертью-3», но кто знает, лучше все предусмотреть. Хотелось бы, чтобы вы оценили состав актеров, вам обязательно следует придать статус консультанта. В конце концов, это ведь ваш персонаж?

– Конечно…

Множество мыслей в считанные секунды проносятся в голове Совегрэна.

– Вот увидите, второй фильм станет сильнее первого.

Секретарь стучит в дверь, приоткрывает ее, но не входит.

– Стивен…

– Уже?

Сталлоне выглядит смущенным, не зная, что делать.

– Попроси его подождать минутку.

Совегрэн успевает разглядеть через приоткрытую дверь силуэт посетителя.

– Стивен Спилберг?

– Он предложил снять фильм о моей жизни! О жалком итальянском актеришке, игравшем второстепенные роли и неожиданно написавшем сценарий о боксе! Пока я сам отказываюсь в это верить!

– Но почему, если это правда?

– Да я уже не помню, каким был двадцать лет назад!

В его глазах мелькает странный блеск, что Совегрэн принимает за ностальгию.

– Нам нельзя заставлять ждать месье Спилберга, – говорит Совегрэн вставая.

– Сидите. Я должен кое-что уточнить. Ерунда, конечно, но это начинает действовать мне на нервы. Будет лучше, если мы займемся этим сейчас.

Тон его голоса незаметно меняется. Совегрэн послушно садится.

– Имя Жерома Дюрьеца вам что-нибудь говорит?

Кровь приливает к лицу Совегрэна, тело охватывает внутренний жар.

– Жером … Дюрьец? Нет, я…

– Это французский сценарист, утверждающий, что именно он придумал Мстителя. Он осаждает мое бюро и моих финансовых партнеров. Мне совершенно не нравятся подобные истории.

Совегрэн краснеет и вытирает вспотевший лоб.

– Кроме того, его имя приобретает у нас известность благодаря какой-то комедии, права на которую приобрела NBC.

Совегрэн откашливается и нервно вертится в кресле.

– Послушайте, месье Совегрэн, в «Борца со смертью-2» мы собираемся вложить девяносто миллионов долларов, и подобная шумиха вокруг фильма никому не нужна. Мне плевать, чей это замысел: ваш, его или первого попавшегося кретина, понимаете?

– Да, я…

– У нас есть два выхода: если он лжет – я втопчу его в грязь. Если это правда, мы решаем проблему иначе. Но мне нужно знать истину – рано или поздно она все равно выплывет на поверхность, я это знаю по опыту. Слишком большие деньги поставлены на карту, вы меня понимаете?

– Но…

– Отвечайте, чей это замысел!

– Я…

Голос Сталлоне звучит необычайно твердо. Он старается поймать взгляд Совегрэна, но тот не осмеливается посмотреть ему в лицо.

– Вы заставляете меня повторяться, а я ненавижу повторяться: чей это замысел?

– А нельзя ли… договориться?

– Договориться? Я правильно понял?

– Это он, месье Совегрэн?

– Скажем, я реализовал одну идею…

– Это он?

– Да.

– Вы правильно поступили, сказав мне правду.

– Мне остается надеяться, что он согласится держать язык за зубами за деньги, которые мы вычтем из вашей доли. Иначе…

– Иначе?..

– Я знаю таких типов. Они мечтают, чтобы о них говорили, чтобы их имя было в титрах, они требуют огромных сумм в качестве возмещения ущерба. Скажите, вам это нужно?

– Что вы собираетесь делать?

– Месье Совегрэн, вернитесь на землю. Вы взломали двери Голливуда, и они распахнулись перед вами, как двадцать лет назад распахнулись передо мной. Вы теперь в когорте великих, разве вы не этого добивались? Главное – зрелище, то, что весь мир видит на экране. А о том, что происходит за кулисами, никто не обязан знать, понимаете?

– Да.

– Этот Дюрьец живет в Париже? – Да.

– Тогда я советую вам ближайшие несколько недель провести где-нибудь на другом конце света. Ликвидировать человека – значит ликвидировать и проблему. Я понятно выражаюсь?

Совегрэн больше не размышляет.

– Поступайте, как считаете нужным.

Неожиданно Сталлоне застывает на месте, глядя на зеркало.

Молчание.

Он на мгновение закрывает глаза и задерживает дыхание.

Из соседней комнаты доносится «Стоп!», и Сталлоне издает победный клич, как на спортивном чемпионате.

Совегрэн слышит какие-то голоса за перегородкой.

Из комнаты выбегают Жером и Лина и бросаются с поздравлениями к актеру.

– Я знала, что он будет великолепен! – восклицает Лина. – Как правило, двойники не умеют играть, но Джереми занимался на актерских курсах.

Жером с глубочайшей признательностью пожимает руку Джереми.

– Знаете, в какой-то момент я даже поверил, что все происходит на самом деле!

– Вы очень любезны, однако преувеличиваете…

– Ни капли! Особенно, когда вы произносили эту фразу «Вернитесь на землю… Вернитесь на землю…». Прямо, как в «Рэмбо».

– Вы обратили на это внимание? Я долго над ней работал.

– Кроме того, мне очень понравилось, как вы играете с очками. Где вы позаимствовали этот жест?

– В «Танго и Кэш».

– О да, конечно!

Совегрэну кажется, что все это происходит не с ним. Оператор и звукорежиссер тоже выходят из соседней комнаты. Лина приглашает зайти артистов, сыгравших роли секретаря и Спилберга, чтобы поздравить их с успехом.

– У меня было двенадцать Сталлоне, но чтобы найти Спилберга, понадобилась уйма времени. К счастью, я встретила Стюарта.

В номер заходит официант, катя перед собой тележку с шампанским. Через две минуты торжество в разгаре.

Совегрэну протягивают бокал, но он отказывается.

Никто не обращает на него внимания.

Все обращают на него внимание.

Совегрэн пытается поймать взгляд Жерома, и тот наконец подходит к нему.

– Есть одна вещь, Совегрэн, которую я не понимаю. Как вы могли клюнуть на фразу: «Главное – зрелище, то, что весь мир видит на экране. А о том, что происходит за кулисами, никто не обязан знать…». Вы действительно поверили в этот идиотизм?

Совегрэн изо всех сил старается сохранить спокойствие.

– Это так же бездарно, как самый бездарный гангстерский фильм. Вы самый бездарный сценарист в мире, который ничего не соображает в логике положений. Неужели такая звезда, как Сталлоне, опустится до уровня Аль Капоне? Даже в тридцатые годы это бы не прошло. Голливуд этим не занимается. Ключи от королевства всегда находятся в руках адвокатов.

– Тем более, что Слай действительно отличный парень и не впутывается в подобные делишки, можете спросить у Джереми.

– Что вы хотите?

– Я получил пленку, доказывающую, что вы украли у меня «Борца со смертью», не говоря уже о том, что дали согласие на мое убийство. И это могут подтвердить перед любым судом, от Парижа до Лос-Анджелеса, шесть свидетелей.

– Я спрашиваю, что вы хотите.

– Не больше, чем граф Монте-Кристо в книжке Дюма. Я хочу, чтобы на мое имя были переписаны все контракты и чтобы мне были возвращены все выплаченные вам гонорары. Я хочу, чтобы вы во всем сознались перед продюсерами и Сталлоне. Я хочу, чтобы вы полностью возместили мне затраты по этой постановке, – кстати, чудовищная сумма для пятиминутного фильма. Наверняка, самая дорогая в мире короткометражка. Но она того стоила. Представьте, сколько раз я буду прокручивать этот маленький шедевр!

Совегрэну хотелось бы сказать что-нибудь. Ухмыльнуться. Принять высокомерный вид. Уйти, сохранив достоинство, но ему это не удается.

Жером смотрит ему вслед.

– Шампанское можете отнести на мой счет.

2. Матильда

Матильда на мгновение задерживается перед зеркалом, в последний раз окидывая себя взглядом. Никогда еще она не казалась себе такой красивой.

Едва она входит в офис, как Виктор бросается к ней, берет за руку и прижимает к своей груди. Потом целует кончики ее пальцев.

– Перестань, а то это напомнит мне мои восемнадцать лет.

Он усаживает Матильду в кресло, но сам продолжает стоять возле нее.

– Почему ты так долго не отвечала на мои звонки? Я боялся, что ты на меня злишься.

– Мне казалось, я заслуживаю большего, чем сообщения на автоответчике. Если бы ты написал мне письмо, я бы наверняка отозвалась быстрее.

– Письмо? Ты же знаешь, я никогда не пишу писем.

– Вот именно. И поэтому я была бы тронута, что ты сделал для меня исключение. Никогда не могла понять, почему человек, столь требовательный к тому, что пишут другие, никогда не пытался писать сам.

– Думаю, я не ошибся в выборе профессии.

– Ни одного любовного письма. И это за двадцать лет. Ни одной записки, оставленной на краю стола: «До завтра, милая»,

– Зато я умею многое другое. Например, лучше всех заваривать чай.

– Да, разве можно забыть твой чай? Ты всегда заваривал его перед тем, как заговорить о моих рукописях. Если в твоем бюро витал аромат бергамота, я знала, что все пройдет хорошо. Если чай был слишком крепким, я готовилась получить порцию розог. А сегодня мы будем пить бурбон, тот, который ты держишь во втором ящике слева.

Он убежден, что она шутит.

– Ты пьешь?

– Уже нет, но мне это помогало, когда ты выгнал меня отсюда.

– Я никогда не хотел причинить тебе боль, Матильда.

– Я пришла не для того, чтобы говорить об этом. Расскажи, как поживают мои знакомые романистки с тех пор, как ты официально заявил, что все они носят имя Матильды Пеллерен?

– Ты не должна на меня за это сердиться. Ни один издатель в мире не удержался бы от такой рекламы. Тридцать два романа, написанных единственной женщиной-сценаристкой «Саги». Их расхватали в одно мгновение! Ты побила рекорды Барбары Картленд и Пенни Жордан, я продал права на переводы в двадцать семь стран, и во главе списка – США и Англия. Я продал шесть романов киношникам, а серию о Джейнис – телевизионщикам.

– Значит, двадцать лет моей жизни не прошли даром.

– И это все, что ты можешь сказать?

– У меня не было права голоса.

– Мы теперь богачи, Матильда.

Она некоторое время молчит, потом делает небольшой глоток виски.

– Как поживает твоя жена?

– Ты же знаешь, какую роль она играет в моей жизни и почему я на ней женился.

– Она подарила тебе двоих детей.

– Матильда!

Чтобы прервать разговор, он наклоняется и пытается поцеловать ее. Она его не отталкивает.

– Я никогда не найду мужчину, который целуется так, как ты, и который умеет ласкать так, как ты.

– Зачем тебе искать кого-то другого?

Он пытается обнять ее сильнее, но на этот раз она отталкивает его.

– Сядь, Виктор.

Это приказ. Он никогда не слышал такой твердости в ее голосе.

И подчиняется.

– Бедные Пэтти Пендельтон, Сара Худ, Эксель Синклер и все остальные. Я родила их, а ты похоронил. Может быть, ты и прав.

– Мы создадим отличную команду, ты и я. У меня есть грандиозные проекты.

– У меня тоже. Начну с того, что попрошу тебя немедленно оставить это бюро. Личные вещи тебе отдадут немного позднее.

– …?

– Знаешь, раньше я не умела придумывать себе псевдонимы, это ты находил их. Но сегодня настал мой черед. «Финеста», приобретшая 12 процентов акций издательства «Феникс», «Провоком», купивший 18 процентов, «Группа Берже» – 11 процентов и, наконец, «Ти-Маль-Да», что означает анаграмму моего имени, которой ты уступил 16 процентов. У тебя остается жалких 43 процента, и ты здесь больше не хозяин. Будешь уходить, оставь бурбон, он мне очень нравится.

Ошеломленный, Виктор пытается улыбкой ответить на улыбку Матильды. Она, не дрогнув, выдерживает его взгляд, сама удивляясь своему самообладанию.

– Мне совсем не нравятся такие шутки, Матильда.

– А я, став сценаристкой, терпеть не могу повторяться. Убирайся.

Он закуривает сигарету, чтобы потянуть время и подумать, делает несколько затяжек и раздавливает ее в пепельице. Матильда скрещивает руки на груди и смотрит на него настолько надменно, что кажется еще красивее.

– «Феникс» принадлежит мне, Матильда.

Она разражается смехом.

– Жером говорил, что это будет сказочный момент, но даже он не предугадал то, что я сейчас испытываю.

Виктор стучит кулаком по столу, пинает ногой стул и сбрасывает на пол стопку книг. Он похож на раненного стрелой льва, теряющего силы, но продолжающего рычать.

– А ты поваляйся у меня в ногах. Кто знает, вдруг мне тебя станет жаль. Но я могу почувствовать и отвращение. Рискни, если не боишься.

– Ты же знаешь, что такое для меня «Феникс»! Если ты отнимешь его у меня, я…

Виктор резко замолкает, не в состоянии произнести угрозу. Он чувствует что, разъярившись, проиграет партию.

Неожиданно он опускается к ногам Матильды. Прижимается щекой к ее колену. Она рукой проводит по его волосам.

Некоторое время они молчат.

Матильда вспоминает.

Она касается ладонью щеки Виктора. Одна слеза скатывается ей на палец. Она подносит его к губам, чтобы узнать наконец вкус слез того, кто так часто заставлял ее плакать.

– Я придумала и другое решение…

Виктор медленно, словно послушный пес, приподнимает голову.

– Я могу дать тебе шанс и сделать директором моего издательства.

– Все, что захочешь.

– Но при условии, что ты напишешь роман.

– …?

– Большой любовный роман, полный искренних чувств.

Виктор все еще ничего не понимает.

– Я хочу, чтобы ты рассказал историю Виктора и Матильды с первой минуты их знакомства. Первый взгляд, первые слова, первые жесты. Хочу знать все, что с самого начала происходило в твоей душе. Хочу, чтобы там были интимные постельные подробности; хочу вспомнить все, что ты шептал мне на ушко; хочу восторгаться любыми воспоминаниями, о которых могла уже и забыть. Хочу бесконечные описания наших ночных прогулок; хочу, чтобы ты написал о моих ногах, которыми восторгался в то время; хочу знать, о чем ты думал, когда целовал меня в общественных местах. Я хочу, чтобы ты вспомнил о каждом моем романе и о том, как себя вел, получая мои рукописи. Ты вспомнишь о счастливых днях, когда мы только начали работать, и о тех, что последовали за ними. Я хочу, чтобы ты показал расцвет нашей любви и ее упадок. Хочу знать все о твоей встрече с будущей женой, все, что ты скрывал от меня: твои измены, подлость, трусость. Хочу, чтобы ты живописно описал, как заставлял меня страдать. Хочу снова прожить эти двадцать лет. Я хочу эту книгу, для меня одной.

Потрясенный, Виктор даже не пытается встать с колен.

– Я хочу, чтобы это был замечательный роман, чтобы я читала его и рыдала. Даю тебе год. Если он мне не понравится, я швырну его тебе в лицо и ты будешь работать над ним до тех пор, пока он не превратится в маленький шедевр. Ты так любил добиваться этого от меня.

– …Ты действительно потребуешь от меня такого?

– Уверена, что ты не станешь искать себе соавтора; не представляю, что ты можешь рассказать кому-то в мельчайших подробностях нашу историю! Особенно те вещи, которые способны тебя скомпрометировать.

Она разражается хохотом.

– Теперь ты поймешь, легко ли писать о любви. Отправляйся домой и берись за работу. И помни, это должно быть талантливо!

Она открывает дверь и выталкивает его на площадку.

– Тебе нужно всего лишь думать о нас…

3. Луи

Луи входит в театр последним, когда публика уже сидит на своих местах, приготовившись к предстоящему зрелищу и овациям. Такая единодушная реакция зрителей, еще до подъема занавеса, всегда его раздражала. Он думает, а не приходит ли публика в театр лишь для того, чтобы увидеть актеров вблизи и убедиться в волшебной силе их таланта. Луи готов признать, что одни люди умеют сочинять фразы, а другие – произносить их, но он не способен понять, почему все превозносят вторых и забывают первых. Каждый раз при виде переполненного, как сегодня вечером, зала, он представляет, как молодой драматург, живущий в трех шагах отсюда в какой-нибудь жалкой лачуге, пишет пьесу, которая когда-нибудь произведет фурор.

Опоздавшие ищут свои места, остальные уже проявляют признаки нетерпения. Легкий шум проносится по рядам. Перед тем как покинуть зал, Луи бросает последний взгляд на зрителей, занавес, огромные люстры, вечерние наряды и в тысячный раз повторяет себе, что именно из-за всего этого Лиза его и бросила.

Хорошо зная дорогу, он проходит через лабиринт коридоров, пробирается за кулисы и без стука входит в уборную.

Актер, пристально всматриваясь в свое отражение, проводит по ресницам черным карандашом. Заметив в зеркале силуэт Луи, он удивленно оборачивается.

– Станик?

Луи сбрасывает со стула груду одежды и усаживается на него.

– Кто вам позволил войти?

Луи не отвечает. Актер пожимает плечами и продолжает наносить грим.

– Мой выход через пять минут.

– Пять минут для актера – очень много. За пять минут вы можете увести нас очень далеко.

Наклонившись к зеркалу, актер, выставив подбородок, быстрыми движениями наносит на лицо пудру.

– Я что-то не видел вас на похоронах.

– Зато я видел ее тело на полу, кровь на виске, а вы в это время находились в Испании.

– Вы хотите сказать, что ничего не случилось бы, будь я рядом?

– Если такую женщину, как Лиза, оставляют одну на три месяца, это значит, что ее не любят.

Актер вертит головой в разные стороны, чтобы размять шейные позвонки.

– И вы пришли сюда, Станик, только ради того, чтобы сказать мне это?

Луи достает сложенный вдвое листок и протягивает его актеру.

Ты, жалкий сценарист-неудачник!

Можешь еще немного подождать, так как вначале я займусь дерьмовым актеришкой, и он подохнет, как Мольер! Хотя и недостоин такой смерти! А потом наступит и твой черед, Станик.

Актер бросает бумажку на край стола и пожимает плечами.

– Какой-то безумец. Он уже присылал мне похожие письма.

– Самое непонятное в этом деле – существование третьего мужчины. Он утверждает, что любил Лизу больше, чем мы вместе взятые, но только сумасшедший может говорить такое. Вы не знаете, кто бы это мог быть?

– Третьего мужчины не существует, Станик. Это просто какой-то неуравновешенный тип, начитавшийся газет. Полиция считает, что подобные психи никогда не переходят к действиям.

Луи бросает взгляд на пачку писем, лежащую на стуле.

– Он не присылал вам записки с пожеланием успеха, чтобы еще больше нагнести обстановку?

– Может быть, но я никогда не читаю писем перед выходом на сцену. Суеверие.

Несколько озадаченный, Луи на минуту задумывается. Он рассчитывал увидеть перед собой напуганного человека, но пока его ожидания не сбываются.

– Сегодня вечером я уезжаю. Писатель может писать в любой забытой богом дыре, это его единственная привилегия. Зато все заранее знают, где можно найти вас по вечерам в ближайшие три месяца. Прекрасно освещенная мишень.

В дверь стучат, чтобы поторопить актера с выходом. В ответ он ругается.

– Вы пришли сюда ради этого, Станик? Вам хотелось увидеть мой страх?

Молчание.

Неожиданно актер разражается смехом, громким, искренним смехом человека, не нуждающегося в сочувствии.

– Знаете, Луи, почему мне плевать на эти угрозы? Потому что никто: ни вы, ни те, кто ждет в зале, ни даже этот идиот не могут представить, какой панический страх я испытываю сейчас, перед выходом на сцену. Бояться анонимного письма, мне? Бояться жалкого кретина, который хочет напасть на меня в городе? Да это просто смешно…

Обманутый в своих надеждах, Луи утрачивает всю самоуверенность и превращается в обычного зрителя, наблюдающего за последними приготовлениями актера.

– То, что я испытываю сейчас, больше похоже на холодный ужас. Моя жизнь для меня не имеет никакого значения, я готов сбежать на другой конец света, послать все к черту, обрушить проклятия на весь мир, отрицать, что я существую, кричать, чтобы меня разбудили, звать мать, да, свою мать… кстати, где она сейчас, эта стерва?.. Успокойтесь, Луи, вам известен лишь жалкий страх, а я рассказываю вам о страхе гораздо более ужасном, более беспощадном. О страхе высшей категории. Внутри меня живет зверек, пожирающий мои внутренности. У него зверский аппетит, и я кормлю его с того дня, когда решил стать актером. Можете ли вы представить, что испытывает человек, которому капнули кислотой на язву? Я бы хотел увидеть его реакцию. Помните, как у Виктора Гюго: «… на поле, покрытое трупами, опускается ночь». Но только через несколько секунд придется прекратить жалобы и отправляться вкалывать, а иначе нужно менять профессию.

Все получается совсем не так, как рассчитывал Луи, и он не знает, как себя вести.

– Да, вас не назовешь трусом. И это, безусловно, то, что привлекало в вас Лизу.

– Я никогда не заставлял ее бросить вас, Луи.

– Но почему тогда она ушла? Черт побери, что было у вас, чего не мог дать ей я?

– Светской жизни, всего лишь светской жизни! Лиза ее обожала, и вы это прекрасно знаете. Я никогда не посещал светские обеды настолько часто, как после нашей свадьбы. Когда я отказал «Пари-Матч» сфотографировать нас дома, она неделю со мной не разговаривала. Однажды она устроила скандал только потому, что на премьере Мольера сидела слишком далеко от министра. Если бы вы знали, как мне противен весь этот шум вокруг этой чертовой профессии!

– Если бы мне тогда досталось немного признания, ну хоть самую малость, хоть отблеск той славы, что есть у вас, возможно, она до сих пор жила бы со мной в полном здравии.

В уборную с решительным видом врываются директор театра и режиссер. Актер успокаивает их и просит минуту подождать. Они выходят.

– Я понимаю, что вы считаете все это несправедливым, Луи. И все же…

Впервые с момента появления Луи он выглядит неуверенным.

– И все же, если бы вы знали, как я вам завидую.

– …?

– Вам, авторам, не нужен никто. Вы первыми сочиняете первое слово первой фразы. И дальше работаете свободно, как вам заблагорассудится. А в тот день, когда мы играем ваши пьесы, ваши мысли уже далеко, вы готовите новое путешествие, в которое нам хотелось бы отправиться вслед за вами.

Внезапно душа Луи освобождается от жгучей злобы. Актер выходит из уборной и дважды хлопает в ладоши, словно совершая какой-то свой обряд.

Мужчины обмениваются долгим рукопожатием. И взглядом. Первым.

– … Мне пора, – говорит Луи. – Но мысленно я буду с вами.

Перед тем как покинуть театр, Луи возвращается в зал и на несколько секунд замирает на ступеньках. Вокруг него – тишина и темнота.

Занавес поднимается. На сцене – актер.

Один.

Зал взрывается аплодисментами, и Луи аплодирует тоже.

Пьеса начинается…

4. Я

– Маэстро часто говорил: «Рассказ – это стрела, нацеленная на мишень, когда вы натягиваете лук».

– Так прямо и говорил?

– Написав первые слова, вы уже должны знать конец истории. Эпилог должен быть включен в пролог. Вы должны знать мораль своей истории, как только произнесете слова: «Жили-были…»

Мы встретились в нашем кафе в половине девятого вечера, как и договаривались. Оставалось десять минут до начала последней серии «Саги». Десять минут до начала прощания.

Матильда заказывает рюмку кальвадоса и кофе. Она выглядит необыкновенно красивой, измученной и спокойной. Она все-таки выиграла безумную гонку. До последнего момента мы были уверены, что она дрогнет. Матильда, у которой такое доброе сердце. Матильда, готовая достать луну с неба в обмен на улыбку. Нам не слишком нравилась мысль оставлять ее наедине с негодяем, заслуживающем того, чтобы ему дали по морде. Но наша Матильда не сдалась! Она повергла дракона, которого когда-то любила. За эти месяцы она научилась использовать палитру каждого из нас: Жером, которому нет равных в изобретении способов мщения, нанес основной фон, Луи поработал над деталями и нюансами, а Марко положил

последний мазок. Теперь Матильда свободна, избавлена от своих демонов. «Саге» удалось даже такое.

– Я буду сожалеть о перцовке, – вздыхает Жером. – Мне срочно придется привыкать к виски. «Джек Дэниэлс», двойной, пожалуйста.

Я тоже заказываю виски. Тристан ждет брата в шикарном «Рено-Эспас», который они арендовали два дня назад. Мне кажется, что я никогда не видел Жерома таким счастливым, как сегодня. Он обещает мне показать пленку, где Совегрэн попадает в ловушку. В этой одноактовке я тоже принял участие. Диалог полностью принадлежит Жерому, но неожиданное появление Спилберга – моя идея (я исходил из своей теории о достижении максимальной достоверности за счет избытка реалистических деталей). Сколько часов мы провели вместе, сочиняя эту простую сцену, занявшую на бумаге не больше пяти страниц. После восьмой или десятой версии мы прочитали ее Луи, он изменил две-три реплики и дал свое благословение, обозвав при этом нас чокнутыми. Подбором актеров занялась Лина и ее «охотники». Теперь Жером может считать себя богатым человеком, вернувшим свое достоинство и самоуважение. Готовым покорить Голливуд. Но сейчас, больше, чем бурбоном, он наслаждается каждой минутой пребывания с нами, словно запасаясь воспоминаниями.

Луи заказывает себе граппу. На свой манер он дает нам понять, что его мысли уже далеко. Впрочем, как и у остальных.

– Только новички как сумасшедшие набрасываются на основную идею, уверяя себя, что конец пути они как-нибудь найдут.

Финал. Ему нужно было придумать финал перед тем, как уехать из Парижа. Преследуемый призраком Лизы, он больше не мог откладывать дуэль с актером. И помочь ему в этом могла лишь Матильда. Матильда – душа нашей команды, несравненная советчица по семейным вопросам и специалист по адюльтеру – не имеет себе равных в умении расшифровывать необычный язык ревности.

На экране телевизора в углу кафе лицо ведущего программы новостей сменяется заставкой. Сейчас последуют реклама и прогноз погоды; обратный отсчет времени начался. Теперь уже ничего не изменишь.

– Представляю, какая физиономия была бы у Маэстро, если бы он посмотрел хоть одну серию «Саги».

Луи показывает на огромную спортивную сумку, набитую до отказа.

– Я увожу с собой все кассеты с «Сагой», включая последнюю серию. Вильям сделал мне копию. Уверен, что несмотря на нервный тик при взгляде на телевизор, Маэстро все же посмотрит ее и оценит по достоинству. Мне хочется показать ему все, что я без него сделал.

Без него. Каждый раз, когда Луи вспоминает Маэстро, я представляю глаза. Или взгляд. Взгляд подглядывающего человека или строго взирающего Бога. В глазах Луи я читаю желание поскорее встретиться с Маэстро.

Мы не всегда разделяем счастье наших друзей.

– Во сколько твой поезд, Луи?

– Через полчаса, с Лионского вокзала. Я буду в Риме около десяти утра. Но не уверен, есть ли там местный поезд до Палестрины. Эти итальянские поезда… О них можно снять целый сериал.

– Если хочешь, могу подбросить тебя до вокзала, в машине есть еще место. Я должен заехать за Ооной и захватить килограммов тридцать шмоток, которые она купила в Париже.

– Вы полетите прямо в Лос-Анджелес?

– Нет, вначале в Монтану, чтобы устроить Тристана у ее родственников. Я не знал, с кем его оставить, мне нужно время, чтобы осмотреться.

Похоже, у них все расписано как по нотам. Матильда роется в своей сумочке в поисках сигарет. Она тоже ничего не оставляет на волю случая.

– Можно будет приехать к вам в гости на остров?

– Конечно! Я только не знаю, сколько времени буду им нужна.

– Может, расскажете, что за секретная работа ждет вас на этом таинственном острове? Не мучьте нас неизвестностью.

– Я никому на свете не доверяю так, как вам, но из суеверия я дала себе слово молчать. Как только работа наладится, я пришлю каждому из вас открытку.

80-я серия вот-вот начнется. Не успеет она закончиться, как трое моих друзей будут уже далеко. Станут недоступными и свободными. Я начинаю сомневаться, правильно ли делаю, что остаюсь.

– А ты, Марко?

Я? Да, действительно. Что будет со мной? С завтрашнего дня мне надо садиться за сценарий нового фильма. Почему же я чувствую себя не в своей тарелке?

– Ты уверен, что не хочешь уехать из Парижа?

– Ты же можешь писать свой сценарий где угодно.

– Вы так говорите, словно меня ожидают большие неприятности…

Я жду несколько секунд, чтобы меня успокоили. Но никто этого не делает.

– … Вы действительно считаете, что у меня будут неприятности?

Сочувствие во взглядах. Так или иначе, вопрос о моем отъезде даже не стоит. Что бы ни случилось после заключительной серии, я должен остаться в Париже. «Сага» причалила к берегу, и я уверен, что Шарлотта ждет меня на набережной, размахивая платочком.

Матильда встает первой, обрывая тревожное молчание.

– Через двадцать минут я должна быть на вокзале Аустерлиц, мне пора на такси.

Она берется за сумку, давая другим сигнал к отправлению. Луи подхватывает свой багаж.

– Ну что, вскоре увидимся?

Никто не решается ответить. Все равно я должен был это спросить. Даже если я один в это верю.

– Приезжайте ко мне в Рим, если найдете время.

– Я дам вам знать, как только обоснуюсь в Лос-Анджелесе. Слова застревают в горле. Мы целуемся, снова и снова. Словно все разговоры, все пережитое, все наше прошлое и наше будущее потеряли значение.

В последний раз мы крепко обнимаем друг друга.

Они выходят из кафе в тот момент, когда звучит фуга Баха.

Проклятая «Сага»!

Вот мы и остались с тобой вдвоем.

Мои друзья только что ушли, а ночь обещает быть длинной. Первая летняя ночь.

Небо усеяно звездами, все окна распахнуты настежь, в холодильнике есть свежее пиво, друзья уже далеко, любимая женщина меня бросила, а я порядком набрался. Можно и похандрить.

Я отключаю телефон, иначе он будет трезвонить всю ночь, а я каждый раз буду надеяться, что это Шарлотта. И каждый раз испытывать разочарование. Если она вернулась, то пусть подождет еще одну ночь.

С тишиной приходит жара.

Вы все – порядочные мерзавцы, раз превратили меня в сироту. Сейчас четыре утра, ночь удивительно спокойна, словно ничего не произошло, словно никто не плакал над трупом «Саги». Я тоже не собираюсь ее оплакивать, эта дрянь бросила меня – меня, кто любил ее больше всех на свете, кто, как отец, наблюдал за тем, как она росла. Подохни, сука! Пусть девятнадцать миллионов потерянных душ скорбят о тебе, но мы – Луи, Матильда, Жером и я – не будем этого делать. Мы сшили тебе саван из самой черной материи, которую только нашли, настолько черной, что по сравнению с ней мрак сошел бы за белоснежные кружева на женском белье. Где мы раздобыли такие черные краски? Не могу сказать. Это не в нашем стиле. Нам пришлось обратиться к самым темным сторонам подсознания. Прислушаться к музам коварства и низости. Разбудить дремлющую в каждом из нас гиену.

Я высовываюсь из окна и пытаюсь распознать первые признаки хаоса.

Ничего.

Ни малейшего ветерка.

Коллективное самоубийство? Девятнадцать миллионов трупов на моей совести? Или все уже забыто и миру наплевать на случившееся?

Тем не менее я все еще помню, как вчера в полдень мы все сидели перед экраном, испытывая отвращение к своей жажде мести. Я уже видел эту 80-ю серию, настоящую, которую мы сделали под носом у Сегюре.

Благодаря Вильяму и его фокусам, мы сработали как ювелиры и фальшивомонетчики. Мы просмотрели десятки сохранившихся кадров, не использованных при монтаже, отобрали необходимые, наложили один на другой, смикшировали и терпеливо смонтировали, до конца оставшись хозяевами положения. Как только Сегюре мог подумать, что мы пойдем на поводу у такой посредственности, как он, и опозорим нашу «Сагу»? Вильям переписал старые эпизоды, сделал коллажи и даже ухитрился наложить новые диалоги на кадры, где речь шла совсем о другом. Это маленькое чудовище, которое мы, как безумные ученые, создавали ночью, в полнейшей тайне, было показано вчера вечером. Нам пришлось придумать сложнейший план, чтобы провести серию через технический контроль и чтобы ее признали годной к трансляции. Мы обращались к оккультным силам, проводили мозговую атаку вместе с дьяволом, чтобы обмануть бдительность великой машины, властвующей над воображением. А на прощание устроили маленький апокалипсис.

In cauda venenum[11].

Я должен еще раз посмотреть серию, посмотреть в полном одиночестве. Пока перематывается пленка, я лежу на диване со стаканом пива в руке. Пьяный. Мои друзья уехали. «Сага» скончалась. И правильно, пусть она лучше умрет от наших рук, чем продолжит жить в лапах Сегюре. Обычное преступление на почве страстей.

Заглавные титры.

СЕРИЯ N 80

Вальтер готовит себе коктейль, сливая остатки напитков из бутылок, найденных в баре Френелей, и размешивая смесь пальцем. Каким он останется в памяти людей? Опустившимся алкоголиком? Жизнь – это маскарад, и алкоголь, слава Богу, иногда помогает нам сорвать с нее маску. Если искренняя фраза исходит из сердца, то алкоголь обостряет взгляд, и, напиваясь, мы издеваемся над смертью. Вот почему Вальтер снова не просыхает. После второго стакана он становится поэтом, а поэзия облагораживает. Но что будет завтра?

Завтра будет новая выпивка, которая даст ему силы пережить ночь. А в один прекрасный день медленно угаснуть. Очень медленно. Безработный из Рубе усвоит этот урок.

Мария, наша маленькая любимая Мария, что стало с тобой? Я верил в твою независимость, в твою чистоту. Ты умела заботиться о родных, не забывая о себе, у тебя были мечты, и твой материнский инстинкт иногда уступал женскому началу, что делало тебя такой сильной. Такой милой. И вот ты вернулась в свое гнездо. Виноватая и уставшая. Вымаливающая взглядом прощение. Господи, до чего же грустная эта сцена! Матильда тебя не пощадила. Впервые ты стесняешься своих морщин и своих сорока пяти лет – сегодня ты выглядишь вдвое старше. Куда подевались все претенденты на твою руку, которые так из-за тебя мучились? Вальтер считает тебя проституткой, с которой даже не хочет сталкиваться на площадке, а Фред презирает тебя за грехи. Жизнь, к которой ты возвратилась, настолько бесцветна, что разочарует даже домохозяйку из Вара. Та, что мечтала, но не смогла последовать за прекрасным незнакомцем, смертельно возненавидит тебя за то, что ты вернулась. Другие будут называть тебя шлюхой. Ты этого не заслужила.

А где же Джонас, пытавшийся убедить всех, что благородный мститель, возможно, не умер? Ответ прост: любой человек в честном бою может открыть для себя, что он трус, и Джонас не исключение. Почему он должен разыгрывать из себя героя? Никто не рождается героем. Для Джонаса настало время признать, что у него одна жизнь и в ней есть место и компромиссам, и трусости. Кто осмелится его упрекнуть? У кого на это хватит бесстыдства? Только не у рыбака из Кемпера. Пусть герои выйдут вперед! И пусть сами отправятся на схватку с Ме-нендесом. Педро Менендес давно поджидает их. Жером здорово повесилился, сочиняя их разговор во время последней встречи. Когда Джонас сообщает Менендесу, что отказывается от борьбы, Педро даже испытывает жалость к своему вечному противнику. Джонас уходит в телохранители к Мордекаю, так как тот посулил ему золотые горы. Так всегда: деньги и героизм плохо ладят друг с другом.

Мордекай. Он, кто никогда не знал, что делать со своими деньгами, находит все же решение. С тех пор как ему сказали, что Добро и Зло уже не в почете, он взялся за чтение. Особенно за Библию и маркиза де Сада. Он потрясен красотой Екклесиаста, где каждый пассаж для него – откровение. Суета сует все суета! Внезапно он ясно понял, что значит потеря иллюзий. Ему открылась причина его разочарований. Остается одно: наслаждаться. Наслаждаться и наслаждаться, пока есть еще время, так как каждая минута приближает нас к вечности. Он устраивает безумные оргии, о кjторых прочел у Сада. Ищет в разврате наивысшее наслаждение. Тратит на это все свое состояние. А что думают об этом девятнадцать миллионов зрителей? Девятнадцать миллионов зрителей со своими желаниями и фантазиями, которые никогда не осуществятся? Мордекай решил пережить все за всех.

Тот, кто верит в любовь, верит и в ненависть. Поэтому никто не должен удивиться, что Милдред и Существо возненавидели друг друга столь же сильно, как когда-то любили. Матильда никому не позволила закончить за нее эту работу. Как всегда, она выполнила ее очень тщательно. Процесс распада пары показан настолько убедительно, что у меня даже пропало желание искать Шарлотту. Матильде хватило трех коротких сцен, чтобы уничтожить саму идею супружеского счастья. Вот это мастер! Даже Жером не способен на такую резкость. Милдред необычайно умна и придумывает изощренные моральные пытки. Существо, этот красавец-дикарь, не догадывается, что ему причиняют зло. Это в его характере. Такая страсть – мы понимаем это с первой же сцены – не может кончиться ни чем иным, как физическим устранением того или другого партнера. Однако Матильда решает пойти другим путем: прежде чем перейти к финалу, она показывает, каким адом может быть каждое мгновение. Жизнь любой пары – это длинная череда мгновений, а люди ведут себя как сообщающиеся сосуды, отравляя друг другу жизнь и лишая себя наслаждения.

А Брюно, малыш Брюно? Какая судьба выпала на его долю? У него все еще впереди. Но ему нужно повзрослеть и пуститься в свою одиссею под названием жизнь. Хватит ли у него

на это духа? Как все подростки, Бргоно страдает неуверенностью в себе. И он прав, потому что в глубине души знает, что станет таким же, как все. Пополнит ряды тех, кто делает так, потому что приказано делать так. Джунгли, через которые он хотел пробиться с помощью мачете, оказались идеально ровной дорогой с километровыми столбами. Он уже видит ее конец. И начинает забывать о своей мечте. Он не станет ни Рембо, ни Эваристом Галуа, у него не будет даже тех пятнадцати минут славы, которые обещает всем Уорхол. Все будет именно так.

Что же касается Менендеса, то тот никогда не переставал задаваться вопросами. И находить единственные ответы: динамит и пластиковая взрывчатка. Возможно, именно глубочайшая убежденность Педро в своей правоте заставила сломаться Джонаса. Никто не знает, почему Педро взорвал столько бомб и какими были его мотивы. Наверняка непорядочными.

Но так ли это?..

Можно не сомневаться.

И все же…

Вопрос остается висеть на протяжении всей серии, словно загадка, которую лучше никогда не разгадывать. Кто ни разу не задумывался в кабине для голосования, держа бюллетень в руках: зачем все это? Кто ни разу не ощущал, что на него смотрят сверху как на муравья, которого можно раздавить, если он перестанет выполнять свою роль? Кто никогда не страдал от глупости государственной власти? Кому ни разу не захотелось завыть от несправедливости и проклясть тех, кто отказался его выслушать? Кто ни разу не испытал искушения послать все к чертовой матери? Разумеется, Менендес – кретин и мерзавец. Только извращенный ум может верить, что для борьбы со всеобщим идиотизмом годятся пластиковые бомбы. Вскоре он погибнет, попав в засаду. Но даже агонизируя, не признается, зачем устраивал кровавые фейерверки. Никто никогда ничего не узнает. Мы позволили ему унести с собой в могилу его тайну. Тот, кто захочет ее узнать, пусть перечитает Кафку.

А Фред, наша надежда, любимец всех зрителей, пытавшийся стать Спасителем? Так вот, Спасителю осточертело все человечество. Оно неблагодарно, способно укусить протянутую руку, не разбираясь, за подаянием ее протянули или чтобы прийти на помощь. Едва Фред находит, чем перевязать одну рану, как человечество предлагает ему перевязать еще десять. Никакого понятия о Добре и Зле. Фред не произносит ни одного слова на протяжении всей серии, но его внутренний крик звенит у нас в ушах. Он, кто придумал машину для ликвидации войн, машину для уничтожения вирусов, машину, позволяющую накормить голодных, наконец, машину, возрождающую надежду, начинает задумываться, а принесло ли все это пользу? А жаль. Недавно он изобрел устройство для очистки подсознания. Оно похоже на хирургический прибор, которым оперируют душу, удаляют из нее кисты и спайки, не оставляя шрамов. Но, едва закончив чертежи, выбросил их в корзину. Может, они еще пригодятся, кто знает?

Сам собой напрашивался конец. Сон Камиллы, который так никогда и не был показан. Каждый раз, когда он ей снился, она просыпалась с криком, и тогда Джонас обнимал ее, успокоивая. Этот сон мы извлекли со дна мусорной корзины, чтобы сделать его частью жизни наших героев.

Камилла слишком давно грозилась, что убьет себя. Сцена получилась очень короткой. Она смотрит на себя в зеркало, разражается хохотом, истеричным хохотом, потом кричит: «Viva la Muerte!»[12], вставляет дуло револьвера в рот и нажимает курок. Пятно крови расплывается по стене.

Конец. Титры.

ГОРДЫНЯ

В коридоре никого.

Это еще ничего не значит, возможно, они спрятались на лестнице, как это было на прошлой неделе. Я пытаюсь пробраться к выходу, держа в руке на всякий случай мобильный телефон.

Беда в том, что в местном комиссариате тоже есть телевизор, хорошо спрятанный в гардеробе, и полицейские смотрят его во время ночных дежурств. Эти ребята из полиции – наши первые зрители. В тот день, когда я пришел с жалобой, все полицейские прошли мимо меня по коридору, всем хотелось увидеть, что я из себя представляю. Одни подозрительно смотрели на меня, словно говоря: «Это он… Это он…». Другие были более разговорчивыми («Вам нужен инспектор Джонас? Он уволился»), и я быстро понял, что все они считают, что я сам виноват в том, что сейчас происходит. С тех пор я появляюсь у них только в тех случаях, когда мне нужно найти временное убежище.

Наверху на лестнице тоже никого.

Кажется, путь свободен. Если бы кто-то хотел набить мне морду, он бы уже давно на меня набросился. Даже кретину из муниципалитета временно пришлось отказаться от выяснения отношений со мной. Он требует, чтобы я заплатил за ремонт сорванных почтовых ящиков, сломанного лифта и, главное, за закрашивание надписей. Граффити покрывают ворота, стены трех этажей, а возле моей квартиры – это уже настоящий фейерверк («Мы набьем тебе морду. Менендес». «Ты заплатишь за Камиллу и всех остальных». «Здесь покоится дерьмовый сценарист…» и так далее). Тысячи надписей, наползающих друг на друга, неразборчивых. Некоторые рисуют мою физиономию в центре мишени, так как знают меня в лицо. Пресса хорошо потрудилась. Один из еженедельников, из тех, что вечно роются в дерьме, поместил мою фотографию на второй странице с надписью: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», пообещав за мою голову приличное вознаграждение. Кто сказал, что у сценариста нет шансов прославиться?

Мой почтовый ящик превращен в лепешку, и поэтому почтальон ежедневно вываливает два мешка ругательств прямо на пол в холле. Письма рассыпаются во все стороны, их топчут и рвут, и если я не выхожу из квартиры несколько дней, то консьерж выбрасывает их в мусорный контейнер. Если бы в этой лавине ругательств и смертельных угроз затерялось письмо от Шарлотты, я бы все равно не смог его отыскать. Из любопытства, проходя мимо, поднимаю несколько конвертов. «Сраный писака! Пишу тебе не ради себя, так как я выше этого, а ради детей, на которых ты подло набросился» и т.д. «Месье, то, в чем вы виноваты, не имеет названия. Вы, конечно, читали „Божественную комедию «Данте, так вот, девятый круг ада предназначен именно для таких людей, как вы".

В груде сегодняшних писем один конверт сразу же привлекает мое внимание. Я некоторое время верчу его в руках, не веря своим глазам. Да, это не сон, я – звезда. Вместо адреса – надпись: «Последнему сценаристу „Саги", который не сбежал из Парижа». Даже сам Дед Мороз вряд ли может рассчитывать на подобное внимание со стороны работников почты. Но мне некогда распечатывать письмо, я уже слышу скрип двери, ведущей в коморку консьержа, и выскакиваю на улицу, хорошо представляя, что меня там ждет.

Вначале я думал, что это какое-то совпадение. Но через несколько дней мне пришлось признать очевидное. Тротуар возле моего дома № 188 по улице Пуассоньср превратился в кладбище телевизоров. Возникла новая, чисто парижская традиция, и это место скоро станет еще одной достопримечательностью. Туристов будут водить сюда, как на кладбище Пер-Лашез. За ночь здесь скапливаются десятки разбитых телевизоров, словно выброшенных морским приливом. Они валяются по всей улице, пирамидами высятся возле входа, подбираются к соседним домам. Подобно слухам и анекдотам, они берутся неизвестно откуда

и размножаются быстрее вирусов. Кажется, об этом феномене уже рассказывали по местному радио. Издали это зрелище можно принять за выставку современного искусства, вблизи оно больше похоже на свалку, а если немного пофантазировать, то можно сказать, что это декадентский мавзолей, собранный из катодов и воздвигнутый в память жертв «Саги». Бродяги и старьевщики приходят сюда, чтобы разжиться деталями. Их движения напоминают странный балет, где я – утренний призрак, скользящий вдоль стен домов. Когда сочиняешь страшные истории, то рано или поздно становишься их героем.

Сворачиваю за угол. Светает.

Никого.

Да и что такое, в конце концов, один квартал, жалкий маленький парижский квартал, когда благодаря спутниковой связи эта сволочная «Сага» транслировалась на всю Европу!

Спускаюсь в метро, чтобы добраться до площади Конкорд. Не зная, как убить время до назначенной встречи, сажусь возле ограды парка Тюильри.

Еще никогда мне так сильно не хотелось поговорить. С кем угодно. Даже с первым встречным.

С тех пор как я захожу домой лишь для того, чтобы проверить, не появилась ли там Шарлотта, моим постоянным спутником стал мобильный телефон. Ценнейшее изобретение для таких изгоев, как я. Он дает бродяге иллюзию связи со всем миром. Но в моем случае это действительно всего лишь иллюзия. Даже анонимные звонки раздаются все реже и реже.

И я не знаю, кому позвонить.

Моя мать после этого злополучного двадцать первого июня постоянно оставляет свой автоответчик включенным. Ей пришлось объясняться с коллегами по поводу «Саги» С тех пор никто не подсаживается к ней за столик в столовой. Разве я мог такое предвидеть? Если мне некуда идти, я иду к ней, но каждый раз быстро запутываюсь в бесконечных оправданиях, которые ее не удовлетворяют. Она только и знает, что твердить: «И как такое могло прийти тебе в голову… И как такое могло прийти тебе в голову…». Это заклинание преследует меня даже тогда, когда я остаюсь один! Почти все время я провожу в кино и номерах отелей, в дешевых ресторанах и на скамейках в общественных местах. Эти скитания я превратил в высшее искусство, а желание сохранить неизвестность – в опасный спорт.

Моя жизнь похожа на фильм про участников Сопротивления. Я мог бы найти убежище у двух или трех оставшихся у меня друзей, но уверен, что и там все разговоры будут об этом. Только об этом и ни о чем другом. Как только я заговариваю о 80-й серии, – а это сильней меня, – то еле сдерживаю слезы. Еще немного, и я буду хныкать как ребенок, сам не зная почему. Я не чувствую ни малейшей капли вины, ни на секунду не пожалел о том, что мы сделали, и не собираюсь ни у кого просить прощение. Мне только хочется крикнуть, что эта серия не плевок в лицо девятнадцати миллионам поклонников «Саги». Мы не собирались убивать невиновных и заставлять расплачиваться тех, кто дал нам возможность жить и работать. Мне предложили сказать что-нибудь в свою защиту в популярном ток-шоу, но я отказался. Это должно было походить на судебный процесс, где приговор известен заранее: забрасывать негодяя камнями, пока не наступит смерть. «Стреляйте в сценариста!» призывал один тележурнал на прошлой неделе. Я, конечно же, струсил, но в любом случае участие в этом шоу мне бы не помогло. Не знаю, возвращусь ли в будущем к этой профессии. Продюсеры фильма, сценарий которого я должен был писать летом, дали мне понять, что они не настолько чокнутые, чтобы нанять на работу типа, способного воткнуть нож в спину своим хозяевам. Моя жизнь сценариста продлилась всего один сезон. «Сага» дала мне все и все отобрала. Она даже вырвала то, что потерять было просто невозможно. Вещи, на которые имеет право каждый. Час передышки, ласковое слово. Возможность поговорить. Без обвинений, без презрения.

Солнце уже высоко. Жизнь начинается снова, но без меня. Мне нужна Шарлотта. Возможность поговорить. Без обвинений, без презрения…

Но, в конце концов, есть же для этого и другие люди.

Мария звонила им, когда хотела сказать то, в чем не могла признаться близким.

– Служба психологической помощи слушает.

– Добрый день.

– Добрый день.

– Я обращаюсь к вам потому, что не знаю, с кем поговорить. Быть одиноким – ужасно, но понимать это – еще страшнее.

– А ваши близкие? У вас нет семьи? Никого, кому можно довериться?

– В данный момент я не знаю никого, кто хотел бы считать себя моим другом.

– Что вы имеете в виду?

– Вы хотели бы дружить с главным врагом общества?

– Проблемы с полицией?

– И да, и нет.

– Вы не могли бы уточнить?

– Меня никто не ищет. По крайней мере, официально. Я просто считаюсь виновным в идеологическом терроризме, в художественной манипуляции сознанием и посягательстве на безопасность государства.

– И уже проиграл великое сражение: вся Нация против Меня.

– Когда дела идут плохо, человек часто думает, что против него устроили заговор.

– Вы считаете, что я параноик?

– Нет, но прошу вас рассказать о ваших проблемах простым языком.

– Когда каждое утро находишь перед своим домом десятки телевизоров, трудно говорить простым языком. Скажем так: везде, где бы я ни появился, меня обзывают предателем, и этот ярлык приклеится ко мне на много лет. Однако я не считаю себя виновным, моя проблема заключается в том, что я не знаю, должен ли уехать или нет?

– Уехать?

– Сбежать, если точнее. Попытаться начать новую жизнь в другом месте. Но мысль об этом сводит меня с ума. Я не хочу покидать свою страну, город, где родился, стены, знакомые мне с детства. Как примириться с тем, что ты осужден к ссылке?

– Вы понимаете?

– Бегство, ссылка, новая жизнь. Вы говорите как военный преступник, но все никак не расскажете, что с вами случилось…

– Вам тоже нравятся искренние фразы? Вообще-то я не один попал в эту историю. Нас было четверо. Знаете фразу: «Когда сочиняешь страшные истории, то рано или поздно сам становишься их героем».

– Алло?..

– Вы один из сценаристов «Саги».

– Я совсем не такой, вы же знаете.

– Вы меня слышите?

– Видите, я не параноик.

– Мне лучше повесить трубку, да?

– Подождите… Позвольте мне рассказать вам кое-что. У нас, в помещении нашей службы, есть телевизор, который мы не выключаем всю ночь. С одной стороны, это источник

информации на тот случай, если произойдет что-нибудь чрезвычайное, с другой – возможность для сотрудников отдохнуть пятнадцать минут. Прошлой осенью мы заметили, что количество звонков в нашу службу заметно снижается между четырьмя и пятью часами утра. А потом в это время звонить вообще перестали, Тогда мы тоже принялись смотреть «Сагу», чтобы попытаться понять этот феномен. Могу признаться, что мне очень понравился тип, который работал в службе, но которого вы никогда не показывали.

– Я так и знал, что вы о нем заговорите.

– Он вел себя совсем не так, как предписывается инструкциями, но это не было важно, скорее наоборот. Я бы даже сказал, что он был символом сериала. Сам замысел был надуманным, диалоги нередко бредовыми, но во всем этом чувствовалось что-то реальное, то, что касалось каждого человека. Вы говорили на языке, понятном всем, и в конце концов люди стали узнавать себя в ваших героях. Если бы вы знали, какая это была реклама для нашей службы! Даже несколько утомительная. Одинокие женщины стали звонить к нам в надежде найти мужчину своей жизни. Но самое главное не это. Просто удивительно, как быстро сериал стал для нас чем-то… чем-то вроде источника энергии. И так продолжалось вплоть до последних серий. Мы долго размышляли с коллегами, как получилось, что зрители стали отождествлять себя с действующими лицами, но так и не нашли удовлетворительного ответа. Однако мы отметили две разные реакции у наших клиентов: одни получали в «Саге» ответы на свои вопросы, другие учились правильно ставить вопросы.

– В общем, за несколько месяцев что-то изменилось.

– Ваши слова глубоко меня трогают… Даже не знаю, что и сказать… Мы не думали, что добавим вам работы…

– Это сейчас у нас началась работа. В конце июня нам даже пришлось взять на работу новых людей. Ваш саботаж великолепно удался. Никто не может представить себе то воздействие, которое оказывают вымышленные персонажи на сознание людей. Даже вы, у кого такое богатое воображение, не могли предположить, что зрители привяжутся к вашим героям. Эти герои стали членами их семей, верными друзьями, почти родственниками. За них переживали, радовались и горевали вместе с ними, оправдывали их поступки. Их ждали, на них надеялись. Вы нанесли жестокий удар в самое уязвимое место именно в тот момент, когда завоевали абсолютное доверие. Вы отняли надежду, которую зародили у тех, кто больше всего в ней нуждался.

– Вы преувеличиваете, мы не могли…

– Мир, который вы показали, это джунгли, где все рано или поздно погибнут. Жизнь – это опасная болезнь; самое большее, на что можно надеяться – не слишком сильно страдать в ожидании смерти. Доказательства? Все мы – жалкие подмастерья, ткущие картину мировой скорби. Давайте, добрые люди, сами устройте хаос, этим вы сэкономите массу времени. С отчаянием тоже невозможно бороться, оно неискоренимо, с ним прямо рождаются. И если вам нужно любой ценой разрешить ваши сомнения, то наиболее верным выходом будет самоубийство. Вы меня еще слушаете?

– Хуже всего то, что вы показали это настолько талантливо, что вам нельзя было не поверить.

– А теперь я скажу, в чем именно вас обвиняют. И на этот раз буду на стороне обвинения. С тех пор как вы сбежали, все снова вернулось на круги своя. Вновь набирает силу посредственность, вновь цинизм превращается в шоу. Вы бросили нас одних с этим дерьмовым телевидением. Последняя искра разума готова погаснуть под льющейся патокой убаюкивающих картинок. Это была не слишком честная игра – заставить нас поверить «Саге».

– Нам нужно заканчивать беседу, меня ждут и другие клиенты.

Ворота в парк Тюильри открыты.

Какой-то бегун останавливается у решетки, чтобы перевести дыхание, потом возобновляет свой бег трусцой к центральному фонтану.

Готов поспорить, что человек, назначивший мне встречу, уже пришел и сидит на той же скамейке, что и в прошлый раз. Точно, он здесь. У него вид конспиратора и смешные повадки шпиона. Кто еще носит плащ в разгар июля? Кто ведет себя так, словно сам ожидает пули в лоб? Разве такого типа можно не заметить?

– Месье Сегюре, несмотря на все наши разногласия, позвольте сказать, что ваше упорное стремление организовывать встречи, как в дешевом детективе, кажется мне нелепым. Вы не продумываете мелкие детали и поэтому никогда не станете сценаристом.

– Говорите, не поворачиваясь ко мне.

– Не будьте смешны. Мне тоже не хочется, чтобы нас видели вместе. Вам не кажется, что вы немного перебарщиваете?

– Я бы не перебарщивал, если бы речь не шла о деле государственной важности, а вы прекрасно знаете, что это ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ. Вчера вопрос о «Саге» стоял вторым пунктом в повестке дня Совета Министров.

– Это вы сделали из «Саги» инструмент власти. Для нас это был обычный телесериал. Истории, которые случаются с людьми. И все.

– Из-за вас вся моя жизнь теперь тоже сериал. Каждая серия по восемнадцать часов в день! И если я еще жив, то лишь потому, что получил приказ исправить положение до окончания летних отпусков.

– Вы мне уже говорили это на прошлой неделе, но я не представляю, как можно заставить девятнадцать миллионов человек забыть то, что они видели двадцать первого июня этого года с двадцати часов сорока минут до двадцати двух часов десяти минут.

– Мы сидим на бомбе, Марко.

– «Мы сидим на бомбе, Марко». Никогда не слышал более бездарной реплики. Вы совершенно не умеете писать. Вас что, ничему не научили в Национальной школе администрации? Это же надо: «Мы сидим на бомбе, Марко».

– И тем не менее, это правда.

– Лично я считаю, что бомба уже взорвалась. Ни семьи, ни работы, ни будущего – ничего. И я даже не могу пожаловаться в «SOS-Дружбу».

– Что вы думаете о вчерашней серии?

– Вы говорите об этом вздоре, написанном вашей командой поденщиков? Если вы надеялись с помощью них исправить положение, то глубоко ошиблись. Это все равно что попросить Маргерит Дюрас написать очередную серию «Робокопа». Не думаете же вы, что это смехотворное продолжение заставит людей забыть последнюю серию?

– Публика и премьер-министр отреагировали ужасно.

– Ваша ошибка, Сегюре, в том, что вы никак не можете понять, что премьер-министр тоже зритель. Ему тоже в детстве рассказывали сказки. И он тоже, когда был подростком, водил свою девушку в кино. И сейчас тоже придумывает сказки своим внукам. И ему тоже нужна ежедневная доза сказок. Возможно, что вокруг сериала идет какая-то грязная политическая игра, но представить, чтобы премьер-министр чувствовал себя таким же обманутым, как безработный из Рубе, домохозяйка из Вара и …?

– И рыбак из Кемпера.

– Вот-вот. Вечно я о нем забываю.

– И что же не так в этой серии?

– Даже если бы случилось такое несчастье и я оказался на вашем месте, все было бы так же плохо.

– Скажите, прошу вас!

– Да ВСЕ не так! Ваши сценаристы наводнили текст штампами, чувствуется, что они корпели как каторжные, пытаясь угнаться за нами. А диалоги? Хотите узнать мое мнение о диалогах? Думаю, что их написали вы!

– Мы надеялись, что выпустив 81-ю серию, прольем бальзам на рану, а оказалось, что сыпанули соль.

– А я что говорил…

– Нужно сделать достойное продолжение «Саги».

– «Сага» была продуктом сложнейшей алхимии между Матильдой, Жеромом, Луи и мной. Вы можете нанять всех сценаристов мира, намного талантливее нас, возможно, они и выдадут вам шедевр, но никогда не напишут «Сагу».

– Мне нужна ваша помощь.

– Вы шутите?

– Мы оба переживаем ад. Вам так же необходимо это продолжение, как и мне.

– Слишком поздно.

– Если вы не хотите сделать этого ради себя, сделайте ради девятнадцати миллионов зрителей. Ради страны, ради моих детей, ради премьер-министра, ради фан-клубов, ради торговцев ванилью, ради кого угодно. В конце концов, ради «Саги».

– Никогда.

Он довольно долго тащился за мной, и, только вскочив в метро на станции Пале-Руайяль, я наконец от него оторвался. Я остался в Париже не из-за «Саги», не из-за боязни ссылки, а ради того, чтобы найти женщину, которую люблю больше жизни. Я наконец-то понял, насколько виноват в случившемся. Зачем при каждом удобном случае нужно было говорить о том, какая интересная жизнь начинается у меня, как только я ухожу из дома? Зачем нужно было рассказывать ей о Камилле, Марии или о Милдред так, словно я Пигмалион, хвастающийся своей Галатеей? Как мог я не замечать ее присутствия, когда она была рядом, на расстоянии вытянутой руки, готовая поддержать меня в трудную минуту? Достаточно было лишь намекнуть ей об этом. В фильмах плохие парни, сбежавшие из тюрьмы, обычно попадаются потому, что прежде, чем покинуть родные края, в последний раз отправляются к своим любимым. Мне же этот прием раньше казался слишком простым и неправдоподобным. Сегодня я должен извиниться перед всеми романтиками-бунтарями. Я не уеду из Парижа, пока не буду уверен, что Шарлотта меня больше не любит.

– Что вы хотите от меня? В прошлый раз я уже все вам сказала. Шарлотта работала три недели в какой-то фирме в районе Дефанс, потом уехала на два месяца в командировку в провинцию, и больше я ничего не знаю.

Меня мало волнует, если меня принимают за кретина, но сейчас речь идет о том, чтобы найти женщину, которой мне недостает больше всего в мире. Вот, значит, какая она, эта легендарная «руководительница проекта». Во время разговора по телефону она показалась мне более несговорчивой, но когда я предстал перед ней воочию, в мятом костюме, с посиневшей небритой рожей, ее ирония несколько поуменьшилась. В этой приемной царит строгая официальная атмосфера, еще немного, и я бы почувствовал себя незваным гостем, если бы не стойкое любопытство, которое проявляют ко мне теперь все люди. Секретарша буквально впилась в меня взглядом, и я даже на мгновение подумал, что нравлюсь ей, но тут же уловил в ее глазах подозрительный блеск, говорящий «Это on, это он» и создающий у

меня впечатление, что речь идет о ком-то другом. Коллеги Шарлотты столпились наверху, на площадке из стекла и металла.

– Вы не могли бы дать адрес того предприятия, где сейчас работает Шарлотта?

– Шарлотта независима в своих действиях и может без предупреждения уехать в любой момент.

И это она говорит мне, дура!

– Если вы покажете мне ее кабинет, я, может быть, что-нибудь найду. Например, номер телефона.

– Кто вы такой, чтобы требовать такое?

Эта женщина меня раздражает. Раздражает, раздражает!

– Мадам, я должен предостеречь вас. Не исключено, что Шарлотты нет в живых. Или она в опасности, брошена в сырой подвал. Она надеется, что ее коллеги забьют тревогу, но ее начальнице, оказывается, на все наплевать. Если найдут ее труп, начнется следствие и вас тоже будут допрашивать; вам нелегко будет объяснить свое бездействие. Вы можете заработать от двух до четырех лет. Сидя в тюрьме Флёри-Мерожи, вы сможете видеться с детьми только раз в неделю. А вам известно, что теперь в комнатах для свиданий нет решеток? Общаясь через стеклянную перегородку, вы даже не сможете обнять своих детей. А ваш муж? Думаете, он будет вас дожидаться? Сначала он станет топить свое горе в бутылке, затем страдать от одиночества – это так понятно. А представьте себе бесконечно меняющихся нянь у вас дома и своих таких добреньких подруг, которые бросятся ему на помощь. Как трогательно – одинокий мужчина с двумя малолетними детьми…

– Я знаю, что у вас за профессия, но мне некогда слушать ваш бред. Если Шарлотта даст знать о себе, я передам ей, что вы заходили. А теперь прошу вас покинуть помещение и больше здесь не появляться.

Мне кажется, что Шарлотта где-то рядом, притаилась вон за той дверью, красная от смущения. Я не хочу уходить и хватаю начальницу за руку, не сильно, естественно, но она сразу кричит секретарше:

– Мирей, вызовите службу безопасности!

– Это гораздо серьезнее, чем вы думаете. Позвольте мне зайти в ее кабинет, прошу вас.

– Отпустите меня!

Одна из девиц вскрикивает. Два типа в синих костюмах заламывают мне руки и волокут к дверям. Я пытаюсь отбиться, но громилы только этого ждут. Видимо, они умирают со скуки в этих современных зданиях.

Жюльетта дома одна. Чарли с детьми пробудет у родителей до середины августа, а она поедет к ним через неделю. Она предлагает мне пообедать, но я отказываюсь и продолжаю стоять в прихожей.

– Ты же ее близкая подруга, а подругам рассказывают все.

– Ошибаешься, Марко. В последнее время, когда вы еще были вместе, она уже ничего не рассказывала. Я даже не знаю, почему она тебя бросила.

– Бросила?

– Как давно вы виделись в последний раз?

– Больше шести месяцев назад.

– Вот видишь.

– Скажи мне, где она.

– Если бы я знала, то сказала бы, не могу видеть, как люди страдают, особенно такие парни, как ты. Кстати, твой дурацкий сериал только испортил ваши отношения.

– Почему дурацкий?

– Неужели ты ничего не понимаешь, Марко? Вначале все мы, твои друзья, гордились тем, что…

– О, только не ты. Я и так выжат как лимон.

– Ты хотел, чтобы тебя любили? Хотел, чтобы Шарлотта любила типа, у которого в голове неизвестно что? Хотел, чтобы она согласилась с таким видением мира?

– Но это же вымысел! Просто вымысел! Жизнь совсем не такая, люди так не живут, в реальной жизни ты не встретишь таких типов, как в «Саге», и мне осточертело без конца повторять эти прописные истины! Осточертело! Боже, на кого я только похож, объясняясь с тобой в прихожей!

Наступает молчание, но не холодное, скорее, выжидательное, когда еще не все сказано.

– Можно переночевать у тебя?

– …?

– Чарли ничего не узнает.

Неожиданно она от души смеется.

– Я, конечно, не буду выставлять тебя за дверь, но, на мой взгляд, эта идея не слишком удачная.

Она права. Я обнимаю ее и целую в обе щеки.

Я снова на улице – зверь, преследуемый охотниками, брошенный один в мире, где люди путают реальную жизнь с той, что видят в кино. Еще немного, и я сяду за стол, чтобы переписать сценарий этого мира.

Сцена 1. Мир. Натурные съемки. День

Голубое небо, зеленая трава, море. Земля населена животными и людьми. Все занимаются любовью, но люди иногда часа два в день метают бумеранг. Из-за споров по поводу какого-то стихотворения Рембо одна половина человечества объявила второй войну. После долгого сражения, во время которого использовалось самое новейшее оружие (сонеты, катрены, малайские четверостишия, оды и александрийские стихи), победители получили право присутствовать на спектаклях, поставленных побежденными.

Конец.

Мне нужно пройти все испытания, чтобы отыскать свою любимую, и даже встретиться с теми, кого я до сих пор избегал: ее родителями. С людьми, которые всегда задавались вопросом, что их дочь нашла в типе, зарабатывающем себе на жизнь сочинением диалогов для японских мультфильмов. Если они откажутся говорить, я отправлюсь в паломничество по всем местам, где любила бывать Шарлотта, пойду наугад и буду искать ее до тех пор, пока не найду и не поставлю перед выбором: или она вместе со мной покинет эту безумную страну, или мы окончательно распрощаемся. В любом случае мне нужно уехать на год-другой, пока все не забудут о «Саге». Я должен начать новую жизнь сценариста в каком-нибудь другом месте. Это вполне возможно.

– Я не хотел бы беспокоить вас, но вы – единственный человек, который знает, где сейчас Шарлотта. Мне очень нужно повидать ее.

– Марко?

– Да.

– Вы правы, нам нужно поговорить. Во сколько вы будете у нас?

– К обеду.

– Ждем вас.

Порция твердости, доля сухости, капелька ледяного молчания… Нет сомнения, это ее мать. Каким образом девушка, как Шарлотта, умудрилась появиться на свет от таких родителей – вот одна из тайн мироздания, не перестающая меня мучить. Я беру такси, чтобы приехать как можно раньше и как можно раньше откланяться. Они тоже ждут эту встречу, заранее предвкушая, как будут осыпать меня градом оскорблений и забрасывать плохими новостями. Отец Шарлотты открывает мне дверь с улыбкой, которая мне ни о чем не говорит.

– Вы быстро добрались. Входите, дружище Марко, аперитив уже готов.

Я ожидал хорошую порцию розог, а вместо этого оказался в объятиях мадам. Она заливается соловьем о том, как рада меня видеть, перемежая банальные фразы с восторженными восклицаниями и неожиданными поцелуями. Я в полном нокауте, хотя и стою на ногах. Она усаживает меня перед множеством тарелочек с закусками, а хозяин, не спрашивая, наливает мне полную рюмку виски. Я пока ничего не сказал – пусть вначале выложат все, что у них на уме. Впрочем, они сами не дают мне вставить ни слова. Их радушие – продуманная стратегия, и я должен быть готов к обороне. Может, они начитались английских детективов, где гостей вначале осыпают любезностями, а потом приканчивают и закапывают в саду. Может, смысл этого маскарада еще более трагичен: им жаль, что у нас с Шарлоттой ничего не получилось, так как теперь она встретила типа еще хуже меня.

– Мой милый Марко, вы уже в возрасте, когда принимают мужские решения. Когда вы собираетесь попросить руки моей дочери?

– Простите?..

– Я готов выслушать вашу просьбу.

Кто-то звонит в дверь. Удар гонга, спасающий меня в последнее мгновение от второго нокаута. Попросить руки? Я не ослышался? В комнату входит невысокий толстяк и присоединяется к нашему странному аперитиву.

– Этьен, вот наш будущий зять. Марко, позвольте представить вам одного из наших лучших друзей. Этьен.

– Я настоящий фанатик «Саги», – говорит он, – и мне часто удавалось предугадывать события. К примеру, о взрыве праздничного торта на дне рождения главного кассира Французского банка я еще за две серии сказал своей жене.

Женитьба… Шарлотта говорила родителям о женитьбе? Я не могу поверить в это. Снова звонят в дверь.

– О, это, наверное, она, – говорит мать.

– Кто? – я вскакиваю со стула.

– Моя жена, – отвечает Этьен.

Мне представляют Симону, которая тут же подтверждает, что ее муж действительно предугадал происшествие с праздничным тортом. О каком торте они говорят? Все четверо болтают между собой, оставив меня наедине с моим виски. Другое объяснение: они готовят мне сюрприз, устроенный самой Шарлоттой. Сейчас она появится и сообщит, что карантин снят и мы женимся! Снова звонят! Это она!

– Марко, позвольте представить вам мою сестру и ее мужа, – говорит мать. – Они живут в двух шагах от нас и давно мечтали встретиться с вами, особенно с тех пор, как все только о вас и говорят.

Сестра моей будущей тещи живет в том же квартале, что и актриса, играющая Эвелин (которая, несмотря на известность, остается «простой улыбчивой девушкой»). Муж сестры счастлив, что их дружная семья «пополнится писателем». Потом появляется чета Бержеронов, то ли родственников, то ли соседей. Я отвечаю на вопросы, хотя не понимаю, о чем меня спрашивают, путаю взрыв праздничного торта во Французском банке со взрывом, устроенным Эвелиной, но это никого не шокирует. В самый разгар этого шумного обеда мне наконец удается спросить у матери Шарлотты.

– Это ваша дочь сказала вам о замужестве?

– Шарлотта? О нет, от нее такого не дождешься. Но вы, человек, твердо стоящий на земле, разве не считаете нужным узаконить ваши отношения?

– Для этого необходимо поговорить с ней, а я даже не знаю, где она.

У матери вырывается мягкий смешок, и она протягивает тарелку с арахисом мадам Бержерон.

– Вы должны сказать мне, где ваша дочь!

– Понятия не имею! Я уже месяца три не видела ее.

Она занимается десятью вещами одновременно: обращается сразу ко всем гостям и между делом предлагает мне произнести тост.

– Вы хотите сказать, что она не дает о себе знать уже три месяца?

– Муж говорил с ней по телефону на прошлой неделе. Но вы же ее знаете! Еще ребенком она была абсолютно непредсказуема!

Моя будущая теща устремляется в кухню, откуда возвращается с подносом горячего печенья. Я лавирую между гостями, хватаю отца и грубо прерываю его беседу с родственниками.

– Как она поживает? Что она вам сказала? У нее проблемы? Откуда она звонила? Да отвечайте же, черт возьми!

Немного удивленный, он продолжает жевать фисташки, роясь в памяти.

– Вроде бы, у нее все в порядке. Мне кажется, она звонила из провинции. Или из-за границы. С такой работой, как у нее, никогда не знаешь, где она окажется завтра. Но мы привыкли. Скажите, Марко, а когда возобновится «Сага»?

Я чувствую себя невидимым, бестелесным и выбираюсь из этой суетливой компании как привидение, с которого сорвали саван. Мне придется сидеть в засаде до следующего звонка их дорогой малышки. У меня больше нет сил выносить это общество, и я оказываюсь на улице, без малейшей зацепки. Когда дело касается «обычного человека с улицы», моя способность предугадывать события совершенно бесполезна. Любители делают то, что им взбредет в голову, импровизируют, и в результате вес выходит из-под твоего контроля. Нужно будет когда-нибудь сочинить историю жизни какого-нибудь человека, а потом заставить его придерживаться сценария.

Не знаю, то ли спуститься в метро, то ли зайти в кафе, где никому ни до кого нет дела. Ноги сами несут меня по какой-то небольшой улочке, и я не пытаюсь командовать ими. Что сделал бы на моем месте герой американского фильма? Давным-давно обратился бы к частному детективу.

Идея не так уж нелепа, как кажется на первый взгляд. Мне действительно нужен парень, который умеет искать. Ему наплевать, кто я такой, лишь бы платил деньги. Он сумеет расколоть руководительницу проекта так, что она ничего не заметит…

В конце улочки какой-то тип в серо-голубом костюме останавливает меня и протягивает руку. Его физиономия ни о чем мне не говорит.

– Мы знакомы?

Нельзя не пожать протянутую вам руку. По крайней мере, так меня воспитали. Еще два типа молча окружают меня.

Все происходит молниеносно, каждое движение отрепетировано, как в танце. Открытая дверь машины, толчок под ребра – я оказываюсь на заднем сиденье, а машина срывается с места. И все в полном молчании, никто не произносит ни слова, даже я. Состояние как сразу после автокатастрофы: смутно понимаешь, что случилось что-то ужасное, и ждешь, когда вернется сознание. Улочка уже далеко позади, водитель резко поворачивает за угол. Один из его сообщников сидит на переднем сиденье, второй – со мной сзади. Все трое в одинаковых серо-голубых костюмах, у всех квадратные нижние челюсти и холодные рыбьи глаза. Ощущая противную дрожь, выдаю соответствующий монолог, но полное молчание в ответ свидетельствует о том, что они давно знают его наизусть. Машина ныряет в туннель. Крепко зажмуриваю глаза и слышу свой внутренний голос: «Да, Марко, это уже не обычная жизнь, действительность не имеет ничего общего с той, которую ты знал до того, как начал писать „Сагу". Но, что бы ни случилось, не забывай, что герой – это ты. Иначе они доведут тебя до сумасшествия».

– Куда вы меня везете? Молчание.

– Вы не ответите ни на один мой вопрос?

Не обоворачиваясь, тип, сидящий впереди, бросает:

– Вы сценарист, да?

Не представляю, через какие испытания мне придется пройти, но как бы странно это ни выглядело, тип прав. Да, сценарист – это я.

– Если попытаться проанализировать сцену, то мы находимся в крутом боевике, учитывая хорошо скроенные костюмы и шикарную тачку. Подбор актеров безупречен, и у вас очень сдержанная манера игры. Похоже на школу Страсберга. Однако из-за отсутствия диалогов общий тон сцены слишком размыт. Если позволите, могу дать совет: вопреки всеобщему мнению, что зрителю это нравится, очень опасно так долго сохранять тревожную атмосферу, вы рискуете его потерять. В кино он начинает скучать, как только ему становится все ясно. А в пятнадцатисекундном эпизоде может начать зевать через пять секунд. Будь на моем месте кто-то другой, он бы уже давно выключил этот канал.

Я попробовал. И не получил по морде.

– Тем не менее вы не знаете, с каким кланом имеете дело, – говорит один из моих похитителей.

– Вы говорите «клан», как будто их только два: полицейские и бандиты. Если мы действительно играем в боевик, то я не представляю вас ни милыми полицейскими, ни злыми бандитами, ни злыми полицейскими, ни милыми бандитами. Вы явно выше этого. Если бы мне пришлось вводить вас в сценарий, я бы написал так: Агент 1, Агент 2, Агент 3, не давая психологических или физических портретов.

Поиздеваться над ними, чтобы посмотреть на реакцию. Рискованно, конечно. Орел или решка?

– Продолжайте.

– Попробуем перечислить гипотезы. Вы ведете себя очень двусмысленно, невозможно определить, то ли вы: а) перережете мне горло где-то за городом; б) посадите в самолет, чтобы спасти мне жизнь; в) напугаете до смерти, чтобы заставить сделать то, чего я не хочу.

Они не реагируют, но мне кажется, что мы ближе всего к пункту «в». Утром я поклялся Сегюре, что больше не притронусь к «Саге». Известие об этом дошло по цепочке до самых верхов, и в результате я удостоился чести быть похищенным тремя клонированными типами, вышедшими то ли из резиденции премьер-министра, то ли из дешевого шпионского фильма.

– Вы не находите, что эта история становится просто неправдоподобной? Ежедневно телевидение обрушивает на зрителя лавины картинок, мы видим умирающих детей, присутствуем на войне, словно участники видеоигры. Нам показывают подонков и убийц, которых оправдывают на судебных процессах. Пичкают дебильными шоу с невежественными ведущими, забивают головы сказками, чтобы мы перестали думать. Все аудиовизуальные средства находятся в руках циников, которые давят на нас своим могуществом и посредственностью. И только эта чертова «Сага» не прошла незамеченной. Ну почему все с таким остервенением вцепились в этот дерьмовый сериал? В меня, жалкого сценариста, который попытался хорошо сделать свою работу?

Несколько секунд они удивленно молчат, потом просят меня заткнуться. Я мог бы выплеснуть все это типу из психологической помощи, Сегюре или родителям моей будущей жены. Так нет, надо же было нарваться на бандитов. Они, потешаясь, обмениваются взглядами. Внезапно мне начинает казаться, что я здесь – пустое место.

Агент 1 . Эй, ребята, вам не напоминает это антителевизионную кампанию? Кто-то уже в ней участвовал?

Агент 2 . Вальтер Каллахэн, в самом начале. Помните, как менялось его лицо, когда он сидел перед телевизором? По одному блеску в глазах уже становилось понятно, что он смотрит. Отличный был актер.

Агент 3 . Это в той серии, где его кузен Квинси приезжает в Париж.

Агент 2 . А, кузен Квинси! Тот, что любил приговаривать…

Агенты 1, 2 и 3 (хором). Не в свои сани не садись!

Агент 3 . Помните Клариссу, подружку Камиллы?

Агент 1 . Когда устраивали розыгрыши на церемонии посвящения в студенты?

Агент 3 . Я был к ней неравнодушен, но в следующей серии она исчезла, не помню уже почему.

Машина мчится по Парижу без видимой цели.

Агент 2 . Она погибает из-за расследования одного журналиста, который на самом деле является сыном жертвы и просит убийцу помочь ему. И тот кретин попадает в ловушку.

Агент 1 . Когда я смотрел эту серию, то думал, что убийца – Фред.

Вообще-то, цель есть. И цель совершенно точная. Машина приближается к кварталу, который мне хорошо известен. Это мой квартал.

Агент 2 . А я был уверен, что убийца – Джонас, на практике реализовавший свою теорию о «парадоксальном убийстве».

Агент 3 . Лично я думал, что это та шестидесятилетняя женщина, все время забываю, как ее зовут…

– Парни, вы же не высадите меня днем возле моего дома? Вы не можете поступить так со мной!

Агент 2 . Ты говоришь о даме, которая живет воспоминаниями о пятидесятых годах?

Агент 1 . Иветта! Когда она снимает туфлю, чтобы выровнять шов на чулке… Точь-в-точь как моя мать. А знаете, что именно Иветта произносит слово «Сага» один-единственный раз за весь сериал?

Машина сворачивает на улицу Пуассоньер. Впереди я вижу грузовик и мусорщиков, которые грузят в кузов телевизоры.

Агент 3 . Нет, не только Иветта.

Агент 1. А кто еще?

Какие-то придурки разрисовывают из балончиков с краской стены окружающих домов.

Агент 3 . Камилла. Она знакомится с иностранным туристом, и тот говорит ей: «Моя жизнь – это сага, позвольте мне рассказать ее вам». Эту фразу перевел мне один приятель-швед.

Кучка подозрительных типов поджидает меня возле дома. Машина тормозит. Одной рукой я цепляюсь за спинку сиденья, другой – за дверную ручку. Агент 2 обходит машину, чтобы открыть дверцу с моей стороны. Несколько лоботрясов смотрят в нашу сторону, думая, что сейчас из машины выйдет какая-то шишка.

– Вы не можете выпустить меня здесь!

Они вдвоем хватают меня, вытаскивают из машины и бросают на тротуар.

Агент 1 . Вы немедленно сядете за работу.

Агент 2 . К сентябрю все должно быть готово.

Агент 3 . Или в следующий раз мы остановимся на варианте «а».

Хлопают дверцы, и машина исчезает. Вы не можете выпустить меня здесь! Из меня сейчас выпустят кишки, если я проторчу здесь хотя бы еще одну секунду. Принимаю непринужденный вид, поворачиваю на сто восемьдесят градусов, направляясь в сторону улицы Люн. Трюк не удается. Три типа, требовавших моей смерти в своих воззваниях, нарисованных красными буквами на соседнем фасаде, бросаются за мной. За ними устремляются двое или трое жильцов, наш управляющий и прочие. К ним присоединяются случайные прохожие и еще какие-то люди. Я обращаюсь в бегство. Бежать, бежать, пока не разорвется сердце. Я любил тебя, Шарлотта! Я всегда был готов отдать за тебя жизнь, но сейчас верх берет инстинкт самосохранения, и мне хочется удрать на другой конец света от этой разъяренной толпы. Если ты уже там, подожди меня, я скоро буду! Я скоро буду!

На улице Торель толпа настигает меня. Я оказываюсь в заколдованном кольце; в таких случаях скорпионы обычно кончают жизнь самоубийством. Не успеваю произнести ни слова, как на меня выливаются струи краски. Толкотня, крики, поднимающаяся волна ненависти. Меня хватают, пытаются разорвать на части, я – их добыча, каждый желает получить свою долю. Потом бросают на землю, пинают ногами, топчут ботинками. Из последних сил пытаюсь представить, что все это – художественный вымысел.

Простая комедия, но в которой начинаешь верить в Бога.

Однако это не облегчает мою боль. В давке лавина тел обрушивается на меня, сейчас мои кости захрустят под их тяжестью. В этой каше кто угодно может нанести мне смертельный удар, и никто никогда не установит виновного.

Терплю.

Надеюсь.

Лежу с закрытыми глазами и надеюсь.

Внезапно пытка прекращается.

На меня больше никто не давит.

Открываю глаза.

Град ударов обрушивается на банду моих мучителей. Ничего не понимаю. Над моей головой разворачивается настоящее побоище, чьи-то руки поднимают меня с земли и тащат по улице Люн.

Я распят! Превратился в распятого мученика!

Это становится невероятно забавным. Точно, они довели меня до сумасшествия! Сейчас вознесусь на небо!

Через несколько минут меня закрывают в кузове грузовика.

– Едем на базу.

– Еще бы немного…

– Трогай, черт возьми!

– Все будет в порядке, месье Марко, можете не беспокоиться.

Фраза, которая сразу же производит противоположный эффект. В кузове еще шесть человек, изумленно разглядывающих меня. Все они приблизительно моего возраста. Парни, похоже, хорошо владеют боевыми приемами, а у двух девушек выправка, как у бойцов элитного спецназа.

Сегодня утром, часов в семь, я был героем психологической драмы. Немного позже оказался участником комедии нравов. После обеда, вопреки своей воле, стал действующим лицом шпионского боевика. Но сейчас, что делаю я сейчас в этом фильме о войне?

– Где расположена ваша база?

– В трех шагах отсюда. Но о ней не расскажешь, ее нужно видеть.

– Вы случайно оказались на месте побоища?

– Мы поставили возле вашего дома дежурного на тот случай, если вы появитесь, так как вас нелегко поймать. Он предупредил нас, и мы успели вмешаться.

– Я могу узнать, кто вы такие?

– Делегация президентов шестидесяти одного фан-клуба «Саги», съехавшихся со всей Франции.

Я не могу сдержать тяжелый вздох. Они принимают его за вздох облегчения, хотя я просто смиряюсь с ситуацией. День сегодня обещает быть долгим.

Грузовик въезжает в мощеный двор. На стене обветшалого здания – табличка: «ПРОДАЕТСЯ». Владелец строения – тоже поклонник «Саги» – предоставил на несколько месяцев свое помещение для сборного пункта. Едва я переступаю порог, как меня торжественно встречает радушное правление. Когда им сообщили, что я скоро прибуду, они накрыли стол и повесили плакат с приветствием. Они ждали этого момента две недели. Не знаю, могу ли я наконец немного успокоиться. После бокала шампанского мне показывают спальню, зал заседаний и то, что они называют «Музеем». Это действительно напоминает музей – множество разных предметов на полках и в витринах. Глава правления объясняет, что здесь находится. Пистолет под стеклянным колпаком.

– Это кольт девятого калибра, принадлежавший Камилле, мы купили его у типа, занимавшегося снабжением первой съемочной группы. Потом они его заменили, но именно этот кольт она держит в руке во второй серии.

На длинном столе разложено с десяток страниц сценария.

– Их подобрал во время съемок наш человек, иначе их просто выбросили бы. Это черновик 18-й сцены из 62-й серии, когда Мордекай покупает за две тысячи долларов какие-то необыкновенные конфеты для Марии. Внизу этой страницы Луи Станик добавил от руки: «Вставить здесь искреннюю фразу».

Небольшой сосуд из прозрачной пластмассы с белесоватой жидкостью – образец липозы, который Фред показывал министру здравоохранения. Реквизитор получил липозу, смешав яичный белок с топленым свиным салом, которое раздобыл на кухне.

Пустая бутылка из-под водки.

– Вы, наверное, догадываетесь, откуда она. Мы извлекли ее из мусорного бака дома № 46 по авеню де Турвиль. Водка с перцем или просто перцовка. Говорят, что ее пили только вы с Жеромом, а Матильда Пеллсрен не брала в рот ни капли. Луи Станик, тот предпочитал пиво.

На экране мелькают кадры «Саги».

– Редкий экспонат: запись 8-й серии с ошибкой. Эрика здесь все зовут Жан-Жаном. В чистовом варианте и на кассетах уже все исправлено.

Я приперт к стенке и должен продолжать эту дурацкую экскурсию. Мой гид не упускает ни одной мелочи, начиная от крошечного обрезка ногтя, кончая скучнейшим анекдотом. И чем больше я вижу экспонатов, тем чаще у меня мелькает мысль, что я попал в логово психов, безумцев, опасных безумцев, членов секты маньяков, готовых сделать из меня чучело и выставить его как самый ценный трофей. Я чувствую, что мои глаза скоро вылезут из орбит. Пора просить Бога о милосердии.

– Узнаете? Это «Процесс» Кафки, который Менендес всегда держал под рукой.

Господи?

Все правильно!

Конечно, все правильно!

Это ОН подстроил так, чтобы я влип в это дерьмо!

– Чтобы раздобыть флакон с ванильными духами Вальтера, я чуть не поплатился жизнью. А оказалось, что они ничем не пахнут.

Бог рассердился на меня за то, что я играл людскими судьбами, использовал ЕГО в качестве действующего лица, заставлял ЕГО говорить, ЕГО, чьи мысли непостижимы! Мы возомнили себя ИМ, сотворили Золотого тельца, нарушили все ЕГО заповеди!

– Один из наших парней в Париже, скульптор, восстановил «осязаемый пейзаж», о котором говорит Боннемей в 67-й или 68-й серии. Он использовал четыре вида разных камней и…

Прости меня, Господи.

Я раскаиваюсь. Искренне раскаиваюсь. Если Ты умеешь читать в моей душе, то понимаешь, что я не лгу…

Если бы Ты знал, как мне нравилось заниматься Твоей работой…

Ты делаешь потрясающую работу, и мало кто из людей о ней знает. Какое испытываешь наслаждение, видя, как этот мир движется, любит, страдает… Как приятно подвергать людей испытаниям и вознаграждать их, когда они того заслуживают! Но почему Ты так жесток со мной? Со мной, кто знает всю профессиональную кухню, предсказывает за четыре серии все, что должно произойти?

– Помните фотохромовое платье, которое Фред придумывает для Марии? Мы раздобыли его, но без спецэффектов оно не меняет окраску, мы пробовали.

Ты бы мог и не подкладывать мне свинью – своему коллеге. Неужели тебе недостаточно, что бедняга Марко мечется, словно проклятый, в поисках женщины своей мечты?

Нет?

Тебе нужно было доказать мне кое-что…

– Вам нравится наш музей, месье?

Ты хотел доказать, что как сценарист Ты лучше меня.

– …Вам не нравится?

– Нет, нет… Не обижайтесь, я немного рассеян… Все это так трогательно…

Надо попытаться усыпить бдительность этих чокнутых, надо что-то придумать…

– Я мог бы подарить музею несколько редких экспонатов. Они хранятся у меня, я постараюсь привезти их сегодня же вечером.

– А что именно?

– Я сохранил записные книжки, мы иногда играли в слова, когда уставали от работы. Именно таким образом появился на свет целитель. Я унаследовал также Коробку решений и …

– Коробку решений?

– С самого начала совместной работы мы придумали особый прием – клали бумажки с предложениями в коробку из-под обуви, а потом вытаскивали одну наугад и принимали решение. Если вам интересно, коробку можно найти. Она где-то валяется в нашем бюро на авеню де Турвиль.

– Мы там все обыскали.

Кажется, у них мирные намерения. Они относятся ко мне с уважением. Пожалуй, даже боготворят. Настолько, что это может вызвать раздражение у Всевышнего.

Клянусь тебе, что раскаиваюсь! Вытащи меня отсюда, я усвоил урок.

– Может, она среди моих вещей?

– С этим можно повременить. Сейчас у нас есть более важное дело.

Мирные намерения? Как бы не так, клянусь своей задницей! Но, черт побери, что они еще такое придумали? Что Ты еще придумал для меня? Ведь это Ты?

– Осторожнее со ступеньками. Они через одну сломаны.

Знаю, что совершил большой грех, и этому греху древние греки дали название.

Hubris… Грех гордыни…

Отсутствие чувства меры и наглость одновременно. Состязание с Богом, присвоение права управлять судьбами. Вот, что мы сделали, и сделали в полной безнаказанности, презрев все законы, получив абсолютную свободу, когда-либо предоставленную писателям.

Четверо или пятеро психов, которые ведут меня по обветшавшему коридору, прекращают болтать, когда мы оказываемся перед двустворчатой дверью. Что же делать? Я могу захлебнуться в истошном крике – меня никто не услышит. Могу возмущаться, сколько влезет – им плевать. Они спасли меня для того, чтобы заставить заплатить как можно дороже за мое спасение.

Двери открываются.

Огромный пустой зал. На раставленных квадратом стульях сидят десятка три мрачных типов. Это похоже на обстановку в зале судебного заседания.

Процесс…

Мой процесс.

Меня усаживают в подобие бокса. В зал входят еще несколько человек и рассаживаются с торжественным видом, словно члены Верховного суда.

И среди этого сюрреалистического кошмара я неожиданно начинаю понимать, как всем нам, заблудшим душам, нужна вера в сказки. Не проходило и дня, чтобы кто-то из нас не вспоминал домохозяйку из Вара и безработного из Рубе. Но среди девятнадцати миллионов заинтригованных неизвестных зрителей были и старая дева из Авиньона, и отшельник из Воклюза, и хандрящий вандеец, и сироты со всех уголков страны. Были одинокие, сломанные жизнью. Неуравновешенные, снедаемые тревогой, брошенные на произвол судьбы. Те, у кого не было ни семьи, ни друзей – ничего, кроме телевизора. Те, чье желание поверить в сказку было столь сильным, что любое правдоподобие им только мешало. Да и как можно отказаться от фантазий, когда жизнь то и дело бьет по голове?

Они сами отождествляли себя с героями. Нам достаточно было лишь немного приоткрыть дверь, чтобы они устремились в нее и открыли для себя новый мир. Мир, который можно завоевывать. На их пути было множество ловушек, им приходилось расшифровывать знаки и пробиваться сквозь темноту. Эта работа делала их более гордыми,

более ловкими. И только в конце каждой серии начиналась их настоящая Сага, и было неважно, найдут ли они в следующей серии ответ на свой вопрос – они отважились пробраться туда, куда их никто никогда не приглашал.

И все это мы убили нашей 80-й серией.

Те, кто судит меня сегодня, были, несомненно, самыми ревностными верующими и самыми уязвимыми. Они требовали гораздо большего, чем мы могли им дать.

Опускается вечер. Моя камера на последнем этаже здания – две небольшие комнатушки с заложенными кирпичом окнами. Процесс продолжался почти четыре часа. Мой адвокат не ударил в грязь лицом, некоторые его реплики ставили прокурора в тупик. Но никто не в состоянии совершить невозможное, слишком много было обвинителей. Матильда, Жером и Луи были осуждены заочно, оставалось решить лишь мою судьбу. Что я мог сказать в свою защиту? Только наплести паутину лжи, которой никто не поверил. Я сообщил им, что «Сага» должна возродиться из пепла. И даже привел доказательства, на свой страх и риск опережая события и обещая им золотые горы. «Сага» в свободном полете. Я заливался как соловей, в общем, дал им надежду.

Не сомневаюсь, что это и повлияло на приговор.

– Вы, конечно же, знаете сказки «Тысяча и одна ночь»? – …?

– Имя Шехерезады вам о чем-нибудь говорит?

– Осужденная на смерть дочь везира? Она рассказывала истории, чтобы развлечь султана, и тот оставлял ее в живых, пока она ухитрялась придумывать продолжение.

– В течение дня вы будете придумывать продолжение «Саги», а вечером мы будем собираться здесь и слушать его. И каждый вечер будем решать, оставлять ли вас в живых.

– Тысяча и одна ночь? Вы шутите!

– Два года и девять месяцев.

– Но как я смогу находить материал на протяжении такого срока? И потом, без моих коллег у вас будет только четвертая часть «Саги»!

– Первая серия завтра вечером.

– Но!..

– На вашем месте я бы не терял время даром, а разрабатывал ситуации. Начните, к примеру, с Камиллы. Сделайте так, чтобы она вернулась.

– Но она мертва!

– Выпутывайтесь!

Сейчас я вооружен карандашом и бумагой, но они обещали, что скоро у меня будет компьютер и все остальное. Со мной будут обращаться, как с принцем из «Тысяча и одной ночи».

– Проснитесь, Марко! Это я, ваш адвокат.

– Мой… кто?

Комната с трещинами на стене … стопка блокнотов под рукой … И мой адвокат. Да, это он. А я-то надеялся, что вчерашний кошмар испарится с первыми лучами солнца.

– Что, уже пора? Но я еще ничего не придумал, я выжат как лимон, мне нужно больше времени. Ради Бога, объясните им это.

– Я пришел, чтобы помочь вам выбраться отсюда.

– …?

– Вставайте, уверен, что смогу вывести вас из этого логова психов.

Это Ты, Господи, послал его мне? Неужели ты услышал мои молитвы?

– Не знаю, кто вы на самом деле, но ваше вмешательство кажется мне очень странным. Может, вы потребуете от меня взамен нечто чудовищное.

– Абсолютно ничего.

– И потом, такие люди в обычной жизни не встречаются.

– В обычной жизни я преподаю историю в университете. Среди этих фанатиков был профессиональный адвокат, но он категорически отказался защищать вас. Пришлось взяться за дело мне. Я приложил все усилия, но дело было проигрышным заранее.

– Преподаватель истории и президент фан-клуба «Саги»? Вы издеваетесь?

– Честно говоря, моя страсть – это книги Понсона дю Террайля.

– …?

– Понсон дю Террайль. Неужели это имя вам ничего не говорит?

– Знаете, я мало читал. Если бы я меньше времени смотрел по телевизору всякую чушь, то не находился бы сегодня здесь.

– Граф Пьер Алексис Понсон дю Терраиль – один из ваших знаменитых предшественников. Плодовитый писатель, приобретший известность своими романами с продолжением. Он написал тысячи страниц, где его герои попадают в самые безысходные ситуации, чем доказал силу своего воображения. Хотя его произведения сегодня не слишком популярны, но имя главного героя его романов стало нарицательным.

– Рокамболь!

– Правильно, Рокамболь. Он встречается на страницах более чем трех десятков романов. «Парижские драмы».

– Никогда не читал.

– Это что-то невероятное! Столько таинственности и живописности, что прямо дух захватывает! Когда я прочел последнюю страницу последнего приключения Рокамболя, то совершенно забыл, что было вначале. Я мог бы провести всю жизнь, перечитывая его книги. Но лаконичность – не главное достоинство милейшего Понсона, он весьма мало заботился о правдоподобии и психологии. Поругавшись с издателем своей газеты, Понсон, в порыве гнева, пишет последний эпизод романа. Он помещает своего героя в металлическую клетку, которую сбрасывают с судна в море, в месте, где глубина достигает нескольких сотен метров. Взбешенный издатель нанимает вместо него других авторов, но все терпят фиаско.

Я тоже потерпел бы фиаско. Стоит мне вспомнить о возрождении Камиллы, как мои извилины отказываются шевелиться.

– К счастью, наш великий писатель, поддавшись на мольбы издателя, соглашается продолжить роман. Хотите узнать, как выпутался Понсон?

Мог бы и не спрашивать. Сейчас такие истории для меня жизненно необходимы.

– Очень просто. Понсон начал следующий эпизод фразой: «Выбравшись из западни, Рокамболь поднялся на поверхность».

– Он осмелился написать такое?

– Вот именно!

Потрясающе! Какая свобода! Какой урок для всех! Я думал, что наш сериал отрезал нам все пути назад, стал демаркационной линией, как говорил Жером. Но наши великие предшественники доказали, что в творчестве нет ничего невозможного. Гомер, Шехеразада, Понсон дю Террайль и другие расчистили нам дорогу. Показали пример.

– Вы и трое ваших коллег были нашим Понсоном дю Тер-райлем. С таким же безудержным воображением, веселым нравом. Я был без ума от вашей «Саги».

– Нам далеко до его уровня.

– И поэтому в память об этом потрясающем человеке я должен был вмешаться. То, что он сделал для Рокамболя, я сделаю для вас. Или, возможно, для «Саги».

Спустя две минуты я, обливаясь потом, как сумасшедший несусь к площади Бастилии. Свободный, но не способный сейчас оценить, что же со мной случилось и какую роль сыграли в моей судьбе Бог, дьявол, случай, мечта, реальность, человеческое безумие или я сам. Выбившись из сил, останавливаюсь у фонтана Уоллеса и ополаскиваю лицо холодной водой. Нужно найти спокойное место, где можно немного передохнуть. Хотя бы немного. С рюмкой водки. Нет, лучше с бутылкой водки. Мне нужно напиться, поговорить с нормальными людьми. Или вообще не говорить. Кто знает, где я заночую сегодня?

Когда я поднимаюсь по улице Рокетт, мое внимание привлекает мигающая надпись над дверью бара «Место встречи».

Час ночи.

– Когда вы закрываетесь?

– Примерно через час.

– У вас есть перцовка?

– Нет.

– Тогда принесите любой другой водки, двойную порцию.

В баре никого нет. Уютно, тихо и пусто. Я опускаюсь на табурет возле стойки, залпом проглатываю водку, потом заказываю еще. Бармен ставит передо мной блюдце с арахисом и включает музыку – какой-то джаз.

Сердце начинает биться нормально. Я облегченно вздыхаю и на мгновение закрываю глаза.

Покой.

Представляю, как проведу оставшиеся годы жизни в этом баре, попивая водку и слушая саксофон. Один. Вот в чем, наверное, секрет счастья: думать только о настоящем, словно речь идет об отрывке фильма, ни начало, ни конец которого тебе не известны.

В бар входит женщина и садится за стойку в нескольких метрах от меня. На ней слишком широкие джинсы и старая рубашка с длинными рукавами. На груди надпись: АМНЕЗИЯ. Она заказывает виски без льда и стакан воды.

Я ее знаю!

Черт возьми, я се знаю!

Мне было слишком хорошо, чтобы это длилось вечно. Я получил всего лишь отсрочку. Несколько минут счастья.

Она умеет завлекать, а поскольку других клиентов в баре нет, жертвой стану я. Она и пришла сюда потому, что я здесь. Паранойя начинается незаметно. Да, она здесь ради меня. Я вижу только ее затылок. Она не хочет поворачиваться ко мне лицом.

Этот нелепый наряд в американском стиле, шрамы на шее, выразительные беглые взгляды…

– Милдред?

О, как мне хотелось бы, чтобы она не откликнулась. Но ее табурет медленно поворачивается в мою сторону – и ее лицо попадает в полосу света.

– Да?

Разражаюсь хохотом.

Потом придвигаюсь к ней и опускаю руку ей на плечо, чтобы убедиться, что она из плоти и крови. Встревоженный бармен спрашивает издали, не мешаю ли я ей. Она отрицательно качает головой.

Поразительное лицо, внушающее уважение. Размытые черты, не слишком красивые. Лицо, похожее на лицо античной статуи или на лик Богородицы. Где они откопали эту девицу?

– У меня плохая память на имена, тем более, на имена актеров, но я видел вас на коктейле, устроенном дирекцией студии. Кажется, это было в феврале. Мы не разговаривали. Помню, вы произнесли несколько милых слов о сценаристах. Ваша фамилия начинается на Д или на Т. Вас зовут… София?

Она рассматривает меня со смесью любопытства и неприязни.

– Я бы предпочла встретить Матильду Пеллерен.

Заказывает еще виски. В одной из серий она напилась им вместе с отцом.

– Сожалею, но она покинула место преступления вместе с тремя остальными. Это она придумала, создала и вдохнула жизнь в Милдред. Любовь с Существом – тоже она.

– Не называйте его так.

– Кого?

– Человека, которого я люблю.

Я должен вспомнить, что писали о ней в газетах. София… Кажется она с юга, из Ниццы или Каннов, где до «Саги» была ведущей какой-то небольшой передачи местного телеканала. Но, может, я путаю ее с кем-то другим. Я напрямик спрашиваю у нее: кто сказал ей, что я в этом баре? Она делает глоток виски, продолжая презрительно рассматривать меня с ног до головы, что меня немного нервирует.

– Только не говорите, что оказались здесь случайно. Смотрите мне в лицо, когда я говорю с вами!

– Вы не можете не знать, что с некоторых пор между мною и тем, кого вы называете Существом, не все ладится. И поэтому я посещаю бары. В конце концов, Дад прав – нет ничего лучше спиртного, чтобы немного забыть этот подлый мир. Когда мне было страшно плохо, я серьезно подумывала о том, чтобы превратиться в алкоголичку. Кстати, алкоголизм – это тоже профессия, в которой можно преуспеть. У одних получается, у других – нет.

– Не пытайтесь морочить мне голову, я знаю, что все актеры взвыли как волки, увидев 80-ю серию: искажение их образов, злоупотребление доверием и так далее. Ваше болезненное актерское самолюбие тоже должно было быть уязвлено, но в то время это нас волновало меньше всего.

– Моя самая большая удача в жизни – встреча с человеком, которого я полюбила. Затем, мой ум. У меня невероятно высокий коэффициент умственного развития, иначе мое место было бы в психушке. Люди часто интересуются, делает ли человека несчастным его гениальность. До 80-й серии я не смогла бы на это ответить. Но теперь знаю: чем умнее человек, тем меньше он страдает. Улыбка довольного человека и счастье простака ничего не значат. Я чувствую себя лучше, чем другие, но у моего любимого мужчины не хватает интеллекта, чтобы понять. Вы же видели, как он реагирует на мир, на других людей…

– Это Сегюре попросил вас проследить за мной?

– … Я могу лишь помочь ему разобраться в происходящем. И через это понять мою собственную боль. Но он способен только страдать, как животное, потому что он и есть животное. И я страдаю вместе с ним, видя, как он себя губит.

– Вы неплохая актриса и быстро найдете работу.

– Вы считаете, что мне легко? Отец-алкоголик, довольный своей судьбой, но все-таки алкоголик. Мать, пропавшая без вести, появившаяся неизвестно откуда и снова исчезнувшая. Брат – полицейский, превратившийся в холуя. И возлюбленный, который живет как дикарь… Прекрасные люди, эти Каллахэны… Не говоря уже об их окружении.

– Что вам от меня нужно?

Она допивает виски, и бармен наливает ей новую порцию. Она кивает ему в знак благодарности как настоящая завсегдательница.

– Вы жонглируете словами, сочиняете многословные диалоги, но не пытаетесь влезть в душу. Вы решили, что наша пара должна пережить ад, и вот теперь мы его переживаем, с каждым днем все больше и больше, такой ад, что даже ваше богатое воображение не поможет вам этого представить. Я знаю, что такое сильнейшая физическая боль, но это ничто по сравнению с тем, что он чувствует ежедневно.

Она кладет на стойку сто франков и встает с табурета.

– Сделайте что-нибудь для человека, которого я люблю.

Нельзя отпускать ее, не покончив с этим маскарадом. Я хватаю ее за руку. Встревоженный бармен приближается к нам.

– Прежде чем уйти, вы покажете мне свои шрамы.

Она с силой вырывает руку и вызывающе смотрит на меня.

– Это настолько же в ваших интересах, как и в наших.

Был только один эпизод, где показывались ее шрамы, и гример потратил почти два часа, чтобы нарисовать их. Хотя теперь и он может быть в сговоре с ними!

– Отпустите меня!

Во мне поднимается волна ярости, однако бармен оттаскивает нас друг от друга, хватает меня за лацканы пиджака и бросает на стол. Стол переворачивается, и я оказываюсь на полу.

Милдред исчезла.

Медленно поднимаюсь. Бармен приказывает мне убираться.

– Эта девушка зашла сюда впервые?

Вместо ответа он хватает меня за воротник и выталкивает на улицу. Я оглядываюсь в поисках Милдред.

Спрашиваю у прохожего, который час.

Без двадцати два.

Неужели ты никогда не спишь, Господи?

Ты решил не оставлять меня в покое, пока я не пойму? Не беспокойся, я уже понял. Могу даже пересказать Тебе твой внутренний монолог: «Бедный Марко, ты хотел сыграть наравне с великими, ты бросил мне вызов на моей территории, но Я покажу тебе, что такое драматическая ситуация, ложный след, кульминация. Ты узнаешь, что такое приключения».

Ополчись на других, ведь они виноваты не меньше меня. Ты один только знаешь, где скрываются Матильда, Луи и Жером и чем они сейчас занимаются.

Где вы, ребята?

– Это он?

– Конечно, он.

Ко мне направляются два типа.

– Узнаешь нас?

Конечно, я вас узнаю. Вы – Брюно и Джонас. Однако не прошло и минуты, как Милдред меня одурачила, и поэтому я уже ничему не удивляюсь. Да, вы хорошо все продумали, но я не собираюсь принимать участия в вашей мизансцене.

– Так ты нас узнаешь?

Худшее оскорбление для актера – не узнать его.

– Моя физиономия ничего не говорит тебе?

– Нет, ничего.

– И моя тоже?

– Думаю, вы меня с кем-то перепутали, ребята.

За кого они себя принимают, эти актеришки? До того как им достались роли в «Саге», они были никем. Без нас они так бы и остались никем. А теперь они требуют, чтобы я признал их право на существование, признал, что они действительно существуют.

Жалкие персонажи, созданные игрой моего воображения. Вы обязаны мне всем.

ИЗГНАННИКИ

Жалкие персонажи, созданные игрой моего воображения, оставляют меня на асфальте с окровавленной рожей. Бывший полицейский и подросток, делающий первые шаги в мире взрослых, отдубасили меня что надо. Никогда не думал, что они на такое способны. На что-нибудь еще хуже – возможно, но не на такое.

Сажусь на край тротуара и смотрю на проносящиеся мимо такси.

Господи, до чего же я устал!

Мне так хочется быть рядом с Шарлоттой, особенно этой ночью. Она не стала бы проливать слезы, а протянула бы мне носовой платочек, чтобы я вытер кровь.

Передо мной останавливается мотоциклист.

– Простите, я ищу улицу Пуассоньер.

К его багажнику крепко прикручен веревками переносной телевизор, который явно уже отдал Богу душу.

– Вам нужно проехать площадь Республики, бульвар Бон-Нувель, потом повернуть налево сразу за кинотеатром «Ле Рекс». Если вы ищете дом № 188, то он в конце улицы.

– Спасибо!

Он заводит мотор и исчезает в ночи.

Выйдя из аэропорта и увидев двух вышколенных полицейских, я сразу понял, что я в Нью-Йорке.

Они были в голубых мундирах с контрастными желтыми нашивками, с дубинками, свисающими до колен, в фуражках, способных вызвать зависть даже у секретных агентов, и с парой устройств, позволяющих в одну секунду получить портрет подозреваемого.

Один из них был с животиком и прямой как палка. Второй – настоящий скелет, но тоже прямой как палка. Почти мгновенно они превратили меня в фанатичного почитателя Закона и Порядка. Когда я увидел, как они крутятся вокруг неправильно припаркованной машины, в моей памяти сразу же всплыли детские воспоминания: дядюшка Доминик, всякий раз возвращающийся из Нью-Йорка и не способный ничего о нем рассказать. Он только говорил: «Все, как в кино», и на этом его рассказ заканчивался. Я вспомнил, как смеялся до слез при виде полицейских в мундирах, гонявшихся за Бастером Китоном в «Копах». Впервые увидев на фотографии убитого Ли Освальда, лежавшего между двумя полицейскими, я оцепенел от ужаса. Но эти воспоминания – ничто по сравнению с тем, что я насмотрелся в американских полицейских сериалах. В двенадцать лет я был уверен, что все полицейские зачитывают

задержанному его права. Я думал, что достаточно внести залог, чтобы оказаться на свободе, и что во время судебного заседания обязательно полагается клясться на Библии. Я даже был несколько разочарован, когда в пятнадцатилетнем возрасте без всяких проблем купил бутылку виски.

Я недолго думаю, как мне добраться до города: в метро или на такси. Сажусь в одну из желтых машин в шашечку и говорю:

– Манхэттен. Угол 52-й и 11-й.

Этим двум полисменам удалось успокоить мое воображение. Лучше его не будоражить, впереди и так полно впечатлений. Сегодня на рассвете на бульваре Бон-Нувель я понял, что мне будет недоставать города-Солнца. Когда, под палящим солнцем, я ехал по Бруклинскому мосту, Париж казался мне прозрачной игрушкой, которую надо потрясти, чтобы внутри нее хлопьями повалил снег. Я больше не знаю, откуда приехал, и мне наплевать на это. Я хочу ярких впечатлений. Сильных эмоций. Хочу пройтись по улице с обнаженным торсом, накинув рубашку на плечи. Хочу на все показывать пальцем, как рэпер. На небоскребы и чокнутых предсказателей, на лимузины с затемненными стеклами и спортивных девиц, вышедших из бюро, на деликатесы в витринах и опустившихся бродяг.

Я в Нью-Йорке.

Такси останавливается на перекрестке 52-й стрит и 11-й авеню. В месте, где нет ни машин, ни людей. Я оказываюсь между пустой баскетбольной площадкой и таким же пустым рестораном. Прохожу через двойную дверь, иду вдоль стойки, длиной метров десять. Какой-то тип выходит из кухни с пластиковым пакетом, набитым запотевшими пивными бутылками. Сажусь за столик у окна, и он протягивает мне меню. Однако я не спешу и предпочитаю осмотреться.

Несколько небоскребов, жилой квартал с домами с наружными лестницами, как в «Вестсайдской истории». Вдали угадывается Гудзон.

Я жду не двигаясь.

– Уверен, что окружающая обстановка напоминает тебе фильм Хоппера.

Объятия, похлопывания по спине. Жером одет так же, как и в Париже, но здесь он выглядит элегантнее.

– Только что приехал?

– Прямо из аэропорта Кеннеди.

– И как тебе этот грёбаный город?

– Я с первых минут почувствовал себя в нем, как в тапочках. И как Джуди Гарланд в финале «Волшебника из страны Оз», сказал себе: «Нет ничего лучше дома». Я уже говорю, как старый торговец спиртным из Гарлема, и никто этому не удивляется.

– Ты уже в Париже говорил, как старый торговец спиртным из Гарлема.

– Есть одна вещь, которую я ценю здесь больше всего на свете: твое неоспоримое право делать все, что взбредет в голову. Если ты видишь на улице бесцельно шатающегося типа с красным носом, бормочущего какую-то чушь, то можешь быть уверен, что это актер, повторяющий свою роль. Здесь никто никого не считает психом и не отнимает у тебя право на сомнение. Не понимаю, почему во всех странах мира такие полезные вещи не ввели за правило. Нью-Йорк должен стать новым Вавилоном. Ты живешь в нем неделю, год, а потом возвращаешься домой, в цивилизацию, к своей скучной жизни. Насколько меньше стало бы проблем.

– Я думал, ты обосновался в Лос-Анджелесе.

Он объясняет, что в Нью-Йорке происходит столько же событий, сколько и там. К тому же, по контракту он должен ездить туда два раза в месяц.

– А Тристан?

– Он в Монтане, с Ооной. Я хотел устроить его здесь, но он предпочитает деревню, ты же знаешь, что это за птица. Я навещаю их по субботам раз в две недели, пока Оона работает над дипломом. Потом посмотрим.

– Тристана по-прежнему не оторвешь от телевизора?

– Да нет. У него появились друзья, которые возят его по окрестностям на открытом грузовичке. Я очень рад за него.

Жером делает официанту заказ, но я не понимаю ни слова. Нам приносят графин с калифорнийским вином. Никогда раньше я не видел Жерома таким спокойным, таким довольным. И таким взрослым. Я спрашиваю его, нашел ли он наконец то место, где хотел бы остаться, или ему еще предстоит проделать часть пути.

– Трудно сказать. За короткий срок столько всего произошло. Сейчас я работаю консультантом на съемках американской версии «Саги», но сценаристам я фактически не нужен, меня наняли так, для проформы. Я пишу «Борца со смертью-3» для Сталлоне, но, кажется, от блюда уже несет пригорелым. Он предложил мне один проект с Иствудом, похоже, что это осуществимо.

– Ты хочешь сказать, с Клинтом Иствудом?

– А ты знаешь другого?

– Сам Клинт? Грязный Гарри?

– Каллахэн, настоящий Каллахэн. Наша история его здорово позабавила. Но чтобы осуществить проект фильма, нужно вначале пробраться сквозь дебри законов, нанять дивизию адвокатов, чтобы правильно составить контракты, а на это уйдет уйма времени. Поэтому я предложил идею одного сериала Эй-Би-Си, и они предварительно дали согласие.

Он сообщает мне все эти сногсшибательные новости столь будничным тоном, что это кажется ненормальным. Если бы я не знал Жерома, то был бы уверен, что он пытается пустить пыль в глаза. Но это не так. Жером рассказывает мне о своих делах со скромностью человека, нашедшего свою дорогу в жизни, человека, не занимающего чужого места и находящегося именно там, где он и должен находиться.

– Миллиардер! Ты, наверное, уже миллиардер!

– Что касается денег, то мне грех жаловаться, однако я понял, что это не мое. Деньги меня не вдохновляют, ты знаешь. Того, что я получал на авеню де Турвиль, мне вполне хватало. Если бы ты увидел мою квартиру… настоящая берлога.

– Тысяча квадратных метров на 5-ой авеню, апартаменты, в которые поднимаешься прямо на лифте?

– У меня небольшая квартирка как раз над этим рестораном. Стены из красного кирпича, ржавый холодильник, тараканы в ванной. Но мне здесь здорово.

Нам приносят две тарелки с крабами, посыпанными мелко нарезанной петрушкой. Не представляя, как за них взяться, я беру пример со своего приятеля, который отправляет их в рот целиком, вместе с панцирем.

– Нью-йоркское блюдо. Они ловят крабов сразу после линьки и тушат их на сковородке. Панцирь становится таким же нежным, как мясо.

Луч солнца падает на наш стол. Несколько бегунов трусят друг за другом мимо окна.

– Как здорово, что ты здесь, парень! Я знал, что ты совершаешь глупость, оставаясь в Париже. До меня дошли слухи, что 80-ю серию приняли плохо.

Он не спрашивает меня о шраме на физиономии – подарке от «Саги». Красивая звездочка в углу глаза даже похожа на специальную татуировку – знак, имеющий символическое значение. Доктор обнадежил меня, что к осени шрам исчезнет.

– Ты хочешь услышать истинные фразы или мне нужно ходить вокруг да около?

– Истинные.

– Страна в огне и крови, и я враг нации номер один.

– Когда пишешь страшные истории…

– Сегюре проявил чудеса изобретательности, чтобы вывалять меня в дерьме.

– Я и забыл это имя… Сегюре… Когда смотришь на него вблизи, видишь перед собой какое-то недоразумение. А отсюда он вообще кажется козявкой. По сравнению с ним, любой американский продюсер выглядит принцем.

Он замолкает, чтобы сделать глоток вина. Подростки, каждый на три головы выше меня, высыпают на баскетбольную площадку. Здесь все King Size, даже подростки.

– Ты когда возвращаешься в Париж?

– Еще не решил.

– Я запланировал приятный вечерок, но пусть он будет сюрпризом. Чем ты желал бы заняться вечером?

– Мне бы не хотелось отвлекать тебя, если ты работаешь.

– Ты, мой второй брат, боишься мне помешать? Скажи, чего бы тебе хотелось? У тебя наверняка есть сокровенное желание, у всех появляются желания, когда они приезжают в Нью-Йорк.

– Под знаком этого города прошло мое детство. Мне хочется познакомиться с ним поближе.

– Видишь дома, там, между деревьями? За ними как раз 42-я стрит.

– Forty second street?

– Она самая.

Мне нравится, как он говорит: «Ты у меня в гостях и ты еще ничего не видел». Он с удовольствием покажет мне Нью-Йорк. Мы так часто говорили о нем по ночам, на левом берегу Сены, попивая обжигающую горло перцовку.

Через час я сижу в «Taxi Driver». За окном – проститутки, сутенеры, нищие, дымящиеся канализационные колодцы, реклама кока-колы. От захлестнувших чувств чешутся глаза и щекочет в носу. Чтобы скрыть глупое волнение, принимаю непринужденный вид и насвистываю мелодию из какого-то ковбойского фильма.

После двух телефонных звонков мне доставили смокинг, а внизу нас ждет лимузин с шофером.

– Ты так и не скажешь, куда мы отправляемся?

– В кино.

Я не умею завязывать галстук-бабочку. Жером справляется с этой проблемой на удивление ловко. И это тип, который три месяца назад не мог правильно застегнуть рубашку! С невинной улыбкой он лезет в шкаф и достает оттуда бумажный пакет, перевязанный ленточкой.

– Это мне?

– Тебя это должно позабавить.

Развлекательная игра, с доской, кубиками, пешками и картами. Называется «Фантасмагория».

– Как-то вечером во время грандиозного празднества в Лос-Анджелесе я беседую с Верноном Милынтейном…

– Продюсером «Боевых игр»?

– Он больше известен как продюсер «Клуба капитанов», но этот сериал не шел во Франции. Я рассказал ему, что придумал игру, где нужно создать настоящую историю от начала до конца, пользуясь подсказками, делая ставки, выполняя инструкции и избегая ловушек. Через два месяца игра уже готова и вот-вот поступит в продажу во всех пятидесяти двух штатах. «God, bless America!»[13].

Несомненно одно: я никогда не буду пытаться играть с Жеромом в «Фантасмагорию».

Лимузин останавливается перед «Театром Зигфилда», сияющим тысячей огней. Здесь сегодня премьера «Ночных звонков», сентиментальной комедии о войне между бандами гангстеров. Зрелище скоро начнется. Возле входа толпятся сотни зевак, которые пришли сюда специально, чтобы поглазеть на парад кинозвезд.

Портье открывает дверцу автомобиля. Если бы у меня хватило нахальства, я бы тоже мог встать на красный ковер, попозировать фотографам и дать интервью трем телеканалам. Но об этом не может быть и речи.

– Чего ты застрял?

– Мне страшно, Жером…

Он вытаскивает меня из машины. Десять шагов, отделяющих меня от холла – самые великие шаги в моей жизни, как в прошлой, так и в будущей. Отныне моя жизнь будет одним сплошным закатом. В холле я вижу людей, известных миру лучше, чем американский президент. И все они подходят к Жерому, чтобы пожать ему руку. Актрисы, при виде которых млеет весь мир, бросаются ему на шею. Не проходит и минуты, как я уже весь покрыт звездной пылью и сам себе кажусь сверкающим. Все это не как в кино. Это и есть кино.

– Слушай, Жером, видишь ту даму в длинном платье? Когда я был мальчишкой, у меня на стене висел ее портрет.

– Я представлю ее тебе, ты увидишь, какая она прелесть.

Я сидел рядом с ней на протяжении всего сеанса. Когда зажглись люстры, она спросила, что я думаю об увиденном. Чтобы не скомпрометировать себя, я ответил, что такой фильм мог быть сделан только в этой части света. После небольшого коктейля в частной резиденции, где мы напились как сапожники, мы с Жеромом оказались в Вилидж Уангард, месте, где родился джаз и где он, может быть, умрет. Основательно захмелевший, я не смог отказаться от очередного стакана, предложенного мне барменом. Жером рассеянно слушал какой-то старый бибоп.

– Те, кто говорят, что американцы делают фильмы для двенадцатилетних пацанов, в то время как старушка-Европа трудится над возвышением души, – кретины.

У меня кружится голова, Жером ничего не замечает и продолжает рассуждать.

– Подобные заявления обнадеживают глупцов. Но если американцы захотят, они заставят проливать слезы всю Землю.

По тому, как после каждой фразы он яростно трясет головой, я понимаю, что он пьян не меньше меня.

– А если я скажу, что меня скоро пригласят в Белый дом?

Я должен любой ценой протрезветь, прежде чем рухну в какую-нибудь постель. У меня очень мало времени, и завтра, может быть, мне не удастся поговорить. А я приехал сюда поговорить. Только чтобы поговорить.

– Мне нужно кое о чем попросить тебя, Жером.

– Все, о чем хочешь. Ты – мой второй брат. Все, о чем хочешь, за исключением одной вещи.

– Мы должны исправить то, что сделали.

– Именно это я имел в виду!

– Мы должны переделать последнюю серию, и ты больше никогда не услышишь о «Саге».

– Пошел ты!

– Мы должны закончить то, что начали. Иначе в мире никогда не наступит порядок.

Он хватает меня за отвороты смокинга и смотрит в глаза с яростью, как может смотреть только брат.

– Ты должен уехать из той страны, таких, как мы, там не ценят. Рай для сценаристов – только здесь!

Я пытаюсь успокоить его, но у меня ничего не получается. Он опрокидывает локтем стакан, не обращая на это внимания.

– Здесь тебе не нужно месяцами таскаться со своим сценарием, пока какой-нибудь чиновник не удосужится его прочесть. Ты заходишь в контору, и тебе позволяют произнести семьдесят пять слов, чтобы убедить всех, что ты написал что-то стоящее. Если ты выдерживаешь испытание, то выходишь на улицу с контрактом в кармане. Во Франции, если ты не входишь в круг избранных, ты будешь бесконечно обивать пороги, прежде чем тебя соизволят заметить.

Мне нужно держаться. Я приехал сюда, чтобы убедить его. Но ему наплевать на это, он продолжает свою речь.

– Во Франции, если ты имел хотя бы небольшой успех, ты можешь существовать за счет своей репутации и писать всякое дерьмо лет десять. Здесь ты имеешь право на одну, максимум на две ошибки, после чего ты вне игры. Во Франции ты обязан преклоняться перед «гениальностью» некоторых режиссеров-кретинов, на счету которых хорошо если есть хоть одна короткометражка. Здесь же автор нередко имеет больше власти, чем режиссер. Во Франции даже не читают то, что ты написал, потому что там мало кто умеет читать. Здесь с тебя будет литься пот с утра до вечера, а иногда и большую часть ночи, а на следующий день – все сначала, еще и еще, пятая, десятая, пятнадцатая версия, пока не получится то, что надо.

– Ты нужен мне там, Жером.

– Оставайся здесь, со мной, мы одной крови! Ты даже более чокнутый, чем я! С твоей башкой можно написать десять «Саг». Здесь нужны такие люди. Через полгода ты уже что-нибудь напишешь для Голливуда. Это же более потрясающе, чем любая твоя детская мечта! Только ради этого мы и работаем!

– Мы должны закончить «Сагу». Всего одну серию…

– Разве они недостаточно поиздевались над нами? Оставайся здесь, говорю тебе… Можешь даже не возвращаться назад. Завтра к вечеру у тебя будет вид на жительство на любой срок, рабочая карта, квартира на Манхэттене и контракт. Чудеса – это наша работа, парень.

– За месяц мы завершим «Сагу», а потом я сделаю все, что ты хочешь.

Он смотрит на дно своего стакана, делает глоток бурбона и закрывает глаза.

– Лучше сдохнуть.

Остров.

Впереди, по правому борту. Как удается этим островам выглядеть такими гордыми перед теми, кто собирается на них высадиться? Этот расстилается предо мной во всей своей величественной красоте. Не могу понять, что испытываю в эти минуты, сидя на палубе корабля и наблюдая, как мы приближаемся к берегу. Какое-то незнакомое чувство. Вроде почтения.

Чтобы не возвращаться в Париж, я взял билет на рейс Нью-Йорк – Ницца. В Ницце пересел на самолет до Йерска, затем на этот кораблик, на котором полно туристов, действующих мне на нервы с того момента, как только мы покинули Тур Фондю. По секрету спрашиваю у гида, неужели столько туристов высаживается на остров каждый день.

– Раньше туристов привлекал остров Левант, но теперь они переметнулись сюда. Ничего удивительного, когда подняли такой гвалт…

Это остров Лод, самый южный из Йерских островов. И гвалт – очень мягкий эвфемизм; мировая пресса не перестает твердить об этом родимом пятне, появившемся на картах всего полгода назад. Нас ведут по узкой тропинке, откуда виднеется нависающий над обрывом замок. Я ищу взглядом ту, кто должна встретить меня на пристани. Если она не появится через пять минут, мне придется присоединиться к группе туристов и отдаться во власть гидов.

Нет, я вижу, как она машет мне издали рукой…

Волосы спрятаны под белым платком, короткое цветастое платье раздувается от ветра. Она бежит ко мне с радостным криком, я хватаю ее, поднимаю, кружусь вместе с ней, мне хотелось бы держать ее так вечно.

– Если мой возлюбленный увидит эту сцену, он нас сглазит.

– Или набьет мне морду?

– Что вы, он скорее споет под моими окнами серенаду в знак прощения. Вы хорошо доехали?

– Я предпочел бы оказаться здесь не в туристический сезон.

– Туристы уедут часов в пять, а потом весь остров будет принадлежать нам. А сейчас я займусь вами. Вначале зайдем ко мне, оставим ваш багаж, потом пойдем обедать. Вы все еще любите пиццу с анчоусами?

– …?

– Я шучу.

Слуги в костюмах начала века забирают мой чемодан. Матильда отдает им распоряжения с таким видом, словно занималась этим всю жизнь. Один из слуг предлагает подвезти нас на забавном маленьком вездеходе, но мы единодушно отказываемся, предпочитая пройтись пешком.

– Видели наверху замок? Мы сходим туда вечером. А маленький домик, выглядывающий из зелени, – мой.

– Кроме вас, на острове никто не живет?

– Никаких туземцев, если вы их имеете в виду. Только человек тридцать обслуживающего персонала и команда из шести ассистентов, которыми я руковожу.

– Это ваш… бизнес?

– Можно сказать и так. Здесь все живут в каком-то сладком безумии, но сразу этого не понять.

Тропинка окаймлена гигантскими пальмами, на острове влажно и жарко, и у меня создается впечатление, что я попал на Мадагаскар. При таком климате хочется надеть что-

нибудь белое и с нетерпением дожидаться вечера. Дом Матильды выглядит все красивее по мере того, как мы к нему приближаемся. Он похож на небольшой охотничий павильон в Фонтенбло – весь из белого камня, с овальными окнами.

Расположенный рядом с домом бассейн, едва заметный за оградой из розового лавра, совсем не портит картину. Но что я делаю в этом раю? Внутри мне нравится меньше: анфилада комнат, охровые и пастельные обои, мебель прошлого века.

– Моя любимая комната – будуар.

– Настоящий?

– Настоящий. Могу поселить вас там, когда вам захочется побалагурить.

Она показывает мою комнату и ненадолго оставляет одного. Чемодан лежит в кресле в стиле Людовика XV, одежда аккуратно повешена в гардероб. Я бросаюсь на огромную кровать и делаю несколько движений кролем, чтобы добраться до подушек. Мне хочется закричать: «Да здравствует аристократия, да здравствуют привилегии!». Подойдя к окну, вижу в бассейне здоровенного парня, плавающего взад и вперед по водной дорожке.

Горничная в наряде викторианской эпохи приносит мне полотенца и халат, украшенный гербом замка. Я надеваю белую рубашку с короткими рукавами, светло-бежевые брюки и спускаюсь к Матильде, ожидающей меня у лестницы.

– Все выглядит намного лучше, чем в вашем письме.

– В этом доме никто не жил лет пятьдесят.

Я следую за ней в небольшой зал, где уже накрыт стол. Сразу же хватаюсь за бутылку с вином, но метрдотель, тоже в маскарадном костюме, спешит обслужить меня.

– Я видел какого-то красавчика, он барахтался в бассейне.

Она слегка улыбается, не сразу решаясь ответить.

– Он приехал на остров три недели назад и остался здесь. Очень независим, это его главное достоинство. Когда мы устанем друг от друга, он возьмет свой чемодан и я провожу его до пристани. Убеждена, что ему очень быстро найдется замена. Не сердитесь, жизнь в замке сделала меня фривольной.

Я никак не могу привыкнуть к новой Матильде. Та Матильда, у которой каждая фраза была проникнута нежностью, осталась на континенте. Может, оно и к лучшему, эта Матильда говорит все напрямик.

Нам приносят вкуснейшие блюда и лучшие в мире вина, но тип за моей спиной, пытающийся предупредить мой малейший жест, несколько портит удовольствие. Матильда замечает это и просит его удалиться.

– Обычно я здесь одна, но Принц настоял на том, чтобы вас приняли как можно лучше.

Не знаю, что удерживает меня от смеха, когда она произносит «Принц».

– Он же не знаком со мной.

– Вы – мой друг, и этого достаточно.

Я приехал на остров, чтобы поговорить с Матильдой и попытаться раскрыть тайну ее пребывания здесь. Во время путешествия я придумывал разные гипотезы, но ни одна не показалась мне достаточно правдоподобной.

– Признайтесь, он действительно существует… этот… кстати, как его?

– Принц Милан Маркевич де Лод.

– Оставьте ваши шуточки.

– Его имя можно найти в исторических книгах, и сегодня вечером он ждет нас на ужин.

– Вместе со своим племенем?

– Те, кого вы так легкомысленно называете «племенем», не только члены королевской семьи, но и мои лучшие друзья. Я вам представлю их, и вы увидите, какие это приятные люди.

Я отпиваю глоток вина. Не могу поверить, что все это не сон.

– Вы не расскажете мне, Матильда Пеллерен, чем занимаетесь здесь, на этом опереточном острове, в компании людей голубой крови?

– У вас это называется бизнесом.

Она улыбается. Коварно. Торжествующе. Это же Матильда.

– Помните, как вы все подшучивали надо мной, когда я вырезала фотографии из рубрик светской хроники и скандальной прессы?

– Вы всегда окружали себя ореолом тайны, а эта тайна была самой непроницаемой.

– Так вот, я уже тогда подумывала сменить профессию. Возьмите еще сливок.

– Матильда, прошу вас!

Продлить удовольствие. Вот главная забота сценариста.

– Если не считать кинозвезд, кто должен быть постоянно в центре внимания масс? Кто должен быть объектом их почитания?

Долго не раздумывая, отвечаю.

– Коронованные особы?

– Правильно. Однако за последнее десятилетие их стало очень мало. Монархии рушатся, теряют свое величие; принцессы плодят потомство и напоминают обычных клуш; ни одна семья голубых кровей не способна удержать планку. Вы согласны?

– Ну, если вы так считаете…

– Потеря мечты означает гибель целой отрасли журналистики и крах когда-то процветавшей промышленности. А этого ни в коем случае нельзя допустить. К счастью, нашлась группа дельцов, решившая взять бразды правления в свои руки. Это производители глянцевой бумаги, торговцы журналами, предметами роскоши, ностальгией, специалисты по интерьеру – в общем, крупные коммерсанты и имиджмейкеры. Представьте, сколько можно выпустить сопутствующих товаров и на какую сумму!

– Но… Это же аморально!

– Ну и что? Мы просто хотим сорвать куш, как говорит Жером.

– Вы не имеет права так обманывать людей! С этими декорациями, актерами…

– Какими актерами? Какими декорациями? Принц Милан Маркевич де Лод и его семья вне всяких подозрений. Они сумели сохранить свое положение. Их род известен с XVI века, они участвовали во всех кампаниях, во всех крупных сражениях. В 1906 году, когда Франция с Россией заключили союз, отец принца Феодор женился в Париже на графине де Лод. До 1917 года они жили в Санкт-Петербурге, потом переселились в эти края. Принц Милан родился в 1918 году; но через несколько лет семья разорилась и вынуждена была переселиться в комнаты для прислуги, поступить в услужение к нуворишам, прибравшим замок к рукам. Чтобы выйти на этот старинный род, потребовалось нанять целую армию специалистов по генеалогии и начать невероятную юридическую войну, чтобы вернуть им их достояние.

– …?

– Не смотрите на меня так, все это настоящая правда; вы же не думаете, что мы хотим попасться на крючок какому-нибудь проныре из бульварной прессы.

Я наливаю Матильде вина, чтобы немного разрядить обстановку.

– Продолжайте, Матильда. Я готов выслушать все, но пока еще вам не верю.

– Королевская семья, райский уголок. Им не хватало только… знаете чего?

Я делаю вид, что пытаюсь догадаться, но, боюсь, ответ очевиден.

– … Историй?

– Чтобы жить необыкновенной жизнью, чтобы восхищать весь мир и сводить с ума папарацци, им нужен был сценарист. Конечно, эту работу мог бы сделать каждый, но если учесть мои романы, участие в «Саге» и мое пристрастие к историям с принцами… Короче, они выбрали меня. Еще грибочков?

Я был удостоен чести участвовать в помпезном ужине, как во времена Людовика XIV. Согласно протоколу, мы с Матильдой должны были сидеть отдельно друг от друга, но я дал понять, что скорее вплавь вернусь на материк, чем позволю зажать себя между дамой преклонного возраста и каким-то напудренным париком. Принц, очаровательный старик лет семидесяти пяти, если не больше, приветствовал меня галантными фразами и представил своей семье. Затем мы прошли в зал для приемов и сели за стол, длиной метров двадцать пять. Старинная музыка, лакеи, почетные гости и, конечно же, журналисты. Все собрались здесь.

– Никто не может понять, как составляется список приглашенных, – сказала Матильда. – С помощью моих ассистентов я выбираю только интересных людей и оставляю страдать тех, кто готов продать душу дьяволу за место за этим столом.

– Кто эта красивая девушка?

– Похоже, что вы давно не видели «Пари-Матч», Марко. Это Илиана, дочь Эме и Катрин де Лод, внучка принца. Ей семнадцать лет, и она совершает глупость за глупостью. С такими внешними данными она должна сниматься в кино. Я читаю ей сценарии, советую, какие глупости можно совершать, а какие совершенно недопустимы. Пишу ей ответы на интервью и прошу не слишком импровизировать, когда меня нет рядом. Сейчас я ищу ей жениха, от которого у всех должно захватить дух и уже наметила одного врача, который охотится в Африке на вирусов.

– Потрясающе!

– Тип напротив девушки – ее брат, Дмитрий. Вы ни за что не угадаете, чем он занимается.

– Бездельник?

– Нет, бездельничать – это специальность дядюшки Энтони. Дмитрий пишет любовные романы.

– Не может быть!

– Да! Романы выходят ежеквартально, я пишу их одной левой, глядя телевизор. Это помогает мне сохранять форму. Самое забавное, что он публикует их под псевдонимом, и предположений более чем достаточно. Ходят слухи, что сейчас он пишет эротический роман.

– Неужели вы делаете это?

– Ну да!

– А кто та скучающая дама?

– Анна Уоткинс, сестра Энтони. Пять лет назад она занималась разведением форели, а я сделала из нес роковую женщину. Она довела до самоубийства очень многих мужчин.

– А кто должен был сидеть на том пустом стуле?

– Вирджиния де Лод, старшая дочь, наследная принцесса. Ею я не очень горжусь. Она то неожиданно исчезает, то также неожиданно появляется. Не проходит и недели, чтобы какой-нибудь журнал не сообщил о ее очередном исчезновении. Каждый раз, когда она возвращается, я сочиняю для нее новую историю.

– А где она сейчас?

– У себя в комнате, прямо у вас над головой. Каждый день играть роль принцессы не слишком весело.

– И сколько у вас всего персонажей?

– Человек тридцать семь, включая претендентов и нескольких кузин.

– И каким персонажем вы гордитесь больше всего?

– Конечно, самим принцем. Это мой шедевр. Я сделала его потомком Петра Великого, и сегодня многие думают, что он владеет пропавшими сокровищами династии Романовых. Своей прекрасной физической формой он обязан эликсиру, секрет которого ревностно хранят члены рода.

– Вы не боитесь, что перегибаете палку?

– Может быть, но пока это срабатывает. Иногда он сам подает мне идеи, я пишу ему речи. Мы прекрасно понимаем друг друга.

– Я и не подозревал, что вы так здорово разбираетесь в истории.

– У меня есть три специалиста в этой области.

– И вы всех их любите?

– Не всех, но большинство. Теперь это моя семья. Я чувствую за них ответственность. Жить среди своих персонажей – единственное, что делает меня счастливой.

Празднество продолжалось далеко за полночь. Шампанское, бильярд, словесные дуэли, прогулки с факелами до утренней зари.

Сейчас уже пять утра и небо на востоке начинает светлеть. Матильда зажгла все люстры в огромной библиотеке, и мы пьем по последнему бокалу шампанского.

– Матильда, вы нужны мне, чтобы переделать 80-ю серию.

– Я давно ждала этой фразы.

– Матильда…

– Мне очень трудно отказывать вам в чем-либо, Марко, но считайте, что я отказываю.

– Вы нужны мне.

– Когда я вырезала статьи из журналов, а вы приставали ко мне с вопросами, помните, что я отвечала?

– Вы говорили: «Это мой тайный сад», как будто такой ответ мог нас удовлетворить.

– Выгляньте в окно. Посмотрите вниз и скажите, что видите.

Я подчиняюсь, не понимая, чего она от меня хочет.

Внизу?..

Внизу только…

Внизу, окутанный розовым рассветом, расстилается такой пейзаж, который не взялся бы нарисовать ни один художник. Высокая трава, роскошные цветы, мраморная скамья, качели, греческие колонны и… павлины! Живые павлины, гуляющие среди кустов!

– Вот он, мой тайный сад! Видите, он существует. И здесь я проживу до тех пор, пока это будет возможно. Здесь я готова дожидаться конца света, как обычная девчонка, мечта которой сбылась. Здесь я буду встречать своих любовников, пока у них будет желание постучать в мою дверь. Я никогда не вернусь в тот мир, из которого пришла. Оставляю его вам.

– Это займет у вас не больше двух недель.

– Пошлите их к черту и оставайтесь со мной. Мне трудно одной заниматься тридцатью семью персонажами.

– Мы не имеем права! Мы должны закончить свою работу!

– Никогда!

Она в ярости, хотя я не сказал ничего, что могло ее так сильно задеть.

– Желаю вам спокойной ночи, Марко. Мне сорок лет, сейчас пять утра, и юноша, прекрасный как звезда, топчется в ожидании у порога моей комнаты.

На небольшом указателе в форме стрелы все еще сохраняется надпись: Отель «Альберго ди Платани», но это уже давно не отель, Луи повторил мне об этом три раза. «Когда ты окажешься в месте, похожем на центр мира, то знай, что ты наконец добрался.» Спасибо, Старик…

Уверен, что нет ничего прекраснее этой Палестрины, затерянной в римской провинции. Замечаю странную лестницу, ступеньки которой сделаны из наваленных друг на друга кругляков бревен, похожую на сани для спуска с гор леса. Ее высота – метров двадцать.

Вспоминаю слова Луи: «Будь осторожен, нет ничего легче, чем сломать себе на ней шею».

Лестницей пользовались, вероятно, лет десять назад, а потом бросили на милость дождей и сорных трав. Я совершаю подъем очень медленно, но все же добираюсь до верха целым и невредимым. Меня встречает Луи и протягивает руку, подтягивая к себе.

– Я думал, ты приедешь после обеда.

– Местные не слишком разговорчивы. На пять последних километров у меня ушло больше времени, чем на дорогу от Ниццы до Рима.

Нас окружают десятки огромных, величественных платанов. Они отбрасывают такую тень, в которой чувствуешь себя так же свежо, как в самом глухом лесу. Мы проходим мимо обвитой зеленью беседки, в которой стоят шезлонги.

– Ваш зал для мозговой атаки?

– Да, обычно мы работаем здесь, но вот уже две недели, как возникли сложности.

Мы медленно направляемся к дому, стараясь ступать как можно тише.

– Как он?

– Не слишком хорошо.

– Я появился в не очень удачный момент?

Луи снисходительно улыбается.

– Наоборот, я хочу воспользоваться твоим приездом, чтобы дать ему отдохнуть денек-другой. Да и мне это не помешает. Входи…

В холле бывшего отеля ничего не тронуто: стойка портье, доска для ключей, ячейки для почты. Луи с удовольствием играет роль администратора.

– Я поселю тебя в голубой комнате, там три окна: на север, запад и на юг. Есть телефон. У нас никто не встает раньше десяти часов. Когда я говорю «никто», то имею в виду себя, потому что он вообще не встает.

– Вы здесь вдвоем?

– Да. Его жена остается в Риме, когда он приезжает сюда работать. И так уже длится лет тридцать. Думаю, что она вообще ни разу не бывала здесь.

– Он знает, что у тебя гость?

– Я ему часто рассказываю о тебе.

– … Правда?

– Когда он узнал, что ты приезжаешь, то сказал: «А, Марко! Тот сценарист, который не умеет писать ручкой?», Я рассказал, что ты все набирал на компьютере, даже список покупок.

Его слова как стрела пронзают мое бедное сердце. Маэстро произносил мое имя! Мое, Марко! Имя парня, родившегося в грязном парижском пригороде в самое непримечательное время. Тот, кто выдавал шедевры, словно рабочий – детали, оставил в своей памяти немного места и для моего имени.

В помещении, где раньше размещался ресторан, Луи готовит мне кофе в кофеварке.

– Черт, до чего же вкусно…

– Один тип заходит сюда раз в три месяца и проверяет, как она работает. Сам Маэстро больше не пьет кофе. Пойдем, я покажу твою комнату.

Мы поднимаемся по лестнице, идем по коридору. Перед очередной дверью Луи замедляет шаги и подносит палец к губам.

Маэстро спит.

Луи открывает мою комнату и плотно закрывает дверь, чтобы можно было свободно разговаривать.

– Я стараюсь не шуметь, хотя разбудить его ничто не может. В 72-м или 73-м году в трех километрах отсюда упал метеорит. Местные крестьяне думали, что настал конец света. На следующее утро, когда Маэстро узнал, что произошло ночью, он обругал меня всеми словами за то, что я его не разбудил. Я ответил: «Этот метеорит упал здесь из-за вас, Маэстро».

Я освежаюсь под прохладным душем, тонкой струей льющимся из насадки. Сейчас так жарко, что не нужно вытирать тело полотенцем, достаточно набросить простыню. Луи приглашает меня в беседку и берет бутылку мартини. Я спрашиваю, как продвигается сценарий.

– Медленнее, чем обычно. Маэстро быстро устает. Когда ему удается сосредоточиться, он поражает живостью ума. А на следующий день где-то витает, сидит с отсутствующим взглядом. Я говорю ему: «Маэстро, пусть этот персонаж будет эмигрантом, который умеет все делать и поэтому легко находит общий язык с людьми. Что вы думаете о кондитере, кондитере-тунисце?». Он ничего не отвечает, его мысли где-то далеко, может, он уже видит картины из своего фильма. А на следующий день заявляет: «Отлично, кондитер-тунисец! Пусть он сделает торт, украшенный женщиной из цветной миндальной массы».

– Думаешь, у него хватит сил снять этот фильм?

– Надеюсь, иначе он не пригласил бы меня работать вместе. Он будет разыгрывать mater dolorosa, пока мы пишем сценарий, но очнется от оцепенения в первый же день съемок. В последний день снова можно начинать беспокоиться.

– Что с ним?

– Все и ничего. Он чувствует, что его час приближается. Доктора хотят положить его в больницу. Это его-то в больницу!

– Наверное, не все из них видели его фильм.

– Ну, уж эту-то сцену знают все.

– Белые простыни за решеткой кровати. В приемной ждет сын, который пришел к умирающему отцу.

– Это его последний шанс поговорить с ним…

– А санитар заявляет, что все посещения после девяти вечера запрещены. Об одном воспоминании об этом у меня мурашки по коже. Отец рассказывал мне эту сцену, когда я был ребенком.

– Я тоже чувствую себя ребенком, когда думаю о его фильмах. Даже о тех, сценарии которых мы писали вместе.

– Помнишь старика за тарелкой спагетти? Просто второстепенный персонаж на заднем плане. Делает непонятные жесты. Вначале все смеются, но потом…

– Счастьем и ностальгией проникнут каждый кадр фильма. Иногда даже хочется плакать.

– В этом фильме все было великолепно. Сны деревенского дурачка, сцена наводнения…

– А «Партитура любви»? Тот момент, когда Загароло воображает себя Данте!

– Он всегда говорил, что из всех своих фильмов этот он любил меньше всех.

– Ему тогда не дали «Золотую пальмовую ветвь» только потому, что он получил ее в предыдущем году.

Разгоряченные воспоминаниями, мы незаметно опрокидываем стаканчик за стаканчиком.

– Не знаю, что бы я отдал, чтобы поработать хотя бы час с таким гигантом, как он.

– Это невероятная удача, но одновременно и ловушка. Маэстро не нужно, чтобы ему придумывали сюжеты, у него самого ими голова забита. Ему просто нужен тип, немного безумный, который проникал бы в его мир и черпал их оттуда ведрами. Правда, иногда для этого приходится надевать резиновые сапоги. И все равно ты всегда будешь его жалкой тенью. А потом окажешься и жертвой, так как это будет его фильм – на века и для всего мира.

Внезапно истошный вопль разрывает послеобеденную тишину:

– … Луиджи? Луиджи… о, Мадонна! Луиджи!

Луи встает и забирает бутылку.

– Я вижу его насквозь. Он знает, что мы сейчас пьем аперитив, и умирает от зависти.

Мы пообедали на свежем воздухе – ужасно не хотелось покидать беседку, несмотря на вечернюю прохладу. Маэстро так и не вышел из комнаты, удовольствовавшись тарелкой бульона. В его присутствии я не смог бы произнести ни слова, и приготовленные Луи тальятелли застряли бы у меня в горле. Мы объедались, запивая их местным вином, только что налитым из бочки. На моих глазах Старик раскатал тесто на огромном кухонном столе в большой желтый круг, который он свернул лентой, а затем спросил:

– Феттучине? Спагетти? Панарделли? Тальятелли?

Я выбрал наугад, зная, что все равно пожалею, что не попробовал ничего другого.

Мы провели остаток дня вместе, занимаясь обедом. Нужно было проследить за томатным соусом, нарвать в саду базилик, накрыть стол – и все это не торопясь, переговариваясь и попивая белое вино. Я не знал, что Луи обладает талантом итальянской кухарки.

– Когда работаешь с итальянцами, приходится приспосабливаться. Сколько гениальных идей пропало только потому, что пробил час обеда. Они все такие, а в шестидесятые годы были еще беспечнее.

Поздно вечером Луи достал потрясающую граппу, настоянную на белых трюфелях.

– Это из Венеции. Пахнет как туалетная вода.

– Вы скоро заканчиваете сценарий?

– Как только он перестанет вынашивать одну идею, суть которой мне не удается уловить. Он напоминает мне художника в последний период творчества.

– Художника?

– К концу жизни все они пересматривали свое творчество. Возьми Тернера. Он сохранил лишь самое важное, центральное, все остальное потеряло для него значение.

– Маэстро славится своей вечной неудовлетворенностью, это человек, для которого нет ничего, кроме работы.

– Неудовлетворенностью, может быть, но трудоголиком его не назовешь. Здоров он или болен, все происходит по одному и тому же сценарию: мы садимся, немного болтаем и как только беремся задело, выясняется, что ему нужно поиграть в настольный футбол или позвонить жене, с которой он болтает часами. Затем он возвращается, мы болтаем как сороки, обсуждаем его любимые фильмы, сценарии, которые никогда не напишем, и так незаметно наступает час обеда. Хорошо, если за весь день полчаса уходит на дело. А потом неожиданно замечаешь, что сценарий выстраивается сам собой, даже если мы ничего не записали.

– Не уверен, что смог бы работать на режиссера, который превращает в золото все, что снимает.

– Не хочу тебя разочаровывать, но люди такой породы встречаются все реже и реже. Потрясающие фильмы, созданные воображением одного человека, больше никого не интересуют. Пророки, изучающие неизведанные уголки человеческих душ, давно оказались в изгнании.

– Все равно кино всегда будет нуждаться в таких людях.

– Не уверен. Раньше еще встречались безумные продюсеры, вкладывавшие деньги в искусство, сегодня все поступают иначе. Почему бы и нет, в конце концов? Такие люди, как Жером, доказывают нам, что в искусстве нельзя быть бескорыстным. Кто знает?

Когда он заговаривает о Жероме, я вспоминаю взгляды, которыми мы обменивались украдкой в самом начале, когда Луи вспоминал о своей работе в Италии.

– Знаешь, Луи… Мы с Жеромом первое время не знали, что и думать, когда ты рассказывал об Италии, о Маэстро…

– Вы никогда не встречали моей фамилии в титрах и думали, что я – старый неудачник, мечтающий чтобы о нем говорили критики.

– В то время итальянцы уже поняли, что любой фильм должен быть результатом усилий многих талантов. Как в семейном скандале, где каждый подливает масла в огонь. Когда какой-нибудь Марко работал с каким-нибудь Дино, к ним заходил какой-нибудь Эттори, чтобы прочитать отрывок сценария, а потом к ним заглядывал Гвидо, предлагавший потрясающую идею, и тут же звал Джузеппе, чтобы услышать о ней его мнение. Потом кто-то звонил из Пьемонта в Сицилию: «Вытащи меня из этого дерьма, эта проклятая история сидит у меня в печенках, per la madonna!». Очутившись в этой среде, я был зачарован происходящим, а в моей голове роились образы и диалоги. Они быстро приняли меня в свой круг, мерзавцы. Я был их талисманом, il Francese, я приносил им удачу, говорили они. Постепенно я превратился в постоянного консультанта, в парня, который всегда под рукой и никому не мешает. Иногда я проводил утро на съемках хорошей классической комедии, после обеда оказывался на площадке, где снимали детективный сериал, а вечером мы обедали большой компанией, обсуждая какую-нибудь комедию. Я получал деньги за все фильмы, которые снимались в Риме, мне достаточно было быть рядом, иногда для того, чтобы варить кофе, иногда – чтобы писать диалоги, а иногда – чтобы рассказать сон, который видел прошлой ночью. Как я мог требовать, чтобы мое имя ставили в титры? Мне говорили: «Слушай, Луиджи, следующий фильм будет твоим, это будет твой фильм, мы все тебе поможем». Но так никогда не получалось. Ты можешь сказать: «Это же банда негодяев!». Но как я люблю эти годы…

– Ты должен был все рассказать нам, Луи.

– Я не смог бы даже сказать, что в этих фильмах было мое, но можешь быть уверен, я был везде. Образ, реплика, идея… Так или иначе, но я оставил след в итальянском кинематографе последнего двадцатилетия.

Мои щеки горят от стыда, наверное, я красный как пион.

– А потом я встретил Маэстро, и у нас образовался отличный дуэт. Но для продюсеров, публики, да и для самого Маэстро наши фильмы всегда оставались фильмами Маэстро. Его тень должна была витать надо всем: от замысла до монтажа финальной сцены, не говоря уже об афишах и даже о музыке. Не могло быть и речи, чтобы чья-то фамилия оказалась там, где его Святейшество наложило свою печать. В конце концов, так даже лучше.

– Ты должен был рассказать нам, Луи …

– Мне не нужно было вам это рассказывать. И знаешь почему? Потому что, когда мы втроем работали над «Сагой», я вновь обрел дружбу и энтузиазм, как в те времена. Я благодарен Богу за то, что так и остался несостоявшимся талантом. Иначе это удивительное приключение прошло бы мимо меня.

Он сам преподносит мне на блюдечке возможность изложить истинную причину моего приезда.

– … Тсс-с-с!

Услышав доносящееся из дома ворчание, он настораживается, словно почуявший дичь охотничий пес, и показывает пальцем на окно Маэстро.

– Пойду посмотрю, не нужно ли ему чего-нибудь.

Я следую за ним. Мы осторожно, как воры, поднимаемся по лестнице, Луи тихо отворяет дверь в комнату мэтра и тут же закрывает ее.

– Спит.

– Луи, позволь мне взглянуть на него. Только бросить взгляд. Подари мне это воспоминание. Если у меня когда-нибудь будут дети, я расскажу им об этом событии. Они, в свою очередь, расскажут о нем своим детям, и у меня появится шанс остаться в памяти потомков.

Луи расплывается в улыбке и снова приоткрывает дверь. Я просовываю голову в проем.

Вот он, Маэстро.

Голова на подушке.

Спокойное лицо.

Сейчас он где-то в стране грез.

Грез, которые давно стали и нашими грезами.

– Спасибо…

Он провожает меня до моей комнаты.

– Луи, мне нужно кое о чем тебя попросить. Я должен поговорить с тобой об этом сейчас, иначе промучаюсь всю ночь.

Ни малейшего удивления на его лице. Он заходит в комнату вместе со мной и присаживается на подоконник, скрестив руки на груди, с вызывающим видом.

– Поехали в Париж, нужно исправить то, что мы сделали в «Саге».

– Черт…

– Мы не вправе оставить все в таком состоянии.

– Это я не могу оставить Маэстро в таком состоянии.

– Он поймет, Луи. У тебя нет выбора.

– Ты можешь попросить меня о чем угодно, только не о том, чтобы я бросил его сейчас. С тех пор как умерла Лиза, у меня нет никого, кроме него. И я не хочу бросать Маэстро наедине с его последней безумной мечтой. Хотя, если она осуществится, он сам меня бросит.

Из окна конторы я вижу две полицейские машины без опознавательных знаков, стоящие по обе стороны авеню, и в каждой – по двое кретинов, томящихся в ожидании смены. Я замечаю также двух шпиков в штатском: одного на террасе возле табачной лавки, другого – на скамейке напротив киоска. Не знаю, одно ли у них руководство или все дело в отсутствии координации между службами. В любом случае, они не оставят нас без присмотра ни на минуту, пока мы не закончим последнюю серию.

– Эй, парень, перестань глазеть в окно! Не хватало только пожалеть их!

С тех пор, как мы приступили к работе, Луи, Матильда и Жером не упускают ни случая напомнить мне, как прекрасно они чувствовали себя раньше. Действительно, так ли уж было нужно уговаривать их завершить то, что мы начали? Теперь, когда они здесь, у экранов своих мониторов, я начинаю сомневаться. Не знаю, вернулись ли они сюда потому, что откликнулись на мои мольбы или услышали призыв от самой «Саги», которому не смогли противиться?

Матильда каждую свободную минуту звонит на свой остров. Ее команда подробно докладывает все, что случилось за сутки, и она отдает распоряжения на следующий день. Я думал, что бизнес заберет у нее все силы. Ничего подобного, она целиком и полностью сосредоточилась на последней серии «Саги».

Жером не без гордости показал нам факс от Клинта Иствуда, пришедший сегодня утром. Тому очень понравился сценарий «Вечной любви», который Жером отдал ему перед отъездом в Париж. Через десять дней они должны встретиться в Нью-Йорке, чтобы обсудить будущий фильм. Если учесть темп, в котором мы работаем, Жером не подведет.

Маэстро уехал на Сардинию посмотреть места, где будет сниматься его будущий фильм. Одновременно он воспользуется возможностью понежиться на солнце и набросать эскизы декораций. Луи работает со спокойной душой. Через несколько недель его и Маэстро ждут на киностудии.

– Эй, послушайте, сегодня ведь двадцать девятое сентября! Это вам ни о чем не говорит?

– Двадцать девятого сентября прошлого года мы в первый раз собрались здесь, в этой комнате.

Мы переглядываемся и через секунду снова беремся за работу. Конечно, сейчас нам ни к чему памятные даты и воспоминания. Самое главное – завтрашний день, новый эпизод в нашей жизни, будущее, которое ожидает нас после того, как мы закончим «Сагу».

Первые дни ушли у нас на выслушивание всех желающих высказаться. Мы старались выяснить, что нужно зрителям, так полюбившим «Сагу». Каждый внес свою лепту: кто горлом, кто сердцем, – все действующие лица. Какое будущее ждет Мильдред и Существо? Что будет с вакциной против страха, которую обещал создать Фред? Каким человеком следует считать Педро – хорошим или плохим? Можно ли возродить Камиллу? И тысячи других вопросов, самых неожиданных. Самых срочных. Нам пришлось составить перечень всех надежд, чтобы прийти к очевидному и согласиться с тем, что мы и так уже знали. Что такое Камилла, Фред, Мильдред, Мария и все остальные в представлении этих девятнадцати миллионов людей, возродивших к жизни «Сагу»? Зачем исследовать до конца судьбу каждого из второстепенных персонажей, которые, в конце концов, этого не заслуживают? Нас интересует совсем не их «Сага», нам нужно разобраться с нашей собственной сагой, с сагой

человека с улицы, с той, которую мы переживаем каждый день. Последняя серия должна вдохновить творцов девятнадцати миллионов саг. А для этого нам понадобятся девятнадцать миллионов сценаристов.

Все, кто смеялся и плакал над «Сагой», кто любил ее и ненавидел, все они сохранили в своем воображении, в своей памяти и в своем сердце то доброе, что она смогла им дать. Теперь каждому из них придется день за днем писать свою собственную сагу. Мы дали им достаточно инструментов, чтобы они смогли справиться с этой задачей и без нас. Зритель сейчас знает, что нет ничего неизменного, что каждую сцену, каждую реплику можно переписать. Никто лучше него не сумеет отточить фразы в собственном диалоге и выбрать одну из тысячи развилок, которые предлагает ему жизнь.

Матильда, Жером, Луи и я раскрыли в последней серии все секреты своего творчества.

Пусть теперь зрители пользуются ими.

К великому удивлению Сегюре, мы отказались от роскошных декораций, чудовищных расходов, каскадеров и прочего великолепия сверхдорогих сериалов. «Сага» должна закончиться так, как начиналась, в скромной обстановке, чтобы оказаться ближе к тем, кто присутствовал в ней с самого начала, и к тем, кто потерялся в пути. Действие последней серии будет происходить в гостиной семьи Френелей. Каждый герой завершит здесь свой жизненный путь, и «Сага» станет достоянием Истории.

Возвращение к истокам требует жертв: мы потребовали, чтобы последняя серия транслировалась, как первая, между четырьмя и пятью часами утра. Мысль о том, что вся Франция не будет спать в это время, показалась нам справедливой, хотя и забавной. Все, кто увидит эту серию, будут и через двадцать лет вспоминать о бессонной ночи перед небольшим экраном. А потом мы окончательно расстанемся друг с другом. Мои коллеги снова улетят подальше от Парижа.

А где же мое место?

В моей жизни все понеслось с бешеной скоростью, начиная с того вечера, когда я услышал голос Жюльетты на автоответчике: «Шарлотта в Париже. В квартире, которую она снимала, когда была студенткой. Я тебе ничего не говорила. И не натвори глупостей».

Дверь приоткрылась. Она сразу же попросила меня говорить тихо.

– Не знаю, позволю ли я тебе войти…

– Это Жюльетта продала меня?

– Ты что, не одна?

Она оглядывается с несколько смущенным видом.

– … Заходи.

Я тут же пытаюсь отыскать следы присутствия чужого мужчины. Передо мной закрытая дверь в соседнюю комнату.

– Здесь мало что изменилось.

– Можешь сесть вон на тот стул.

– Хочешь что-нибудь выпить?

– А что у тебя есть?

– Виски.

– Ты, однако, не потеряла чувства юмора. Виски…

– Это хорошее виски. «Бейли».

– Есть еще пиво.

Она всегда ненавидела пиво. Что оно делает в ее холодильнике?

– Тебя несколько месяцев не было в Париже.

– Да, я уезжала.

Молчание.

Ладно, я понял. Мне придется вытягивать из нее слово за словом, а я это ненавижу. Одно из главных правил моей профессии: запрещается попадать в «туннель объяснений». «Почему это», «почему то», «это случилось так», «а я думал, что все было иначе» и тра-ля-ля, и тра-ля-ля!.. Почему в жизни то и дело приходится давать объяснения?

– Ты сейчас работаешь?

– Нет, я в отпуске. А как ты? Как твой сериал?

– Какой сериал?

– Та вещь, что должна была передаваться по ночам.

– Только не говори, что ты единственный на Земле человек, который ничего не слышал о «Саге»!

– В таком случае я должна признаться тебе, что я действительно единственный на Земле человек, который ничего не слышал о «Саге»! Ее показывали?

– Ты издеваешься надо мной, ты…

– Я была в Крёзе. Ни телевидения, ни газет, хорошо еще, что было электричество. Крёз это Крёз.

– Да, «Сагу» показывали.

– Ты доволен?

– Не знаю, подходящий ли сейчас момент говорить об этом.

– Почему бы и нет? В трех словах. Мне интересно. Это было так для тебя важно.

– Скажем так… за один год я совершил полный оборот вокруг Солнца, пройдя через все времена года. Я совершил что-то вроде кругосветного путешествия, отправившись в путь как Гомер, а вернувшись как Улисс. Я приблизился к бездне, наклонился над ней, и меня охватил ужас. Мне удалось раздвинуть границы моей вселенной до пределов, за которыми они начали сжиматься, но я пошел еще дальше и оказался там, где уже нет ни добра, ни зла. Но этого оказалось мне недостаточно, и я заключил сделку с дьяволом, чтобы приблизиться к Богу и выступить в его роли в свое свободное время. Я побывал в древнегреческой трагедии, итальянской комедии и буржуазной драме, я топтал ногами землю Голливуда и однажды был на приеме у принца. Я смешал тысячи искалеченных судеб и оказался ответственным за девятнадцать миллионов душ. Но в конце концов все уладилось.

Молчание. Мне хочется уловить в ее взгляде хоть каплю уважения. Я так старался.

– А чем ты занималась, Шарлотта?

– Я? Родила ребенка.

Закрытая дверь в соседнюю комнату.

– Шарлотта, это я – сценарист. Сенсации, неожиданные повороты сюжета, хлесткие реплики – моя профессия.

– И однако я родила ребенка. А если ты боишься, что я перехвачу у тебя инициативу, то я так и сделаю: это твой ребенок, ему три месяца, мальчик, я назвала его Патриком, потому что через тридцать лет это будет уникальное имя, короче, то, что надо.

Дверь в соседнюю комнату закрыта.

… Мне нужна сцена с объяснениями. Мне требуется длинный «туннель объяснений» с необходимыми уточнениями по ходу повествования и даже с обратным движением. Мне не терпится задать уйму вопросов.

Она ждет их, заранее приготовив ответы.

Я чувствую, что теряю вдохновение.

– Но почему?!!

– Потому что я узнала результаты тестов как раз в то время, когда ты начал работать над сериалом. Мне хотелось сообщить тебе об этом, не поднимая шума и приняв некоторые меры предосторожности – я же знаю, какой ты у нас впечатлительный. И я несколько раз пыталась.

– И что?

– И ты еще спрашиваешь! Ты забыл, что в то время словно сошел с ума? Стал опасным. Ты был одержим своим сериалом, коллегами, персонажами, в твоей жизни больше ничего не существовало. И не пытайся говорить, что все было совсем не так.

– Может быть, я действительно несколько увлекся…

– Даже дома мысленно ты был там. Ты переживал такие захватывающие события и постоянно давал мне это понять. Как-то вечером ты сказал: «Ну, что слышно у тебя на работе! Думаю, Милдред справилась бы с ней играючи».

– Я сказал это?

– Ты говорил кое-что и похуже. Но лучше об этом забыть.

– «Сага» была единственным шансом в моей жизни! Ты должна была это понять! Проявить немного терпения! То, что ты потихоньку смылась в свой Крёз – просто свинство!

– Я уехала не только из-за этого, Марко. Было еще вот что… Она достает из ящика стола рукописную страничку и протягивает ее мне. Это какой-то эпизод из 5-й серии «Саги».

– Послушать тебя, ты был занят сочинением восьмого чуда света… Сценарий валялся на кровати, и мне было интересно заглянуть в него.

– …?

– Сцена 21.

Я, комкая, перелистываю половину страниц, мои руки становятся все более потными. 21-я сцена… 21-я сцена… Что там было, в этой чертовой сцене, пропади она пропадом!

Сцена 21. Гостиная Френелей. Павильон. День

Джонас Каллахэн и Мария Френель одни в гостиной. Она заваривает чай.

Джонас . Скажите, мадам Френель, Камилла всегда была такой?

Мария . Вы хотите сказать, такой меланхоличной, такой замкнутой? Нет. Это была жизнерадостная девочка, она любила пошутить, повеселиться…

Джонас . Я сделаю все, чтобы она снова стала как прежде.

Мария . Вы прелесть, Джонас, но если хотите знать мое мнение, то я могу сказать, что именно может вернуть ей вкус к жизни и утраченный энтузиазм.

Джонас . Это было бы замечательно!

Мария . Ребенок.

Джонас вскакивает, опрокидывает чашку с горячим чаем себе на колени, но даже не замечает этого. Он пристально смотрит на Марию.

Джонас . Я так влюблен в вашу дочь, что она может попросить у меня все, что угодно… Бросить работу полицейского, стать бандитом. Опуститься до алкоголика, чтобы походить на отца. Достать из могилы и вернуть к жизни Шопенгауэра, добиться от него признания, что он всю жизнь ошибался. Пустить себе пулю в лоб, чтобы доказать, что в смерти нет ничего исключительного. Она могла бы потребовать и большего. Но только не ребенка!

Он отворачивается к окну, избегая удивленного взгляда Марии.

Джонас . Пусть ей сделает ребенка кто-нибудь другой, если она иначе не может стать счастливой. Но я не способен быть отцом. Одна мысль о том, что живое существо может быть

плотью от моей плоти, приводит меня в ужас. Я хочу, чтобы после меня все закончилось, чтобы я был последним. Я не могу произвести на свет существо, которое будет страдать всю жизнь и в конце концов умрет в страданиях. Не хочу переживать за него, мне хватает своих забот. А если я не смогу полюбить его, что тогда? Вы полагаете, что любить ребенка это естественно? Я буду слишком бояться, что невзлюблю его с самого рождения, что буду отыгрываться на нем за то, что он встает между мной и той дорогой, по которой я хочу идти. Произвести на свет ребенка…

Если бы я считал, что у этого мира есть шанс, я бы не стал полицейским. Пожалуй, мне не стоит продолжать. У меня никогда не будет детей.

Он выходит из гостиной.

Я отбрасываю в сторону страницу и смотрю на Шарлотту. Она выглядит еще более красивой, чем обычно.

– И на кого же похож наш малыш?

ЛЮБОВЬ И ВОЙНА

1

Луи.

Луи еще жив.

Наш Старик…

Теперь, когда я достиг того возраста, в котором был он, когда мы впервые встретились, мне трудно называть его Стариком. Ему перевалило за восемь десятков. Не понимаю, откуда Луи черпает силы, чтобы держаться за жизнь. И почему теперь, через столько лет, ему захотелось меня увидеть.

Не прошло и полугода со времени переиздания полного собрания сочинений Маэстро. Старик наконец увидел свою фамилию в титрах фильма «Свет далекой звезды», последнего их фильма. Через тридцать лет Луи вышел из тени.

Я просмотрел все фильмы Маэстро на новом компьютере, который мне подарили дети по случаю моего пятидесятипятилетия. Мне хотелось понять, что в этом старье вышло из-под пера Луи. Иногда мне казалось, что я узнаю его почерк в какой-нибудь реплике или ситуации. Удивительно, что образы, созданные Маэстро, навсегда врезались в мою память и, по мере того как сменялись кадры, я вспоминал все детали. Я сохранил их в том же уголке памяти, что и воспоминания детства.

Луи… Ты словно вернулся из загробного мира, и столько всего пробудилось вместе с тобой. Сегодня я уже не могу перечислить все, на что ты вдохновил меня за последние тридцать лет. Благодаря тебе, я стал самым знаменитым «доктором сценариев» в этой части света.

Закончив «Сагу», наша команда распалась, а я с тех пор написал десяток сценариев полнометражных фильмов. Некоторые из них принесли мне большое моральное удовлетворение, другие – солидные суммы денег. Я удостоился всех наград, на которые только можно рассчитывать в нашей профессии. Я работал с режиссерами, которых искренне и глубоко уважаю.

И внезапно все это мне надоело.

Патрику шел десятый год, его сестра Ника была еще розовой куклой, Шарлотта превратилась в заботливую жену, которых теперь почти не встретишь. Я мог бы штамповать фильм за фильмом, придумывать все новые и новые истории, разрабатывать новые концепции, но подобная работа меня уже не занимала. Наступил момент, когда я был готов отказаться от творчества.

Меня начинало колотить от звонков с просьбой о помощи: «Алло… Марко? Мы не можем найти выход в третьей части, и у нас теряется темп перед финальной сценой!». В таких случаях я немедленно мчался на вызов со всем набором инструментов, положенных врачу скорой помощи, чтобы спасти сценаристов от маразма. Я перечитывал сценарий, устраивал разнос, выдавал диагноз. У меня был материал для перевязок, для наложения шин и все необходимое для уколов. Двадцать лет такой работы! Двадцать лет на прихорашивание гадких утят, двадцать лет на психоанализ отчаявшихся сценаристов и режиссеров. Передо мной прошло столько никудышных сценариев, столько гениев без гроша в кармане! Я видел, как рыдают разорившиеся продюсеры, как проливают слезы актеры, которые не могут получить роль. Мне нравилось, когда на меня смотрели как на спасителя. И если эта работа не принесла мне ни крупицы славы, я все равно знаю, что трудился в интересах искусства.

– Шарлотта! Мне придется оставить на два-три дня сценарий про Порфирио Руберозу. Луи хочет со мной встретиться.

– Тебе не кажется, что прежде всего ты оставляешь на несколько дней меня?

– Тебя? Но… ты всегда в моем сердце, куда бы я ни уехал.

– Как давно ты уже не пишешь диалоги?

– Лет десять, наверное.

– Оно и чувствуется.

Современная молодежь считает, что в наше время путешествие вокруг света занимает времени не больше, чем переключение телевизора с канала на канал. Тем не менее даже сегодня, хотя и прошло тридцать лет, путешественнику все так же сложно добраться до «Альберго ди Платани». Но таксист, кажется, знает, о чем идет речь.

Я вспоминаю наши ночные беседы с Жеромом в те времена, когда мы писали «Сагу». Мы пытались представить себе будущий мир, новые картины. Если бы мы в то время заключали пари, мы бы их все проиграли. Жером считал, что телевидение будет отравлять умы зрителей, а дети будут рождаться с квадратными глазами и мозолями на пальце, которым нажимают на кнопки пульта. На самом деле телевидение, потеснив киноиндустрию, само оказалось в ловушке собственного всемогущества. Телезрителям предлагается столько передач и такого качества, что они уже не знают, что выбрать, но и продолжительность жизни каждой передачи падает до рекордно короткого времени. Выбор был проблемой уже для Тристана. «Есть что-то лучшее па другом канале, наверняка есть что-то лучшее…» Действительно, всегда есть что-то лучшее, и это совершенно естественно. Месиво из картин и звуков утолило всех, даже домохозяйку из Вара. Безработный из Рубс куда-то исчез, а что касается рыбака из Кемпера, то я не уверен, что он вообще когда-либо существовал.

Все трое превратились в эстетов. В конце концов они поняли, что только кино способно подарить им немного любви. С тех пор они смотрят кинофильмы на огромных экранах, в одиночку или всем семейством. И чувствуют себя спокойно. Потому что, если и можно выкинуть телевизор на свалку, обойтись без кинофильмов нельзя. Никто еще не нашел ничего лучшего, чем провести два приятных часа в темном зале. И посмотреть увлекательную историю.

Отель выглядит все таким же нереальным. Он прекрасно сохранился. Лестницы, на которой можно было сломать себе шею, уже нет, к зданию теперь поднимаешься по не очень крутой бетонированной дорожке, ведущей прямо к крыльцу. Меня встречает женщина лет пятидесяти, и я понимаю все, что она говорит по-итальянски.

Она проводит меня в комнату, где я когда-то останавливался. Женщина не похожа ни на сиделку, ни на жену. Когда я разбираю чемодан, до меня доносится вопль, от которого пробегают мурашки по коже:

– Марко-о-о-о! Какого черта ты там копаешься?

Ого, да он еще в порядке, наш Старик! Женщина хочет провести меня к нему в комнату, но я говорю, что это излишне. Не может быть, чтобы Луи переселился в другую.

Он приподнимается на подушках и тянет ко мне свои голые руки, они настолько тонкие, что берет страх. Серая кожа на лице почти прозрачна. Он хрипит и то и дело отвратительно громко отхаркивается. Я обнимаю его и боюсь, что его кости захрустят под моими руками. На лице нет бровей, но взгляд остался по-прежнему доброжелательным, с хитроватыми искорками в глубине зрачков. Проходит две или три минуты, пока мы успокаиваемся настолько, что можем начать разговор. Мне хочется плакать, но я должен сдержаться, чего бы мне это ни стоило. Луи, умоляю, только не говори, что ты позвал меня, чтобы умереть у меня на руках. Не валяй дурака, Луи.

– Садись, Марко.

Сколько раз я рассказывал о Маэстро, спавшем в этой комнате? Сколько раз описывал столик у изголовья и цвет занавесок? В каждом новом рассказе придумывал новые детали, новые впечатления. За тридцать лет я превратил эту комнатушку в мавзолей.

– Молодец, что так быстро приехал. Наверное, у тебя сейчас не много работы?

Я рассказываю ему о Шарлотте, о детях и внуках. Похоже, он слушает с удовольствием, требует детальных описаний того, что я видел и пережил.

– Ты привез фотографии?

Он рассматривает их с видом знатока, словно в его роду были одни фотографы.

– Как с работой?

Я перечисляю названия нескольких моих самых известных фильмов. Он быстро схватывает, что я занимаюсь всю жизнь почти тем же, что и он, но не пытается сравнивать.

– Знаешь, Луи, в одном журнале мне попались очерки о десяти наиболее известных европейских кинорежиссерах нового поколения. Шестеро из них назвали «Сагу» в числе самых сильных детских впечатлений, а трое рассказали, насколько этот сериал повлиял на них.

– Правда?

– Конечно.

Он улыбается. Мне кажется, что ему это льстит.

– Я уже давно ничего не слышал об этом старье. Думаешь, ее еще можно смотреть в наше время?

– Не знаю, не пробовал. Но вообще-то, что еще, кроме кино, может выдержать срок в тридцать лет?

– Говорят, что сейчас придумали интерактивное устройство, которое позволяет редактировать текст так же легко, как это делают со звуком или изображением.

– Лучше не говори мне об этом! Дети подарили мне такую систему на день рождения. У нее экран размером с эту стену. Эта штука позволяет непосредственно вмешиваться в творчество, то есть, ты посылаешь сигналы и устройство само выбирает нужный вариант. Не могу объяснить лучше, потому что сам не до конца понимаю. Например, у тебя есть кнопки «Юмор», «Секс» и «Насилие», ты можешь также менять психологические характеристики десяти главных героев.

– О, Мадонна!

– Нажимая на нужную кнопку, можешь, к примеру, усилить «Юмор», ослабить «Насилие» и добавить «Экзотики», а если захочешь, чтобы главный герой был не слишком злым, нажимаешь на кнопку «1-». Понял?

– Нет, конечно. Но то, что ты рассказываешь, потрясающе.

– Полнейший идиотизм. Я не смог удержаться, чтобы сразу же не поставить все параметры на максимум: «Секс», «Насилие», «Юмор» и так далее. Не могу тебе описать, какое в итоге получилось истерическое зрелище, какой-то коктейль из крови и безумного смеха, все персонажи выглядели чокнутыми, и ты себя чувствовал чокнутым не меньше них.

– Хочешь сказать, что никакая электроника никогда не отнимет у тебя работу?

– Может быть.

– У тебя есть новости об остальных?

Мне очень приятно услышать, как он говорит «об остальных».

– Сначала мы часто перезванивались, а потом… Ты же знаешь, как это бывает… Я немного следил за их жизнью издали. Жером стал настоящей звездой; впрочем, таким он был всегда, но в те дни об этом никто, кроме нас, не знал. Потом он, кажется, занялся режиссурой.

– Лет двенадцать или тринадцать назад он написал мне, что собирается снять фильм. Мне показалось, что он просит у меня разрешения. Как называлась эта вещь?

– «Полная луна». Весьма неплохой фильм.

– Мне тоже так показалось. Но потом он опять засел за сценарий. И правильно сделал, это у него получалось лучше всего. Я видел его на фотографии, где он агитировал за своего приятеля – кандидата в президенты.

– Я знаю, что он развелся с Ооной, женился на какой-то кинозвезде, через две недели бросил ее и снова вернулся к Ооне. Американцы были такими уже в те дни, когда братья Люмьер только придумали кино.

– А чем он занимается сейчас?

– Неизвестно. Его не видно и не слышно уже лет пять. То же самое с Матильдой.

– Она все-таки оставила свой остров?

– Через три или четыре года. Потом снова взялась за романы.

– Розовые?

– Я не читал ни одного. Знаю, что она уехала в Англию, где вышла замуж за какого-то герцога или вроде того. Она исчезла из поля зрения почти пять лет тому назад.

– В то же время, что и Жером?

– В то же время. Никто не знает, куда они пропали.

– Ей должно быть под семьдесят, нашей старушке Матильде. В этом возрасте не исчезают, а просто умирают.

– Слушай, Луи, не думаешь ли ты, что они исчезли вместе?

Мы расхохотались. В течение последующего часа мы устроили настоящую мозговую атаку, перебирая все возможные варианты, объясняющие поведение этих двоих. Ни одна из версий не показалась нам ни достаточно правдоподобной, ни достаточно безумной. Поэтому мы остановились на самом лирическом варианте: Матильда и Жером, всегда любившие друг друга, послали все к черту и счастливо коротают свой век в какой-то глуши, где они в этот самый момент дружно трудятся над очередным сценарием.

– С возрастом становишься сентиментальным, ты меня об этом не предупреждал, Луи.

Вместо ответа он с хрипом откашливается и выдает несколько итальянских ругательств. Я продолжаю беседу, стараясь избегать томительных пауз.

– Маэстро оставил тебе «Платаны»?

– Да, он завещал мне отель. Всем было наплевать на эту развалину. Когда говорят, что Рим – единственное место в мире, где стоит жить в ожидании конца света, то это, в общем-

то, верно, правда, есть еще лучшее место, к юго-востоку от Рима. Беда в том, что я не доживу до конца света.

Вот чего я опасался с того момента, как только вошел в его комнату. Смутное предчувствие, что такой разговор состоится, возникло у меня уже в ту секунду, когда Шарлотта сообщила о его звонке. Успокаивающие фразы, моральная поддержка, перевоплощение душ – Луи, ты же знаешь, у меня нет способностей к диалогам на эти темы.

– Конец света может начаться через десять минут, учитывая все, что о нем говорили.

– Я мог бы сказать тебе о времени своей кончины с точностью до двух часов, но лучше промолчу, а то ты тут же сбежишь. Ты ведь не изменился, а, Марко?

– Я никогда не видел, чтобы кто-то менялся.

Молчание. Выжидательное.

– Вот интересный вопрос. Для сценариста, я имею в виду. Могут ли герои меняться.

– Герой в конце фильма не должен оставаться таким же, каким был в начале. Иначе возникает вопрос, зачем ему нужно было переживать черт знает что?

– Подумать только, что я провел пятьдесят лет, переделывая действительность, сглаживая все шероховатости, по своему усмотрению показывая ее лучшие и худшие стороны… Вот ты, кого пока еще можно считать частью этого мира, ты должен знать, не собираются ли принять специальный закон против таких типов, как мы?

– Пока еще нет.

– Идиоты…

Он медленно поворачивает голову на бок и закрывает глаза. Луи, прекрати это, немедленно!

– Не пугайся, еще не время. Иди, погуляй и приходи вечером.

Я не заставляю его повторять это дважды.

После стаканчика кьянти и огромной порции салата из помидоров, какой не встретишь ни в одной другой стране мира, я снова зашел к Луи. Охватившая меня легкая тревога рассеялась на пороге его комнаты. Он смотрел со своей постели в широко распахнутое окно на холмы, залитые красноватым светом вечернего солнца. Покой, в котором нет ничего успокаивающего.

– Что это за женщина внизу, Луи?

– Она не захотела уезжать отсюда. Постепенно мы стали друзьями.

– Она очень ласковая. И красивая.

– Только ко времени нашего знакомства мое сердце билось уже вполсилы. Его ударов еле хватало для меня одного.

Моя рука лежит на столике возле книги. Он пользуется этим, чтобы схватить ее и сжать, не отрывая взгляда от холмов.

– Мне конец, Марко.

– Ты всегда любил похныкать.

– Открой вон ту тумбочку.

Он отпускает мою руку, я открываю тумбочку и достаю большую тетрадь, пожелтевшую от времени. Осторожно перелистываю ее, боясь, что она может рассыпаться. Все страницы плотно исписаны. Я узнаю почерк Луи.

– Это одна из реликвий эпохи.

– Из тех времен, когда ты работал с итальянцами?

– Я тебе уже рассказывал?

– Да, тридцать лет назад.

– Тем лучше, сэкономим время. Помнишь весь бред, что нам приходил в головы, когда мы работали над «Сагой»?

– Мы говорили о сценариях, которые никогда не напишем, высказывали самые фантастические идеи, придумывали самые абсурдные диалоги, самые смешные реплики, в общем, все, что невозможно показать продюсеру или режиссеру.

– Когда я работал с итальянцами, мы все время что-то писали, пили, ели и разговаривали о всякой ерунде. У меня была отвратительная привычка записывать все это вместо того, чтобы сразу забыть. Реплики, которые не произнес ни один актер, беспорядочные мысли, множество мыслей, за которые можно было попасть в тюрьму, если бы они стали известны. Я дарю ее тебе. Можешь использовать этот материал, а можешь засунуть тетрадь в глубь ящика стола, как сделал я. Тебе решать.

– Я не могу принять этот подарок, Луи.

– Ты хочешь, чтобы тетрадь досталась Лоретте? Что она будет с ней делать? Скорее всего, выбросит вместе с мусором.

Этот порыв возмущения заканчивается приступом кашля. Его сероватое лицо становится багровым. Не зная, чем помочь, я стучу ему по спине. Вопреки всем ожиданиям, он успокаивается. Медленно приходит в себя.

– Если ты когда-нибудь увидишь тех двоих, передай им, что я никогда не переставал о них думать. Я вспоминал улыбку Матильды, ворчание Жерома. И, конечно, взгляд Тристана, уставившегося в телевизор.

Неожиданно он с силой вцепляется в мою руку. Это спазм, который, кажется, длится вечность.

– Я позову Лоретту!

– Только не сейчас!

Новый спазм. Я боюсь, что мое сердце остановится раньше, чем его.

Он просит меня перевернуть его на бок.

– Мне хочется закрыть глаза, но ты продолжай говорить…

– Говори что-нибудь, это лучшее, что ты можешь сделать. Я все никак не решаюсь. Мне может не хватить времени. Соберись с мужеством, Марко. Или ты будешь сожалеть об этом до конца своих дней.

– Знаешь, Луи… Есть одна вещь, о которой мы могли бы поговорить. Но я не уверен, что ты захочешь.

– Сейчас или никогда.

Он чертовски прав, наш Старик. Сейчас или никогда.

– Одна вещь не дает мне покоя, Луи. Я очень часто размышлял об этом. Тысячи раз. В конце концов, это превратилось в вызов сценаристу, которым я стал с твоей помощью.

– Проблема со сценарием? Замечательно, ты не мог найти лучшей темы для разговора. Я умру на сцене как Мольер.

– Вот уже тридцать лет, как я анализирую эту историю. Перебрал уйму гипотез… И в результате пришел к версии, которая кажется наиболее вероятной.

– Ты всегда был самым талантливым из нашей четверки.

– Это по поводу смерти Лизы. Твоя Лиза…

– Это ты ее убил, Луи. Другого правдоподобного объяснения нет. Я долго сомневался, прежде чем пришел к такой мысли. Но с точки зрения сценариста, другого решения нет. А я искал, ты знаешь…

Он медленно открывает глаза. Тень улыбки немного оживляет его взгляд.

– Сегодня днем, услышав твои шаги, я подумал, смогу ли заговорить с тобой об этом. Иногда нужно выговориться, чтобы облегчить совесть.

– Но твоей совести этого никогда не требовалось.

– Думаю, именно это и позволило мне продержаться так долго. После ее смерти все изменилось к лучшему. Да, я какое-то время продолжал страдать, но уже совсем иначе. Я мог представить себя без нее, но представить ее без меня – было выше моих сил.

Я вздохнул с огромным облегчением. И удовлетворением.

– Дай мне твою руку, дружище. Он снова закрыл глаза.

Он долго не выпускал мою руку. Я с тревогой прислушивался к его дыханию.

– Когда я думаю об этом отеле, мне кажется, что я умираю не по средствам…

– Ты шутишь, Луи. К тому же, это не твои слова, а фраза одного сценариста из Голливуда. Кажется, Уилсона Мизнера.

Молчание.

Его рука постепенно разжимается и бессильно падает на одеяло.

– Ошибаешься. Это Оскар Уайльд. Мне пришлось украсть у него свою последнюю реплику. Ничего лучшего не подвернулось…

Его тело резко напрягается. Он пытается найти в себе силы еще для одного вздоха. Рука свешивается с кровати. Я провел ладонью по его уже закрывшимся глазам.

Манхэттен ничем не напоминает тот калейдоскоп красок и форм, который я едва успел разглядеть, когда в прошлый раз приезжал к Жерому. Как это было давно. Теперь все стало гораздо спокойнее, светлее. Кажется, что город обескровлен. Его сердечный ритм меньше тридцати ударов в минуту. Бывший Вавилон превратился в гигантский конгломерат, в котором царствуют финансы.

Такси останавливается перед огромным кубом из стали и стекла. Я узнаю это здание, которое видел лишь на картинке в старом учебнике географии. Это резиденция ООН.

– Они не хотят переезжать отсюда, – говорит шофер. – Видимо, это здание кажется им нерушимым, вечным. А это обнадеживает, правда?

Я подхожу к зданию с дипломатом в руке. Сегодняшняя Организация Объединенных Наций совсем не похожа на ту, что существовала раньше. Сейчас ее авторитет не оспаривается никем, ни одна страна в мире не решается противиться ее решениям. Я прохожу мимо первого кордона военных, которые проверяют мой пропуск и показывают дорогу. Перед тем как попасть на эспланаду, вхожу в небольшое строение, где другие военные сканируют меня с головы до ног. Рентгеновские лучи невероятно тщательно обшаривают мое тело. Обстановка, не располагающая к шуткам. Мой пропуск, похожий на кредитную карточку, вставляют в щель аппарата, который в старые времена сошел бы за устройство для выявления фальшивых банкнот. Два типа в белых халатах склоняются над бутылкой с красной жидкостью, извлеченной из моего дипломата, и вопросительно смотрят на меня.

– Водка.

– Почему она красная?

– Потому что с перцем.

– Никогда не видели.

– Я и сам с трудом раздобыл ее. Пришлось заказать у фабриканта, у которого еще осталось несколько бутылок.

Несмотря на мою обескураживающую искренность, они открывают бутылку и выливают несколько капель в пробирку для проверки.

– Сделайте глоток, и вы сразу поймете. – …?

Я знал, что с этими типами не шутят. Маленький лаборант-параноик даже не догадывается, что моя охота за бутылкой перцовки – ничто, по сравнению с трехнедельными усилиями, которые я потратил, чтобы попасть сюда.

Старику не нужно было меня особо подталкивать. У меня и у самого была тысяча причин, чтобы повидать Матильду и Жерома. Чтобы сказать им, что наша команда потеряла лидера. Чтобы узнать, кем они стали и стали ли они этим вместе. Чтобы увидеть, как они выглядят сегодня. Чтобы снова почувствовать аромат духов Матильды. Да и много других поводов.

Меня пропускают на эспланаду. Я пересекаю ее и оказываюсь у здания, возле которого несколько типов в костюмах и галстуках по очереди проверяют мой пропуск и показывают на окошечко в глубине гигантского холла. Я ожидал увидеть здесь кишащую толпу, но в бесконечной пустоте раздается только эхо моих шагов.

Оба пропали пять лет назад. Мне пришлось освоить профессию детектива, и это в моем-то возрасте! А ведь сколько сыщиков я и сам придумал! Сколько изобрел ухищрений, чтобы обнаружить одну-единственную улику! Но в действительности я оказался не очень силен и, чтобы найти Матильду с Жеромом, провисел две недели на телефоне, пока передо мной не забрезжил луч надежды. Я подключил к поискам Патрика, и тот долго возился со своими модемами, мониторами и прочими штуками, которые связывают его со всем миром. Я обзвонил все киностудии, прессу, друзей и друзей этих друзей, в общем, обзвонил всех. Затем изучил по отдельности весь путь, пройденный Матильдой, и путь, пройденный Жеромом. И обнаружил, что их следы вначале пересекаются, а потом исчезают.

Служащий в окошке с недоуменным видом разглядывает мои бумаги.

– С кем вы должны встретиться?

– С Жеромом Дюрьецем.

– Вы уверены, что он работает здесь?

– А Матильда Пеллерен?

– Такой тоже нет. Но у вас пропуск типа B1.

– И… что это значит?

– Вас проведут в здание конференций. Там с вами побеседуют.

Он зовет парня, болтающего по мобильному телефону, и предлагает мне пройти за ним. Лифт, анфилада комнат, лабиринт коридоров. Суетящиеся сотрудники, озабоченные будущим мира. Меня просят подождать возле автомата, продающего горячие напитки…

В конце второй недели мне наконец удалось добраться до Ооны, работающей в каком-то калифорнийском тресте. Она меня не забыла. На экране видеотелефона Оона по-прежнему казалась воплощением мечты одного мужчины. Она рассказала мне о своей жизни, о том, как несколько раз расставалась с Жеромом, и о том, что сейчас они, видимо, разошлись окончательно. Сообщила, что Тристан умер три года назад. Мы болтали о том и о сем, и она наконец сказала, что Жером работает в ООН. Она и сама этим страшно удивлена и не имеет ни малейшего представления, чем он там занимается. Она пообещала мне попытаться связаться с ним, хотя и без гарантии на успех…

Два типа допрашивают меня, словно подозревают в каком-то преступлении. Они хотят знать все: кто я такой, откуда знаю Жерома и Матильду, что мне от них нужно.

– Не возмущайтесь, таковы требования службы безопасности.

– Если Жером в здании, предупредите его, что я здесь.

– Это дела не ускорит.

За несколько недель я научился терпению. Это напомнило мне те времена, когда я искал женщину, без которой не мог жить, и никто не хотел навести меня на ее след. Поиски Матильды вначале не дали никаких результатов. Она давно уже подарила право на переиздание своих произведений разным ассоциациям, и теперь те считают ее святой, хотя никогда не видели. Ее муж – герцог – оказался необычайно скрытным, видимо, он не раз попадался на крючок прессы, не оставлявшей его в покое. Однако он рассказал, что получил от нее длинное письмо с просьбой о разводе, присланное из ООН. Тогда я принялся осаждать это славное заведение, пока там не зарегистрировали мою просьбу. И как-то утром, уже находясь на грани отчаяния, я все-таки получил пропуск.

Я долго болтаюсь по магазину с беспошлинными товарами, готовый завыть, чтобы дать нервам разрядку. Симпатичная, похожая на стюардессу, девушка наконец отводит меня в здание Генеральной Ассамблеи; похоже, мой ранг несколько повысился. За поворотом коридора я вижу огромный зал, где заседают представители всех стран мира. Стюардесса передает меня агентам в галстуках, помогающим мне преодолеть последние метры и подняться на последний этаж здания, прямо под куполом.

Мы идем по словно вымершим коридорам, проходим три пустых зала для заседаний и оказываемся перед раздвигающимися дверями, такими же толстыми, как дверь сейфа. Мои гиды, предложив мне войти, сами остаются снаружи.

Я попадаю в небольшой тамбур, и наконец передо мной распахивается последняя дверь.

В комнате почти ничего нет, если не считать длинного стеклянного стола, по краям которого стоит по стулу.

Жером сидит перед огромным экраном и смотрит какой-то репортаж. На фоне гигантской голографической карты полушарий я замечаю хрупкий силуэт Матильды, затерявшийся где-то между Японией и Австралией. Звуки фильма заглушают шум моих шагов. Пока никто не догадывается о моем присутствии.

Некоторое время я смотрю на них. Своей упитанной фигурой и бородой с проседью Жером напоминает старого вояку в отставке. Он даже расстался со своими манерами прожигателя жизни и снова стал похож на того парня в потрепанных шмотках, которого я знал в молодости. Матильда напоминает строгую пожилую преподавательницу, преисполненную чувства ответственности. На ней серый костюм с длинной юбкой, небольшие овальные очки, волосы собраны в узел на затылке. Она больше не курит.

Жером останавливает пленку и обращается к ней с недовольным видом.

– Вам не кажется, что они серьезно перегибают палку с этим Фронтом мира?

Ничего не отвечая, она слегка пожимает плечами.

– Не прикидывайтесь глухой, черт возьми!

– Они справятся, если мы им поможем.

– Ладно, посмотрим… Вы уже забыли про встречу на высшем уровне в Кордове?

– Ситуация полностью изменилась с тех пор, как мы ввели в игру Джеффри. Они ему доверяют, это харизматическая личность, и он будет избран.

– Мне хотелось бы дождаться выборов и только потом принимать меры.

Молчание.

Жером снова запускает свой фильм, а она отходит от карты полушарий и заглядывает в лежащую на прозрачном столе раскрытую папку.

– Поскольку вы не хотите принимать меры, может, вам стоит подумать о Стокгольме?

– Я был уверен…

– Мой дорогой, нам нужно об этом поговорить.

– Я как раз пытаюсь найти решение.

– Эмбарго будет недостаточно.

– Знаю!

– Вы вряд ли добьетесь цели, повышая голос.

– Они начинает действовать мне на нервы со своими дурацкими северными лесами!

– Я это поняла.

– Я жду отчета. Мы можем немного изменить ситуацию. Я знаю как, и они ничего не успеют понять.

– Я не позволю вам даже в мыслях касаться соглашений Двух Атоллов. Попробуем придумать что-нибудь менее… грубое.

– Спасибо за менее грубое.

– Этот итальянский ученый получил потрясающие результаты, нужно отправить его туда. Это придаст им энергии. Остается придумать повод.

– Нобелевка?

Она отрывается от своей папки и с радостным видом поворачивается к нему.

– Отличная мысль! Наконец-то я узнаю вас, друг мой. Если бы вы еще нашли столь же блестящее решение, чтобы уладить инцидент в Кобе…

– Нужно подкупить законодателей – и все будет в порядке.

– Никогда!

Я не могу сдержать смех. Удивленная, Матильда хватается за сердце, а Жером выпрямляется в кресле.

Только взгляд друга способен превратить искру в пламя. Волна теплоты вырывается из моего сердца и разливается по всему телу.

У Жерома округлились глаза, когда он увидел перцовку.

– Ее еще можно найти?

– Нет, конечно.

Он достает из встроенного в стене шкафчика три бокала. Я предлагаю им помянуть Старика.

– Когда он умер?

– Месяц назад, в своем отеле.

Каждый из нас пытается найти подходящие слова, но что-то мешает нам сделать это. Луи когда-то говорил: «Сценарий – это не слово, а, прежде всего, образ. Нет лучшего диалога, чем молчание».

Мы высоко поднимаем бокалы и молча чокаемся.

После глотка красной жидкости постаревшее, но все еще красивое лицо Матильды неожиданно искажается в гримасе.

– Даже в те времена я удивлялась, как вы можете пить такую отраву.

Зато у нас с Жеромом краснеют щеки. Алкоголь приближает человека к могиле, но он способен и омолодить его за несколько секунд на тридцать лет.

– Эти типы, внизу, тебя не слишком замучили?

– На минуту мне показалось, что это «Процесс» Кафки.

– Мы не можем изменить их порядки, они просто помешаны на безопасности. Кроме того, ты – наш первый посетитель за многие годы, это не могло не показаться им странным.

– Я слышал, как вы разговаривали. Диалог сам по себе выглядел неплохо, но я не понял ни одной реплики.

Они переглядываются. Потом улыбаются. Никакой любви, никакой таинственности в этих улыбках. Только удивительное взаимопонимание. Жером с немного смущенным видом тычет пальцем в пол, показывая, что прямо под нами находится зал Генеральной Ассамблеи.

– Вначале мы не собирались застревать здесь надолго. Нам нужно было немного помочь этим типам, там, внизу.

– Делегатам?

– Пять лет назад они пригласили нас в качестве консультантов. Но получилось так, что мы здесь остались.

– Консультантами?

– Они хорошие теоретики, но им недостает структурного взгляда на ситуацию.

– Совершенно лишены воображения.

– Что вы такое несете?

– Выдай ему искреннюю фразу, Жером.

– Им нужны «негры», чтобы писать за них Историю, парень.

– Перестаньте надо мной издеваться.

– Вначале нам это тоже показалось странным. А потом мы привыкли, как привыкаешь к любой работе.

– К нам тут относятся как к королям. У каждого из нас есть своя свита. Нам даже не хочется уходить отсюда, да, Матильда?

Она с улыбкой соглашается с ним.

Немного ошеломленный, я сажусь на стул и смотрю в окно на Ист-Ривер. Жером выливает в мой бокал последние капли водки.

Я не в состоянии произнести ни слова. Пытаюсь представить их здесь, одних, запертых в башне из слоновой кости в течение многих лет.

Она. Он. Их взаимное притяжение. Постоянные стычки. Восхищение, которое они испытывают друг к другу.

Проповедник войны и жрица любви.

Чего только не увидишь на этом свете.

– Пусть это останется между нами, парень. Они не хотят, чтобы об этом знали.

Первый раз в жизни я буду вынужден солгать Шарлотте. Но у меня впереди долгая дорога, чтобы придумать что-нибудь правдоподобное.

Примечания

1

Джулиус (Граучо) Маркс (1890-1977) – американский актер.

2

Американские духовные песнопения.

3

Жанр японской поэзии.

4

Музей современного искусства.

5

Один фунт плоти (англ.).

6

Мальтус Томас Роберт (1766 – 1834) – английский экономист.

7

Соус из уксуса с яичным желтком и травами.

8

Кинозвезда, приглашенная для участия в съемках.

9

Скорбяшая Богоматерь.

10

Название плавленого сыра.

11

Самое страшное – в конце (лат.).

12

Да здравствует смерть! (исп.).

13

Боже, храни Америку (англ.).
